ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

1466–1472 гг.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА
И
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА
АН СССР
В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 4 8

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы

Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

1466–1472 гг.

ТРОИЦКИЙ СПИСОК

XVI в.

л. 369 За молитву святыхъ отецъ нашихъ, господи Ісусе Христе, сыне божій, помилуй мя раба своего грѣшнаго Афонасья Микитина сына.* Се написахъ грѣшное свое хоженіе за трі моря: прьвое море Дербеньское, дорія Хвалитьскаа;[1] второе море Индѣйское, дорія[а] Гондустаньскаа;[2] третье море Черное, дорія Стемъбольскаа.[б,3] Поидохъ отъ святаго Спаса златоверхаго[4] съ его милостью,[в] от великого князя Михаила Борисовичя[г,5] и от владыкы Генадія[6] Твѣрьскыхъ,[д] поидохъ на низъ[е] Волгою и приидохъ въ манастырь[ж] къ святѣй живоначалной Троици[7] и святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу;[8] и у игумена [illegible]ся благословивъ у Макарія[з] братьи; и с Колязина поидохъ на Углечь,[и] *с Углеча* на Кострому ко князю Александру,[9] с ыною грамотою. И князь великі отпустилъ мя *всея Руси*[10] доброволно. И на Плесо,[к] въ Новъгородъ Нижней къ Михаилу к Киселеву к намѣстнику и къ пошьли́ннику Ивану Сараеву[л] пропустили[м] доброволно.

л. 369 об. А Василей Папинъ[11] || проехалъ въ городъ,[н] а язъ ждалъ въ Новѣгородѣ[о] двѣ недели посла татарьскаго ширвашина Асамъбѣга[п,12] а ехалъ с кречаты отъ великаго князя Ивана, а кречатовъ у него девяносто. И поехалъ есми съ нимъ[р] на низъ Волгою. И Казань есмя,[с] и Орду,[т,13] *и Усланъ,* и Сарай,[у,14] и Берекезаны[15] *проехали есмя доброволно.

И въехали есмя въ Бузанъ рѣку.*[16] И ту наехали насъ
три татарины поганыи и сказали намъ лживыя вѣсти: Каи-
сымъ солтанъ[17] стережетъ гостей, въ Бузанї, а с нимъ
три тысячи тотаръ. И посолъ ширвашинъ Асанбѣгъ далъ
имъ по одноряткы да по полотну, чтобы провели мимо Азътар-
ханъ.[а,18] И они[б] по одноряткы взяли, да вѣсть дали в Хазъ-
торохани царю. И язъ своє судно покинулъ да полѣзъ есми
на судно на послово и с товарищи.[в] [Поѣхали есмя мимо][г] Азътар-
ханъ[д] по мѣсяцу ночи парусом,[д'] царь насъ видѣлъ и татаровѣ
л. 370 намъ кликалї: „качьма,[19] не бѣгайте“.[е] || И царь послал за
нами всю свою орду. И *по нашимъ грѣхомъ* насъ постигли
на Бугунѣ,[20] [ж]застрелили у нас человѣка, а мы у нихъ дву
застрелили;[ж] и судно наше меншее стало на езу,[21] и оны его
взяли часа того да розграбили, а моя[з] рухлядь вся в меншемъ
суднѣ.

А болшимъ есмя судномъ дошли до моря, ино стало на
усть Волгы на мели, а они насъ туто взяли, да судно есмя
взадъ тянули до езу. И тут судно наше болшие взяли[и] ї 4
головы взяли руские, а нас отпустили голими головами за
море, а вверхъ насъ не пропустили вѣсти дѣля. И пошли есмя
к Дербеньтк[к,22] двѣма суды: в одномъ суднѣ посолъ Асамь-
бѣгъ, да тезикы,[23] да русаковъ насъ 10 головами; а в дру-
гомъ суднѣ 6 москвичь да 6 тверичь.[л] И въстала фуръсто-
вина[24] на морѣ, да судно меншее разбило о берегъ,[м] и пришли
кайтаки да людей поимали всѣхъ.

л. 370 об. И пришлї есмя в Дербенть. И ту Ва || силей поздорову
пришелъ, а мы пограблены. И билъ есми[н] челомъ Василью
Папину да послу ширванширу Асанъбегу, что есмя с нимъ[о]
пришли, чтобы ся печаловалъ о людехъ, что ихъ поимали
подъ Тархы[25] кайтаки.[26] И Осанбѣгъ печаловался и ездилъ
на гору къ Бултабѣгу. И Булатъбѣгъ послалъ скоро[хо]да
къ ширваншѣбѣгу: что[п] судно русское разбило подъ Тархи,

и кайтакы пришедъ людей поимали, а товаръ их розъграбили.
И ширваншабѣгъ того часа послалъ посла к шурину своему
Алильбегу кайтаческому князю,[27] что судно ся мое разбило
подъ Тархы, и твои люди пришедъ людей поимали, а товаръ
ихъ пограбили; и ты бы мене дѣля люди ко мнѣ прислалъ
и товаръ ихъ собралъ, занеже тѣ люди посланы на мое имя;
а что тобѣ[а] будетъ надобе у меня, и ты ко мнѣ, пришли,
и язъ тобѣ, своему брату, за то не[а] стою[б] и ты бы ихъ отпу-
л. 371 стилъ[в] || доброволно меня дѣля. И Алильбѣгъ того часа
отослалъ людей *всѣхъ въ Дербентъ доброволно, а изъ
Дербенту послали ихъ къ ширванши[28] въ [О]рду его кои-
тулъ.[29]

А мы поехали к ширъванше во и коитулъ и били есмя
ему челомъ, чтобы насъ пожаловалъ, чѣмъ доити до Руси.
И онъ намъ не далъ ничего, ано насъ много. И мы заплакавъ
да розошлися кои куды: у кого что есть на Руси, и тотъ
пошелъ на Русь; а кой долженъ, а тотъ пошелъ, куды его
очи понесли, а иные осталися в Шамахѣе,[30] а иные пошли
роботать къ Бакѣ.[31]

А язъ пошелъ къ Дербенти, а из Дербенти къ Бакѣ,
гдѣ огнь горить неугасимы; а изъ Бакі пошелъ есми за море
к Чобокару,[32] да тутъ есми жилъ въ Чебокарѣ 6 мѣсяць, да
в Сарѣ[33] жилъ мѣсяць в Маздраньской земли.[34] А оттуды
ко Амили,[35] и тутъ жилъ есми мѣсяць. А оттуды к Димо-
ванту,[36] а из Димованту ко Рею.[37] А ту убили Шаусеня
л. 371 об. Алеевыхъ детей и внучатъ Махметевыхъ,[38] и онъ ихъ про || клялъ,
ино 70 городовъ ся розвалило. А из Дрѣя[39] к Кашени,[40]
и тутъ есми былъ мѣсяць. А изъ Кашени к Наину,[41] а изъ
Наина ко Ездѣи,[42] и тутъ жилъ есми мѣсяць. А изъ Диесъ[43]
къ Сырчану,[44] а изъ Сырчана къ Тарому,[45] а фуники кормять
животину, батманъ по 4 алтыны. А изъ Торома къ Лару,[46]
а изъ Лара к Бендерю.[47]

И тутъ есть пристанище Гурмызьское,[48] и тутъ есть море
Индейское, а парьсейскымъ языкомъ и Гондустаньскаа дорія[49];

и оттуды ити моремъ до Гурмыза 4 мили. А Гурмызъ есть на островѣ, а ежедень* поимаеть его море по двожды на день. И тутъ есми взялъ 1-й Великъ день, а пришелъ есми в Гурмызъ за четыре недѣли до Велика дни. А то есми городы[а] не всѣ писалъ, много городовъ великихъ. А въ Гурмызѣ есть варное солнце, человѣка съжжеть. А въ Гурмызѣ былъ есми мѣсяцъ, а изъ Гурмыза пошелъ есми за море Индѣйское, по Велице дни в Фомину недѣлю,[б] в таву,[50] с коньми.[51]

И шли есмя моремъ до Мошката[52] 10 дни; а отъ Мошката
л. 372 до || Дѣгу[53] 4 дни; отъ Дѣга Кужзряту;[в, 54] а отъ Кузрята Конбату, а тутъ ся родить краска[55] да лекъ.[56] А отъ Канбата[57] къ Чивилю,[58] а отъ Чивиля есмя пошли в семую недѣлю по Велицѣ дни, а шли есмя в тавѣ 6 недѣль моремѣ до Чивиля.

И тутъ есть Индѣйская страна, и люди ходять нагы всѣ,[59] а голова не покрыта, а груди голы,[г] а волосы в одну косу плетены,[д] а всѣ ходятъ брюхаты, дѣти родять на всякый годъ, а детей у нихъ много, а мужы и жены всѣ[е] черны; язъ хожу куды, ино за мною людей много, дивятся[ж] бѣлому человѣку. А князь их — фота[60] на головѣ, а другаа на бедрахъ;[з] а бояре у них *ходять* — фота на плещѣ, а другыя на бедрахъ,[з] а княгыни ходять — фота на плечемъ[и] обогнута, а другаа на бедрахъ;[з] а слугы княжия и боярьскыя — фота на бедрахъ[з] обогнута, да щитъ да мечь в рукахъ, а иныя с сулицами а ины с ножи, а иныя с саблями, а иныи с луки и стрелами; а всѣ нагы, да босы, да болкаты;[к] а жонки ходятъ голова
л. 372 об. не покрыта, а груди[л] голы; || а паропкы да девочкы ходятъ нагы до 7 лѣтъ, а соромъ не покрытъ.

А изъ Чювиля пошли есмя сухомъ до Пали[61] 8 дни, то[м] индѣйскыя городы.[а] А отъ Пали до Умри[62] 10 дни, то есть городъ индѣйскый. А отъ Умри до Чюнейря[63] 6 дний,[н] и тутъ есть Асатъхан Чюнерьскыя индѣйскыя, а холопъ меликътучя-

ровъ,[64] а держить, сказывають, седмь темь отъ Меликтучара. А Меликтучаръ сѣдитъ на 20 тмахъ;[65] а бьется с кафары[66] 20 лѣтъ есть, то его побиють,[а] то онъ побиваеть ихъ многажды. Ханъ же езди[ть] на людехъ,[67] а слоновъ у него и коний[б] много добрыхъ, а людей у него много[в] хорозанцевъ;[68] а привозять ихъ изъ Хоросаньскыя земли,[69] а иныя из Орапской[г] земли,[70] а иныя ис Туркменскыя[д] земли, а иныя исъ Чеготаньскыя[е] земли,[71] а привозять все моремъ въ тавахъ, Индѣйскыя земли[72] корабли.

л. 373 И язъ грѣшный привезлъ жеребьца в Ындѣйскую || землю, дошелъ есми до Чюнеря богъ далъ поздорову все, а сталъ ми сто рублевъ. Зима же у нихъ стала с Троицина дни.[73] А зимовали есмя в Чюнѣйрѣ, жили есмя два мѣсяца; ежедень и нощь 4 мѣсяца, а всюда вода да грязь. В тѣ же дни у нихъ орють да сѣють пшеницу, да тутурганъ, да ногутъ,[74] да все съястное. Вино же у нихъ чинятъ в великыхъ орѣсехъ[75] кози гундустаньскаа;[76] а брагу чинятъ въ татну,[77] кони кормять нохотомъ, да варять кичирисъ[78] с сахаромъ да кормять кони, да с масломъ, порану же дають шьшени.[ж, 79] Во Индѣйской же земли кони ся у нихъ не родятъ,[80] въ ихъ земли родятся волы да буволы, на тѣхъ же ѣздять и товаръ *иное* возять, все дѣлають.

Чюнеръ[з, 81] же градъ есть на острову на каменомъ, не дѣланъ[и] ничимъ, богомъ сътворенъ; а ходять на гору день по единому человѣку, дорога тѣсна,[к] поити нелзя. Во Индѣйской земли гости ся ставять по подворьемь,[82] а ѣсти варять

л. 373 об. на гости господарыни,[л] и постелю стелють,[м] и спять с гостьми, || сикишь илересънь ду житель[н] берсень, *достурь авратъ чектурь* а сикишъ муфутъ[о, 83] любять бѣлыхъ людей. Зимѣ же у нихъ ходять люди[п] фота на бедрахъ,[р] а другаа на плещемъ, а третья на головѣ; а князи и бояря тогда въздевають на собя портки, да сорочицу, да кавтанъ, да фота по плечемъ, да другою ся опоя-

шеть, а третьею *фотою* главу обертить;[а] а се оло, оло, абрь оло акъ, оло керимъ,[б] оло рагымъ.[84]

А въ томъ Чюнерѣ ханъ у меня взялъ жерепца, а увѣдалъ, что язъ не бесерменинъ,[85] русинъ, и онъ молвитъ: „И жерепца дамъ да тысячю золотыхъ дамъ, а стань в вѣру нашу въ Махмѣтъ дени;[86] а не станешь в вѣру нашу *в Махметъ дени,*[87] и жерепца возму и тысячю золотыхъ на главѣ твоей возму". А срокъ учинилъ на 4 дни, въ говѣйно успеніи[в] на Спасов день. И господь богъ смиловася на свой честный праздникъ,
л. 374 не отстави отъ меня милости своея грешнаго и не по || велъ погыбнути въ Чюнерѣ с нечестивымі; и канунъ Спасова дни приѣхалъ хозяйочи[88] Махметъ хоросанець, билъ есми челомъ ему, чтобы ся о мнѣ печаловалъ; и онъ ѣздилъ к хану в городъ, да мене отпросилъ, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жерепца моего у него взялъ. Таково господарево чюдо на Спасовъ день. Ино, братья русьстіи християне, кто хочеть поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въскликну Махмета да поиди в Гундустаньскую[г] землю.

Мене залгали псы бесермена, а сказывали всего много нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю; все товаръ бѣло[й] на Бесермьньскую землю, перецъ да краска, то дешево; ино возятъ аче моремъ, иныи[д] пошлины не дають. *А люди иные намъ провезти пошлины на дадутъ,* и пошлины много, а разбойниковъ на море много. А розбивають все кофары, ни крестіяне, ни бесерьмена;[89] а молятся каменнымъ болваномъ, а Христа не знають.[е]

л. 374 об. А исъ Чюнеря есмя вышли || на Успение пречистые[ж] къ Бедерю[90] большему ихъ граду. А шли есмя мѣсяць;[з] а отъ Бедеря до Кулонкеря 5 дний; а отъ Кулонгеря[91] до Кельбергу[92] 5 дни. Промежю тѣхъ великыхъ градовъ много градовъ; на всякъ день по три грады, а на иной *день* и 4 грады; колко ковъвъ, толко градовъ. А отъ Чювиля до Чюнейря 20 ковъвъ,[93] а отъ Чюнеря до Бедеря 40 ковов, а отъ Бедеря до

Колуньгеря 9 ковов, а отъ Бедеря до Колубергу 9 ковов.

В Бедери же торгъ на кони, да на товаръ, да камкы,[94] на шелкъ и на всякой иной товаръ, да купити в немъ люди черныя; а иныя в немъ купли нѣтъ. Да все товаръ ихъ гундостаньской, да съястной все овощь, а на Русьскую землю товара нѣтъ. [а]А все черныя, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣдь, да тать, да ложь, да зельи, господаря морять.[а]

Во Индѣйской земли княжать все хоросанци, и бояре все
л. 375 хоросанци;[95] а гу || ндустанци все пѣшиходы, а ходятъ[б] борзо, а все нагы да босы, да щитъ в руцѣ, а в другой мечь, а иныя *слугы* с великими с прямыми лукы да стрелами. А бой ихъ все слоны, да пѣшихъ пускають напередъ, хоросанци на конехъ да в доспѣсехъ, и кони и сами; а къ слономъ вяжуть к рылу[96] да к зубомъ великия мечи по кендарю кованы, да оболочать ихъ в доспѣхъ булатный,[в] да на нихъ учинены городъкы, да и в горотъкѣ по 12 человѣкъ в доспѣсехъ, да все с пушками[97] да стрелами.

Есть у нихъ одно мѣсто, шихбъ алудинъ пiръ атыръ бозаръ[98] алядинандъ,[99] на годъ единъ бозаръ, съѣждается вся страна Индѣйская торговати, да торгують 10 дний; от Бедеря 12, ковов, приводять коней[ч] до 20 тысящь продають,[г] всякый товаръ свозять; во Гондустаньской земли той торгъ лучшiй,
л. 375 об. всякый товаръ продають, купять, || на память шиха Аладина, на руськый *праздникъ* на Покровъ святыя богородица. Есть в томъ Алянде и птица гукукъ,[100] летаеть ночи, а кличеть гукукъ,[д] а на которой хороминѣ сѣдить, то тутъ человѣкъ умреть; а кто ея хочеть убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть. А мамонь[е,101] ходять ночи да имають куры, а живуть въ горѣ или в каменье. А обезьяны то тѣ живуть по лесу, да у нихъ есть князь обезьяньскый, да ходить ратию своею,[102] да кто *ихъ* заимаеть, и они ся жалують князю своему, и *онъ посылаеть на того свою рать,* и они, пришедъ на градъ,

и дворы разволяють и людей побьють. А рати ихъ, сказывають, велми много, [а]и языкы ихъ есть свои,[а] а детей родять много; да которой родится не в отца, не в матерь, ини[б] тѣхъ мечють по дорогамъ; ины гондустанци тѣхъ имають
л. 376 да учать их всякому рукодѣлью, а иныхъ прод || ають ночи, чтобы взадъ не знали побѣжати,[в] а иных учатъ базы[г] миканетъ.[103]

Весна же у нихъ стала съ Покрова[д,104] святыя богородица; а празднують шиху Аладину[105] и веснѣ двѣ недѣли по Покровѣ, а празднують 8 дни; а весну держать 3 мѣсяца, а лѣто 3 месяца, а зиму 3 мѣсяца, *а осень 3 мѣсяца.* В Бедери же[е] ихъ столъ Гундустану бесерменьскому.[106] А градъ есть великъ, а людей много велми; а салтанъ великъ[ж] 20 лѣт,[107] а держать бояре, а княжать фарасанци,[з,108] а воюють все хоросанци.

Есть хоросанецъ Меликтучаръ бояринъ,[109] ино у него рати[и] двѣсте тысячь, а у Меликхана 100 тысячь, а у Харатхана[к,110] 20 тысячь; а много техъ хановъ по 10 тысячь рати. А с салтаномъ выходятъ 300 тысячь рати своей. А земля людна велми, *а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добрѣ*[111] и пышны велми; а все ихъ носять [л]на кроватех своеихъ[л] на
376 об. сребряныхъ, да предъ ними водять кони въ снастехъ[м] || золотых до 20; а на конехъ за ними 300 человѣкъ, а пѣшихъ 500 человѣкъ, да трубников 10, да нагарниковъ[н,112] 10 человѣкъ, да свирѣлниковъ 10 человѣкъ. Солтанъ же выещаеть на потѣху с матерью да с женою, ино с нимъ человѣковъ[о] на конехъ 10 тысящь, а пѣшихъ 50 тысящь, а слоновъ водять 200 наряженыхъ в доспѣсѣхъ золоченыхъ,[113] да предъ нимъ 100 человекъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человѣкъ, да коней простых 300 въ снастехъ[п] золотыхъ, да обезьянъ за нимъ 100, да блядей 100, а все гаурыкы.[р,114]

[с]В султановъ же дворъ[с] 7-ры ворота, а в воротѣхъ сѣдять по 100 сторожевъ да по 100 писцевъ кофаровъ; кто поидеть,

ини записывають, а кто выйдеть, ини записывають; а гариповъ[115]
не пускають въ градъ. А дворъ же его чюденъ велми, все на
вырезѣ да на золотѣ, и послѣдний камень вырѣзанъ да золо-
л. 377 томъ описанъ велми чюдно; да во дворѣ у него || суды
розныя.

Городъ же Бедерь стерегуть в нощи тысяча человѣк кутоваловыхъ,[116] а ѣздять на конехъ да в доспѣсехъ, да у всѣхъ по свѣтычю. А язъ жерепца своего продалъ в Бедери, да наложилъ есми у него 60 да и 8 футуновъ,[117] а кормилъ есми его годъ. В Бедери же змии ходять по улицамъ, а длина ея двѣ сажени. *Приидохъ же в Бедерь о заговѣйне о Филиповѣ ис Кулонгѣря, и продахъ жеребца своего о Рожествѣ, и тутъ быхъ до великого заговейна в Бедери и познася со многыми индѣяны и сказахъ имъ вѣру свою, что есми не бесерменинъ исаяденіені[118] есть християнинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани.[119] И они же не учали ся отъ меня крыти ни о чемъ, ни о ѣствѣ, ни о торговле, ни о маназу,[120] ни о иныхъ вещехъ, ни жонъ своихъ не учали крыти.

Да о вѣрѣ же о ихъ распытахъ все, і оны сказываютъ:
л. 377 об. вѣруем въ Адама,[121] || а Буты,[122] кажуть, то есть Адамъ и родъ
его весь. А вѣръ въ Индѣи всѣхъ 80 и 4 вѣры,[123] а все вѣруютъ в Бута;[124] а вѣра с вѣрою [ни] пиеть, ни ястъ, ни женится, а иныя же боранину, да куры, да рыбу, да яица ядять, а воловины не ядять никакаа вѣра.

В Бедери же быхъ 4 мѣсяца и свѣщахся съ индѣяны поити къ Первоти, то ихъ Ерусалимъ, а по бесерменьскы Мягъка, гдѣ ихъ бутхана.[125] Там же поидохъ съ индѣяны до будутханы мѣсяць, и торгу у бутьханы 5 дни. А бутхана же велми велика, есть с пол-Твѣри, камена, да рѣзаны по ней дѣяния Бутовыя, около ея всея 12 рѣзано вѣнцевъ, какъ Бутъ чюдеса творилъ, какъ ся имъ являлъ многыми образы: первое человѣческымъ образомъ являлся; другое человѣкъ, а носъ слоновъ; третье человѣкъ, а виденье обезьанино*; въ четвертые человѣкъ, а образомъ лютаго звѣря, являлся имъ все[а]

л. 378 съ хво || стомъ, а вырезанъ на камени, а хвостъ черезъ него сажень. К бутхану же съеждается вся страна Индѣйскаа на чюдо Бутово; да у бутханы бреются[а] старыя[б] женкы и дѣвки,[в] а бреють на собѣ всѣ волосы, и бороды, и головы,[г] да поидуть къ бутхану; да со всякыя головы емлють по двѣ шекшени[д] пошлини[126] на Бута, а с коней по четыре футы; а съѣждается къ бутхану[е] всѣхъ людей бысть[ж] азаръ лекъ вахтъ[з] башетъ сатъ азаре лекъ.[127] В бу[т]ханѣ же Бутъ вырѣзанъ ис камени,[и] велми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую подняль высоко да простеръ,[к] акы Устьянъ царь Царяградскы,[128] а въ лѣвой руцѣ у него копіе, а на немъ нѣтъ ничево, а гузно у него обязано ширинкою, а виденье обезьянино, а иныя Буты нагы, нѣт ничево, котъ ачюкъ, а жонкы Бутавы нагы вырезаны и с соромомъ, а з дѣтми, а перет Бутом же стоитъ волъ велми великъ, а вырезанъ
л. 378 об. ис камени ис чернаго, а весь позолоченъ, || а цѣлують его въ копыто, а сыплють на него цвѣты, и на Бута сыплють цвѣты.[л]

Индѣяне же не ядятъ никоторого мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины,[м] ни рыбы, ни свинины, а свиней же у нихъ велми много; а ядятъ же днем[н] двожды, а ночи не ядять, а вина не пиють, ни сыты;[о] а с бесермены не піють, ни ядять. А ѣства же ихъ плоха, а одинъ съ однимъ ни піеть, ни ястъ,[129] ни съ женою; а ядятъ брынець,[130] да кичири[131] с масломъ, да травы розныя ядятъ,[п] все рукою правою, а левою не приимется ни за что; а ножа не держать, а лъжици не знають; а на дорозѣ кто же собѣ варить кашу, а у всякого по горньцу. А отъ бесермянъ скрыются, чтобы не посмотрилъ ни въ горнець, ни въ яству; [р]а посмотрилъ бесерменинъ на ѣству, і онъ не ястъ[р], а ядять иные,[с] покрываются платомъ, чтобы никто не видѣлъ его.

л. 379 А намазъ же ихъ на востокъ по-руськы,[т] обе рукы || подымають высоко, да кладуть на тѣмя, да ложатся ниць на земли,

за мл҃твоу ст҃хъ ѿ҃ць наших г҃и і҃се х҃е с҃не б҃жїи.
помилоуи мѧ раба своего грѣшнаго,
афонасьѧ микитина с҃на :.
Се написах грѣшьное свое хоженїе за трї
морѧ. прьвое море дербеньское дорїѧ
хвалитьскаа. второе море индѣи
ское. гори гондоустаньскаа. треть
е море черное. дорїѧ стембольскаа :
Поидох ѿ ст҃го спаса златоверхаго с
его млс҃тью. ѿ великого кнѧзѧ ми
хаила борисовича. и ѿ влдкы генадїѧ
тверьскы. поидох на низ волгою
и приидох въ манастырь к ст҃ѣи живо
началнои трци. и с ст҃мъ мч҃нкомъ
борисоу и глѣбоу. и оу игоумена сѧ
блгсвихъ оу макарїѧ. братїи. и с коло
зина поидох на оуглечь. с оуглеча на костро
моу ко кнѧзю александроу. с ыною гра
мотою. и кнѧзь великїи ѿпоусти
л мѧ всеѧ роуси доброволно. и на плес
со в новгород нижнеи к михаилоу
к киселевоу. к намѣстникоу. и
к пошлинникоу ивану сараевоу.
пропоустили доброволно. а василеи папи

„Хожение за три моря“ Афанасия Никитина. Лист 369 из Троицкого списка XVI в.

перводегерь. развѣ е бо то гоиного ба не
знае. и море же прейдохъ. да занесе на
сыкъ бальикаее. а ѿтоудова тъкъзър
зофу. и тоу стояли есмя .е. днии. бжиею
млтью придох в кафѣ. за .ф. днии до фи
липова заговеина. ѡлло перводигыръ.
млтию же бжиею преидохже три моря.
дигырь. худо доно ѡлло перводигирь.
доно. аминь: смилна. рахмамъ. рагы
ѡлло. акберь. акши худо. илелло. акши.
ходо, иса рух оалло. аалисолом. ѡлло акберь. аила
гаилла. илелло. ѡлло перводигерь. ахадулі
лло. шукур худо. афатад. бисмилна. ги
рахмам ррагым. хувомогулези. ляилляга.
ильлягуя. алимул. гяиби. вашагади
ти. хуарахмань. рагымъ. хувомогу.
лязи. ляилляга. ильляхуя. альмелик
ку. алакудосу. асалому. альмоумин
ноу. альмоугаминну. альазизу. альче
бароу. альмоутаканъбироу. альха
ликоу. альбарию. альмусавирю. алька
фару. алькахару. альвахадъ. альрязаку.
альфатагоу. альалимоу. алькабизу. аль
басуту. альхафизу. альрравфию. альма
вифу. альмузилю. альсемию. альвасирю.
альакамоу. альадьюлю. альлятуфу:.

„Хожение за три моря“ Афанасия Никитина. Лист 392 об. из Троицкого списка XVI в.

да весь[а] ся истягнеть по земли, то ихъ поклоны. А ясти же садятся, ини[б] омывають рукы да и ногы, да и ротъ пополаскывають. А бутханы же ихъ безъ дверей, а ставлены на востокъ, а Буты стоятъ на востокъ. А кто у нихъ умреть, ини[в] тѣхъ жгуть да пепелъ сыплють на воду. А у жены дитя родится, ино бабить мужь, а имя сыну даеть отецъ, а дочери мати; а добровтра[г] у них нѣтъ, а сорома не знають. [Пошел][д] или пришелъ, ины ся кланяють по чернечьскы, обе рукы дотычють до земли, а не говорить ничево.

К Первотѣ же яздять о великомъ заговѣйне, [е]къ своему Буту,[ж] тотъ ихъ Іерусалимъ,[е] а[з] по-бесерменьскыи Мякька,[з,132] а по-рускы Ерусалимъ, а по-индѣйскы Парватъ. А съеждаются всѣ нагы, только на гузне платъ; а жонкы всѣ нагы, толко л. 379 об. на гузне || фота, а иныя въ фотахъ, да на шияхъ[и] жемчюгъ, много яхонтовъ,[и,133] да на рукахъ обручи да перстьни златы олло оакъ,[134] а внутрь къ Бутхану ездятъ на волехъ, да у вола рога окованы мѣдью, да на шие колоколцевъ 300, да копыта подкованы; а тѣ волы ачьче[к] зовутъ. Индѣяне же вола зовуть отцемъ, а корову матерью,[135] а каломъ[л] ихъ *пекутъ хлѣбы и ѣству варять собѣ, а попеломъ тѣмъ мажуться по лицу,[136] и по челу, и по всему тѣлу ихъ* знамя. Въ недѣлю же да въ понедѣльникъ ядять единожды[м] днемъ. Въ Индѣе же[н] какъ пачекътуръ, а учюзе-дерь:[137] сикишь иларсень ики шитель;[138] акечаны иля атырьсеньатле жетель берь; булара досторъ: а кулъ[139] караваш[140] учюзъ чар фуна хубъ бемъ фуна хубесия; капкара амь чюкъ кичи хошь.[н]

От Первати же приехалъ есми в Бедерь, за 15 дний до л. 380 бесерменьскаго || улубагря.[141] А Великого дни[142] въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великий день бываеть хрестьяньскы первие бесерьменьскаго багрима[о] за 9-ть день, или за 10 дни. А со мною нѣтъ ничево, никакоя книгы, а книгы есмя взяли съ собою съ Руси; ино коли мя пограбили, ини

ихъ взяли и язъ позабылъ[а] вѣры хрестьяньскыя всея и праздников хрестіаньскыхъ, ни Велика дни,[142] ни Рожества Христова *не вѣдаю, ни среды, ни пятници* не знаю; а промежу есми вѣръ тангрыдань истремень[143] олъсакласынъ; олло худо, олло акъ, олло ты, *олло акъберъ, олло рагымъ, олло керимъ, олло рагымелъло,* олло каримелло, танъ танъгрысень,[б] худосеньсень. Богъ единъ то царь славы, творець небу и земли. А иду я на Русь, кетьмышьтыръ имень,[144] уручь[в] тутъ тым. Месяць март прошелъ, и азъ *месяць мяса есмь не ялъ,*
л. 380 об. заговѣлъ с бесермены в недѣлю, [г]да говѣлъ есми || ничево[г] скоромнаго, никакыя ястъвы бесерменьскыя, а ялъ есми все по двожды днемъ хльбъ да воду, вратыйялъ[д] ятъ мадымъ; да молился есми богу[е] вседержителю, кто сътворилъ небо и землю, а иного есми не призывалъ никоторово имени, богъ олло, бог керимъ, богъ рагымъ, богъ худо,[ж] богъ 'акъ беръ, богъ царь славы, олло варенно, олло рагымелло сеньсень олло ты.

А отъ Гурмыза[145] ити моремъ до Голатъ 10 дни, а [отъ] Калаты[з] до Дѣгу[146] 6 дни, а от Дѣга до Мошката[и,147] до Кучьзрята[к,148] до Комбата[149] 4 дни, отъ Камбата до Чивеля[150] 12 дни, а отъ Чивиля да Дабыля.[л,151] Дабыль же есть пристанище въ Гундустани послѣднее бесерменьству. А отъ Дабыля до Колекота[м,152] 25 дни, а отъ Селекота до Силяна[153] 15 дни, а отъ Силяна до Шибаита[н,154] мѣсяць ити, а отъ Сибата[о] до Певвгу 20 дни, а отъ Певгу[155] до Чини да до
л. 381 Мачина[156] месяць итьти, || моремъ все то хожение. А от Чини да до Кытаа[п,157] итьти сухом 6 месяць, а моремъ четыре дни ити, аросто хода[р] чотом.[158]

Гурмызъ[159] же есть пристанище великое, всего свѣта люди въ немъ бывають, и всякы товаръ въ немъ есть, что на всемъ свѣте родится, то в Гурмызѣ есть все; тамга[160] же велика, десятое со всего есть.[с] А Камбаятъ[161] же пристанище Индѣй-

скому морю всему, а товаръ в немъ все дѣлають алачи,[162] да пестреди,[163] да канъдаки,[а,164] да чинять краску ниль,[165] да родится въ немъ лекъ[166] да ахыкъ[167] да лонъ.[168] Дабыло[169] же есть пристанище велми велико, и привозять[б] кони изъ Мисюря,[170] изъ Арабъстани,[в, 171] *изь Хоросани,[172] исъ Туркустани,[173] изъ Негостани*[174] да ходять сухомъ месяць до Бедери да до Кельбергу.[175]

А Келекотъ[176] же есть пристанище Индѣйского моря всего, а проити его не дай богъ никакову кестяку.[г, 177] А кто его
л. 381 об. ни увидить, || тотъ поздорову не проидеть[д] моремъ. А родится въ немъ перець, да зеньзебиль,[178] да цвѣтъ, да мошкатъ,[179] да калафуръ,[е, 180] да корица, да гвозникы,[ж,181] да пряное коренье,[182] *да адрякъ,[183] да всякого коренья* родится въ нем много. Да все въ немъ дешево, да куль да каравашь письярь[з] хубь сія.[184]

А Силян[185] же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а въ немъ[и] баба Адамъ на горѣ на высоцѣ,[186] да около его[к] родится каменье драгое,[187] да червьци[188] да фатисы[189] да бабогури,[л, 190] да бинчаи,[191] да хрусталь,[192] да сумбада,[м,193] да слоны родятся, да продають в локоть, да девякуши[194] продають в вѣсъ.

А Шабаитьское[н] пристанище[195] Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцемъ дають алафу[196] по тенкѣ[о, 197] на день, и великому и малому; а кто в немъ женится хоросанець, и князь шабатьской даеть по тысячи тенекъ на жертву, [п]да на
л. 382 олафу даеть да ѣсть || на всякый месяць по десяти денекъ;[п] да родится в Шаботе[198] шелкъ, да сандалъ,[199] да жемчюгъ, да все дешево.

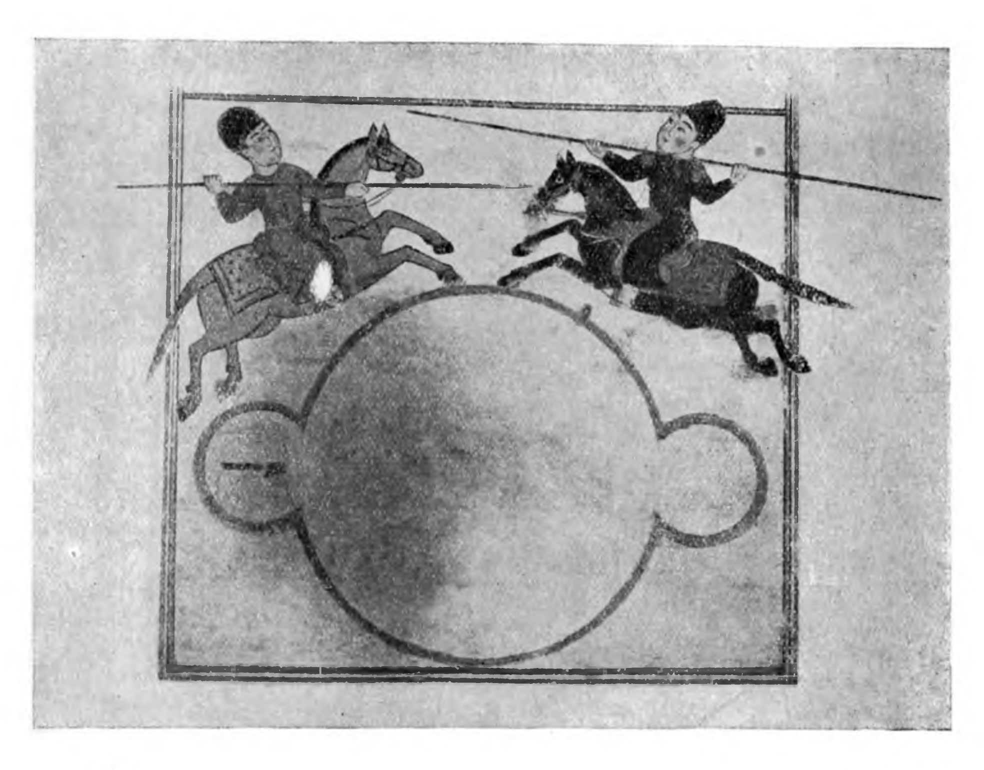
А въ Пегу[р,200] же есть пристанище немало, да все въ немъ дербыши живуть индѣйскыя,[201] да родится въ немъ камѣние дорогое, маникъ,[202] да яхуть,[203] да кырпукъ;[204] а продають же камение дербыши. А Чиньское же да Мачиньское пристанище[205] велми велико, да дѣлають в немъ чини,[206] да продають чини в вѣсъ, а дешево.

А жены же ихъ с мужи своими спять въ день, а ночи жены ихъ ходять[а] къ гарипомъ[207] да спять с гарипы, дають имъ[б] олафу,[208] да приносять с собою яству сахорную да вино сахарное, да кормять да поять гостей, чтобы ее любилъ, а любять гостей людей бѣлыхъ, занже ихъ люди черны велми; а у которые жены отъ гостя зачнется дитя, и [в]мужь даеть[в]
л. 382 об алафу; а родится[г] бело, ино гостю пошлины 18[д] тенекь; || а черно родится, ино ему нѣтъ ничево, что пилъ да ѣлъ, то ему халялъ.[209]

Шаибать[е,210] же отъ Бедеря[211] 3 месяци, а отъ Дабыля до Шаибата[ж] 2 месяца моремъ итьти, Мачимъ да Чимъ[212] отъ Бедеря 4 месяца моремъ итьти, а тамъ же дѣлають чими[213] да все дешево; а до Силяна[214] 2 месяца моремъ итьти.[з] В Шабаите[и,215] же родится шелкъ, да инчи, да жемчюгъ, да сандалъ; слоны продають в локоть.

В Силяне же родится аммоны,[216] да чрьвци,[к] да фатисы.[л] В Лекоте[217] же родится перець, да мошкать, да гвоздники, да фуфалъ,[218] да цвѣтъ. В Кузряте же родится краска далюкъ.[219] Да в Камбатѣ[м] родится ахикъ.[220] В Рачюре[221] же родится алмазъ биркона да новъ кона[222] же алмазъ; продають почку[н] по пяти рублевъ, а доброго по десяти рублевъ, *новаго же* почка алмазу пѣнечь чекени,[223] сія[224] же чаршешкени,[о,225]
л. 383 а сипитъ екъ тенка.[226] Алмазъ же родится в горѣ || каменой, а продають же тую гору каменую[п,227] по двѣ тысячи фунтовъ золотыхъ новаго алмазу, а кона[227] алмазу продають в локоть по 10 тысячь фунтовъ золотыхъ. А земля же тоя Меликханова,[р,228] а холопъ салтановъ, а отъ Бедеря 30 кововъ.

А сыто жидове зовуть Шабатъ своими жидовы, а то лжутъ; а шабаитене[с,229] ни жидове, ни бесермена, ни христиане,[т] инаа вѣра индейскаа, ни с худы,[230] ни зъ бесермены[231] ни піють ни ядять, а мяса никакого не ядять. Да в Шабатѣ же все дешево, а родится шелкъ да сахаръ велми дешево; да по



Конный поединок с планом арены XII в. Из трактата о военном искусстве XIV в. (Список 878 г. х. = 1473 г. н. э.).

Приемы боя пехотинцев. Из трактата о военном искусстве XIV в. (Список 878 г. х. = 1473 г. н. э.).

лесу у нихъ мамоны[а,232] да обезьяны, да по дорогамъ людей
дерутъ; ино у нихъ ночи по дорогамъ не смѣють ѣздити обе-
зъянъ дѣля да момонъ дѣля.

А отъ Шаибата[б] же 10 месяць сухомъ итьти, а моремъ 4
месяца аукиковъ.[в,233] [г]А оленей окормленныхъ[г] рѣжуть пупы
л. 333 об. а *пупъ* в немъ мускусъ[д,234] родится; а ди || кыи олені
пупькы ис собя ронять *по полю и* по лесу, ино ис тѣхъ
воня выходить, да ѣстъ,[е] то тотъ не свѣжь.

Месяца маа[ж] Великій день[235] взялъ есми в Бедере[236]
бесерменьскомъ и в Гондустани;[з] а в бесермене боградъ[237]
взяли въ среду *месяца маа*; а заговѣлъ есми месяца априля
1 день. О благовѣрныи[и] христіяне! Иже кто по многымъ[к]
землямъ много плаваеть, въ многыя грѣхы[л] впадаеть и вѣры
ся да[м] лишаеть христианскые.[м] Азъ же рабище[н] божие Афо-
насие и сжалися[н] по вѣрѣ; уже проидоша четыре великыя
говѣйна[238] и 4 проидоша Великыя дни, азъ же грѣшный не
вѣдаю, что есть Великый[о] день, или говѣйно, ни Рожества
Христова нѣ вѣдаю,[п] ни иныхъ праздниковъ не вѣдаю, ни
среды ни пятници не вѣдаю; а книгъ у меня нѣтъ,[239] коли мя
пограбили, ини книгы взяли у ме[не], азъ же отъ многыя
беды поидохъ до Индѣи, занже ми на Русь поити нѣ с чѣмъ,
л. 384 не || осталося[р] товару ничево. Прьвый же Великъ день взялъ
есми в Каинѣ,[240] другой Великъ день въ Чебукару въ Мазд-
раньской земли,[241] третий Великый день в Гурмызѣ,[242] чет-
вертый Великый[с] день[ц] в Индѣи съ бесермены въ Бедери;[243]
и ту же много плакахъ по вѣрѣ по хрестьяньской.[т]

Бесерменинъ же Меликъ[244] тотъ мя много понуди в вѣру
бесерменьскую стати. Азъ же ему рекохъ: „Господине! [у]Ты
намаръ кыларесенъ[245] менда намазъ киларьменъ, ты бешь
намазъ киларьсизъменда 3 калаременьмен гарипъ асень
иньчай“;[у] онъ же ми рече: „Истину ты не бесерменинъ каже-

шися, а хрестьаньства [а] не знаешь". Аз же въ многыя помышления впадохъ и рекохъ себѣ: „Горе мнѣ окаанному, яко отъ пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже самъ [б] поиду. Господи боже вседержителю, творець небу и земли! Не отврати
л. 384 об. лица отъ рабища [в] твоего, [г] яко скорбь || близъ есмь. [г] Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, господи, от пути истиннаго и настави, мя, господи, на путь твой [д] правый, яко никоея же добродѣтели в нужи той сотворихъ [е] тебѣ, господи [ж] мой, яко дни своя преплыхъ все во злѣ, господи мой, олло [з] перводигерь,[246] олло ты, каримъ олло, рагымъ олло, каримъ олло, рагымелло; ахалимъ дулимо." [и] Уже проидоша 4 Великыя дни в Бесерменьской земли, а християнства не оставихъ; далѣ богъ ведаеть, что будеть. Господи боже, есми на тя уповахъ, спаси мя господи боже мой".

Во Индѣи же бесерменьской,[к] в великом Бедери, смотрилъ есми на Великую ночь на Великый же день волосыны да кола в зорю вошли, а лось [л] головою стоитъ на востокъ. На баграмъ на бесерменьской выехалъ султанъ на теферичь,[м,247] ино с нимъ 20 възыревъ [248] великыхъ, да триста
л. 335 слоновъ наряженыхъ [249] въ булатныхъ || в доспѣсехъ да с горотк̇ы, да и городкы окованы, да в гороткѣхъ по 6 человѣкъ в доспѣсехъ, да с пушками да с пищалми; а на великомъ слонѣ 12 человѣкъ, на всякомъ слонѣ [н] по два проборца великыхъ, да къ зубомъ повязаны великыя мечи по кентарю,[250] да к рыломъ [о] привязаны великыя желѣзныя гыры, да человѣкъ сѣдить в доспѣсѣ промежу ушей, да крюкъ у него в рукахъ *желѣзной великы, да тѣмъ его править;* да коней простыхъ тысяча въ снастѣхъ [п] золотыхъ, да верблюдовъ сто с нагарами,[251] да трубниковъ 300, да плясцевъ 300, да ковре[252] 300. Да на султанѣ ковтанъ весь саженъ яхонты, да на шапкѣ чичакъ [253] олмазъ великы, да сагадакъ [254] золотъ со яхонты, да 3 сабли на немъ золотомъ окованы, да седло золото,[р]

да передъ нимъ скачетъ кофаръ[255] пѣшь да играеть теремьцемъ, да за нимъ пѣшихъ много, да за нимь благой слонъ
л. 385 об идеть, а весь в ка || мкѣ [а,256] наряжанъ, да обиваеть люди, да чепь у него велика желѣзна во ртѣ, да обиваеть кони и люди, чтобы[б] кто на султана не наступилъ блиско. А братъ султановъ тотъ сидитъ на кровати на золотой, да над нимъ теремъ оксамитенъ,[257] да маковица золота со яхонты, да несуть его 20 человѣкъ. А махтум[в, 258] сидитъ на кровати на золотой, да надъ нимъ теремъ шидянъ[259] с маковицею золотою, да везутъ его на 4-хъ конехъ въ снастехъ[г] золотыхъ; да около людей его много множество, да передъ нимъ пѣвци, да плясцевъ много, да всѣ с голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да сулицами, да с копіи, да с луки с прямыми с великими, да кони всѣ в доспѣсехъ, да сагадыкы на нихъ, да иныа нагы всѣ, одно платище на гузнѣ, соромъ завѣшенъ.

В Бедери же месяць стоить 3 *дни* полонъ. В Бедери
л. 386 же сладкаго овощу нѣтъ. В Гу || ндустанѣ же силнаго вара нѣтъ; силно[д] варъ в Гурмызѣ да в Катобагряимѣ,[260] гдѣся жемчюгъ родить, да въ Жидѣ,[261] да въ Бакѣ,[е,262] *да въ Мисюрѣ*[263] да въ О[роб]стани,[264] да в Ларѣ;[265] а въ Хоросаньской земли[266] варно, да не таково; а въ Чеготани[267] велми варно; а в Ширязѣ,[268] да в Езди,[269] в Кашини[270] варно да вѣтр бываетъ; а в Гиляни[271] душьно велми да парищо лихо, да въ Шамахѣи[272] паръ лихъ; да в Вавилони[273] варно, да Хумитѣ[274] да в Шамѣ[275] варно, а в Ляпѣ[276] не такъ варно. А в Севастѣи[277] губѣ да в Гурзыньской[ж] земли[278] добро обильно всѣмъ; да Турьскаа[з,279] земля обилна вельми; да в Волоской[280] земли обилно и дешево *все съѣстное;* да Подольскаа[281] земля обилна всѣмъ; а [и]урусь ерье таньгры сакласынъ; олло сакла, худо сакла, будоньяда мунукыбить ерь ектуръ; нечикъ урус ери бегъляри акай тусилъ; урусь
л. 386 об. ерь абаданъ больсынъ; || расте камъ деретъ. Олло, худо, богъ, богъ данъгры.[и, 282]

Господи боже мой! На тя уповахъ, спаси мя господи! Пути [не]знаю, иже камо поиду изъ Гундустана: на Гурмызъ поити, а отъ[а] Гурмыза на Хоросанъ пути нѣт, ни на Чеготай пути нѣтъ,[б] ни на Катобагряимъ пути нѣту, ни на Ездъ пути нѣту.[в] То [г]вездѣ булгакъ[г,283] сталъ; князей вездѣ выбыли, Яишу[д,284] мурзу убилъ Узуосанбекъ,[е,285] а Солтамусаитя[ж,286] окормили, а Узуасанъбекъ[з] на Ширязи сѣлъ и земля ся не обрѣнила,[и] а Едигерь Махметъ,[287] а тотъ[к] къ нему не ѣтѣт, блюдется; иного пути нѣтъ никуды. А на Мякъку[288] поити,[л] ино стати в вѣру бесерменьскую, зань же христіане[м] не ходятъ на Мякъку вѣры дѣля, *что ставять в вѣру.* А жити в Гундустанѣ ино вся собина исхарчити, зань же у нихъ все дорого:
л. 387 один есми || человѣкъ, ино *и язъ* по полутретія алтына на день харчю идеть, а вина есми не півалъ, ни сыты.[н,289]

Меликтучаръ[290] два города взялъ индѣйскыя,[о] что розбивали по морю Индѣйскому, а князей поималъ 7 да казну ихъ взялъ, юкъ яхонтовъ, да юкъ олмазу[291] да кирпуковъ,[292] да 100 юковъ товару дорогово, а иного товару безчислено рать взяла; а стоялъ подъ городомъ два году, а рати с нимъ два ста тысячь, да слоновъ 100, да 300 верьблюдовъ. Меликтучаръ пришелъ *с* ратию своею к Бедерю на курбантъ багрямъ, а по-русьскому на Петровъ день. И султанъ[293] послалъ 10 възыревъ стрѣти[ти] его за десять кововъ, а въ ковѣ по 10 верстъ, а со всякымъ возыремъ по 10 тысячь рати своей да по 10 слоновъ в доспѣсехъ.

А у Меликтучара[п] на всякъ дѐнь садится за суфрею[р,294] по 5 сотъ человѣкъ, а с нимъ садится 3 възыри за его ска-
л. 387 об. тертью, а с возыремъ || по пятидесятъ человѣкъ, а его 100 человѣкъ бояриновъ вшеретныхъ. У Меликтучара на конюшне коней 2 тысящи да тысяча осѣдланыхъ и день и ночь стоятъ готовыхъ,[с] да 100 слоновь на конюшне; да на всякую ночь дворъ его стерегуть 100 человѣкъ в доспѣсехъ, да 20 трубниковъ, да 10 нагаръ,[295] да *по* 10 бубновъ великыхъ по два человѣка биють.

Мызамылкъ,[296] да Мекханъ,[297] да Фаратханъ, [а,298] а тѣе, [б] взяли 3 городы великыи, а с ними рати своей 100 тысячь [в] да 50 слоновъ,[г] да камени всякого дорогого много *множество;* а все то камение да яхонты да олъмазъ покупили на Меликтучара,[д] заповѣдалъ дѣляремъ,[е] что гостемъ не продати,[ж] а тѣе пришли о Оспожин [з,299] дни к Бедерю граду.

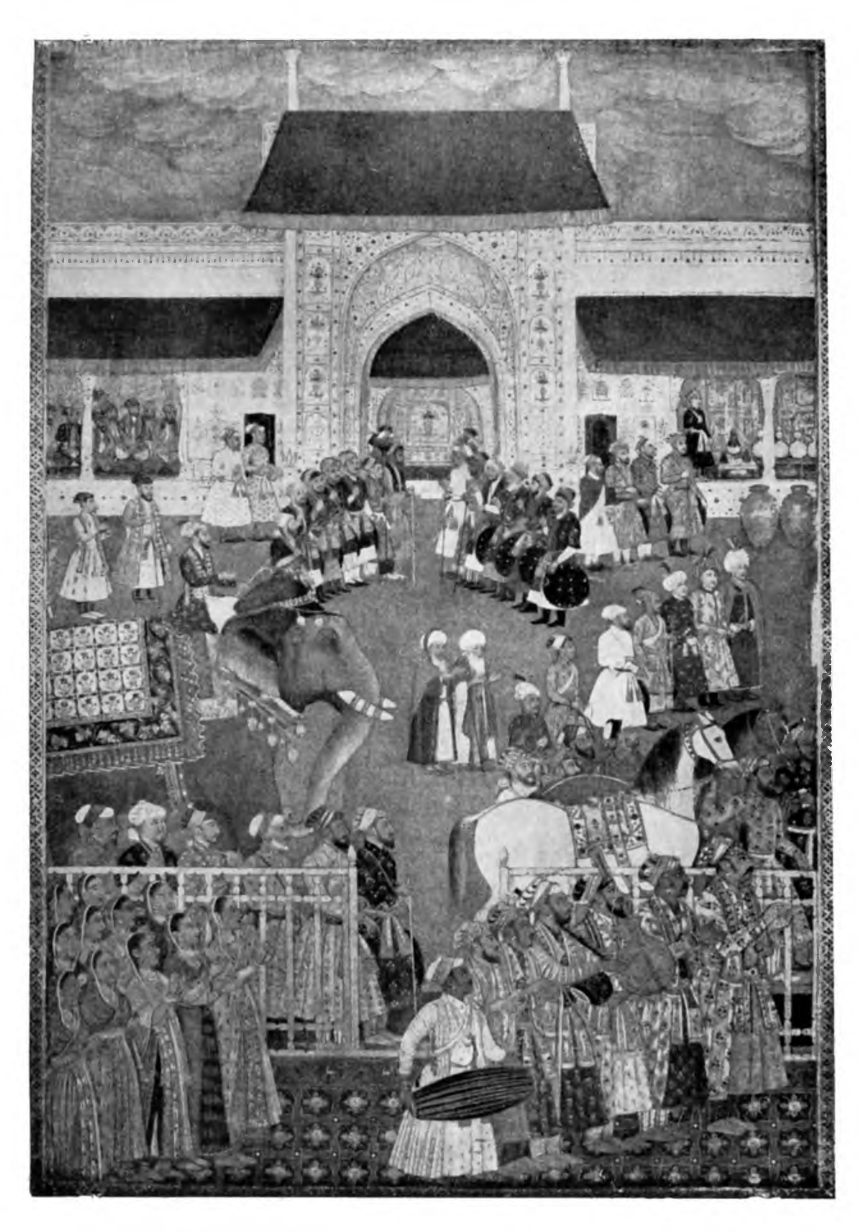
Султанъ выежжаеть на потѣху в четвергъ да во вторникъ, да три с нимъ возыры выещають;[и] а братъ выежжаетъ сул-
л. 388 тановъ || в понедѣльникъ, с матерью да с сестрою; а жонъкъ 2 тысячи выежжаетъ на конехъ да[к] кров[атехъ] на золотыхъ [к] да коней предъ нею [л] простыхъ *сто* въ снастехъ [м] золотыхъ, да пѣшихъ съ нею много велми, да два возыря, да 10 възыреней, да 50 слоновъ в попонахъ сукняныхъ, да по 4 человѣкы на слонѣ сѣдятъ [н] нагыхъ, одно платище на гузне, да жонкы пѣшие нагы, а тѣе воду за ними носять пити да подмыватися, а одинъ у одного воды не пиетъ.

Меликтучаръ выехалъ воевати индѣянъ [о] с ратию своею изъ града Бедеря на память шиха Аладина, [п,300] а по-русьскому на Покровъ святыя богородица,[301] а рати с нимъ вышло 50 тысячь; а султанъ послалъ рати своей 50 тысячь да 3 с нимъ возыри пошли, а с ними 30 тысячь, да 100 слоновъ с ними пошло з городкы да в доспѣсехъ, а на всякомъ слонѣ по 4 чело-
л. 388 об. вѣкы с пищалми. Меликтучаръ пошелъ || воевати Чюнедара [302] великое княженіе Индѣйское.

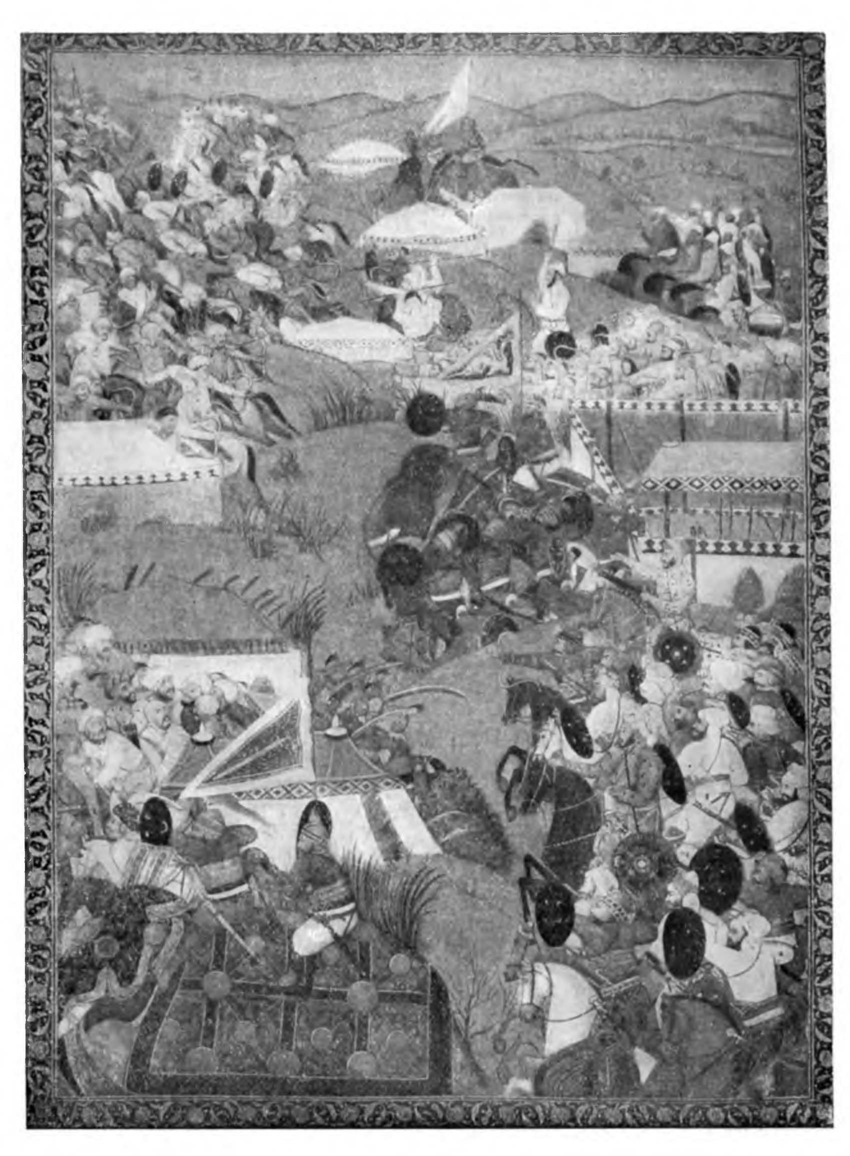
А у Бинедарьскаго князя 300 слоновъ да сто тысячь рати своей, а коней 50 тысячь у него. Султанъ [303] выехалъ из города Бедеря [304] въ 8 месяць по Велице дни, да с нимъ възыревъ выехало 20 да 6 възыревъ, 20 възыревъ бесерменьскихъ, а 6 възыревъ индѣйскыхъ. А с султаномъ двора его выехало 100 тысячь рати своей конныхъ людей, а 200 тысячь пѣшихъ, да 300 слоновъ с городкы да в доспѣсехъ, да 100 лютыхъ звѣрей о двою чепѣхъ. А с братомъ с султановымъ вышло двора его 100 тысячь *конных, да 100 тысячь* пѣшихъ людей, да 100 слоновъ наряженыхъ в доспѣсехъ.

А за Малханомъ[305] вышло двора его 20 тысячь кочыхъ людей, *а пѣшахъ шестьдесять [а]тысячь, да 20 слоновъ наряжаныхъ. А зъ Бедерьханомъ[б, 306] вышло 30 тысячь конныхъ людей*,
л. 389 да з братом, да пѣшихъ 100 тысячь, да слоновъ 25 наряжа||ных съ городкы.[в] А съ султаномъ вышло двора его 10 тысячь конныхъ,[г] а пѣшихъ дватцать тысячь, да слоновъ 10 съ городкы А з Возырханомъ[307] вышло 15 тысячь конныхъ[г] людей, да пѣшихъ 30 тысячь, да слоновъ 15 наряженыхъ. А с Кутар-ханомъ[д, 308] вышло двора его 15 тысячь конныхъ[г] *людей,* да пѣшихъ 40 тысячь, да 10 слоновъ. А со всякимъ възы-ремъ по 10 тысячь, а с ынымъ по 15 тысячь коныхъ, а пѣшихъ 20 тысячь. А съ ындѣйскымъ авдономомъ[309] вышло рати своей 40 тысячь конныхъ[е] людей, а пѣшихъ людей 100 тысячь, да 40 слоновъ наряжаныхъ въ доспѣсехъ, да по 4 человѣкы на слонѣ[ж] с пищальми. А с сультаномъ вышло возырев 26, а со всякымъ возыремъ по 10 тысячь,[з] а с ынымъ възыремъ 15 тысячь конныхъ людей, а пѣшихъ 30 тысячь. А Индѣйскыя[и] 4 возыри великыхъ, а съ ними рати своей по
л. 389 об. 40 тысячь конныхъ людей, а пѣшихъ 100 тысячь. || И Сул-танъ ополѣлся на индѣянъ, што мало *вышло* съ нимъ, и онъ еще прибавилъ[к] 20 тысячь пѣшихъ людей, двѣстѣ[л] тысящ кон-ныхъ людей, да 20 слоновъ. Такова сила султана индѣйскаго бе-серменьскаго Маметь дени іаріа, а растъ дени худо доноситъ[м, 310]; а правую вѣру богъ вѣдаеть, а праваа вѣра бога еди-наго знати, имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисту.[н]

Въ пятый же Великый[о] день възмыслилъ ся[п] на Русь. Изыдохъ[р] же из Бедеря града за месяць до улубаграма[311] бесерменьского Маметь дени росолялъ,[с, 312] а Велика дни христьаньскаго[т] не вѣдаю Христова въскресенія, а говѣйно же ихъ говѣхъ с бесермены, и розговѣвся[у] с ними, Великый день взяхъ в Келберху[ф, 313] отъ Бедеря 20[х] ковов.



Торжественный выезд индо-мусульманского султана со свитой.
Миниатюра из индо-мусульманской рукописи начала XVII в.



Сцена боя в мусульманской Индии. Миниатюра из индо-мусульманской рукописи начала XVII в.

Султанъ же пришелъ до Меликътучара[а] съ ратию своею
15 *день* по улубагрямѣ,[б] [в]а все[в] Кельбергу; и война ся имъ
л. 390 не удала, || один городъ взяли[г] индѣйской, а людей[д] много
изгыбло, а казны много истеряли. А индѣйской же султанъ
кадамъ[314] велми силенъ, и рати у него много, а сидить в горѣ
в Биченѣгирѣ. [е,315] А градъ же его велми великъ, около его
три ровы,[ж] да сквозѣ его рѣка течеть; а со одну сторону его
женьгѣль[316] злый, и з другую сторону пришелъ долъ, чюдна
мѣста велми и угодна *на* все, на одну[з] же сторону приити
нѣкуды, сквозѣ градъ дорога, а града взяти нѣкуды, пришла
гора велика да деберь златикень.[317] Подъ городомъ же стояла
рать месяць, и люди померли съ безводія,[и] да головъ много
велми изгыбло с голода да с безводици; а на воду смотрить, а взять нѣкуды. Градъ же взялъ индѣйскы Меликъчанъ
ходя, [к,318] а взялъ его силою, день и ночь билъ ся съ городомъ 20 дни, рать ни пила, ни яла, подъ городомъ стояла
л. 390 об с пушками; а рати его изгыбло [л] 5 тысячь люду || добраго,
и городъ взялъ, ины высѣкли 20 тысячь поголовія мужескаго
и женьскаго, а 20 тысячь полону взяли[м] и великаго и малаго,
а продавали полону голову по 10 тенекъ, *а иную по 5
тенекъ* а робята по 2 теньки,[н] а казны же не было ничево,
а болшаго града не взялъ.

А отъ Кельбергу поидохъ до Курули;[о, 319] а въ Курули[о] же
родится ахикъ,[320] и ту его дѣлають и на весь свѣтъ отъкудыва[п] его розвозятъ; а в Курыли[о] же алмазъниковъ триста,
суляхъ микунѣтъ.[321] И ту же быхъ 5 месяць, а оттуды же
поидохъ Калики,[322] и ту же бозаръ велми великъ; а оттуды
поидохъ Конаберга; [р,323] а отъ Канаберга поидохъ шихъ Аладину; а отъ шихъ Аладина поидохъ ко Аминдріе;[с] а отъ
Камендрѣя к Нарясу; а отъ Кынарясу къ Сури;[324] а отъ Сури
поидохъ к Дабили,[325] пристанище *великаго* моря Индѣйскаго.

Дабыль же есть градъ велми великъ, а х тому жь Дабили
л. 391 съежщается вся поморья || Индѣйскаа і Ефиопьскаа. И ту аканный и язъ рабище Афанасіе бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христіаньской,[а] и по крещение Христовѣ, и по говѣйнѣхъ святыхъ отець устроеныхъ и по заповедехъ апостольскыхъ, и устремихся умомъ[б] поити на Русь; внидохъ же въ таву[326] и съговорихъ о налонѣ[в, 327] корабленемъ, а отъ своея головы 2 золотыхъ до Гурмыза града дати.[г]

И внидохъ же в корабль из Дабыля града по Велика дни за 3 месяци, бесерьменьскаго говѣйна; идохъ же в тавѣ по морю месяць, а не видахъ ничево; на другый же месяць увидѣхъ горы Ефіопскыя.[д,328] И ту людие вси въскличаша[е] олло перводигерь,[ж,329] олло конъкаръ, бизимъ баши мудна насипъ болмышьти, а по-рускы языкомъ молвятъ: „боже осподарю, боже, боже вышний, царю небесный, зде[з] намъ судилъ еси погыбнути".

И в той же земли Ефиопьской быхъ 5 дни, божиею благодатию зло ся не учинило, много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы ефиопомъ, ины судна не пограбили.[и] [к]А оттудова
л. 391 об. же[к] || поидохъ[л] 12 дни до Мошьката,[330] и въ Мошкате же шестый Великый[м] день взяхъ, и поидохъ до Гурмыза[331] 9 дни, и в Гурмызѣ быхъ 20 дни. И зъ Гурмыза поидохъ къ Лари,[332] и[н] быхъ 3 дни. Изъ Лари поидохъ къ Ширязи[333] 12 дни, а въ Ширязи быхъ 7 дни. А изъ Ширяза поидохъ Верху[о,334] 15,[п] а въ Вергу[р] быхъ 10 дни. А изъ Вергу поидохъ къ Езъди[335] 9 дни, а въ Езди быхъ 8 дни. А из Езди поидохъ къ Спагани[с, 336] *5 дни, а въ Спагани 6 дни. А ис [С]пагани* поидохъ Кашани,[337] а в Кашани[т] быхъ 5 дни. А ис Кошани поидохъ к Куму.[338] А ис Кума поидохъ в Саву.[339] А ис Савы поидохъ въ Султанию.[340] А ис [С]ултаніи поидохъ до Тервиза.[341] А *ис Тервиза* поидохъ въ [о]рду Асанбѣ[г],[342] въ [о]рде же быхъ 10 дни, ано пути нѣту никуды. А на

Турьскаго[а,343] [б]послалъ рати своей[б] 40 тысячь, ины Севасть[344]
взяли, а Тоханъ [в,345] взяли да и пожьгли, Амасию[346] взяли,
и много пограбили селъ, да пошли на Караманъ [г,347] воюючи.
л. 392 И яз из орды пошелъ къ || Арцицину; [д,348] а изъ Ръцана [е, 349]
пошелъ есми въ Трепизонъ.[350]

И въ Трепизонъ же приидохъ на Покровъ святыя богородица и приснодѣвыя Марія, и быхъ же въ Трипизони 6 дни, и на карабль приидохъ и сговорихъ о налонѣ[351] дати золотой отъ своея головы до Кафы, а золотой[ж] есми взялъ на харчь,[з, 352] а дати в Кафе.[353] А въ Трепизони же ми шубашь[354] да паша[355] много зла *ми* учиниша,[356] хламъ мой весь к собѣ взнесли в городъ на гору,[357] да обыскали все;[и] а обыскывають грамотъ, что осми пришелъ из орды Асанъбега.

Божиею милостью приидохъ до третъаго моря до Чермнаго,[358] а парьсьискымъ языкомъ дория Стимъбольскаа.[359]
Идохъ же по морю вѣтромъ пять[к] дни, и доидохъ до Вонады;[360]
и ту насъ стрѣтилъ великый вѣтръ полунощь, и възврати
насъ къ Трипизону; и стояли есмя въ Платанѣ[361] 15 дни,
вѣтру велику и злу бывшу.[л] Ис Платаны есмя пошли на море
двожды, и вѣтръ насъ стречаеть злы, не дасть намъ по морю
л. 392 об. ходити; олло акъ олло худо || перводегерь, [м,362] разѣе бо того
иного бога не знаемъ.[н] И море же преидохъ *да занесе насъ*
сыкъ Балыкаее,[363] а оттудова Тъкъръзофу,[о, 364] и ту стоалі
есмя 5 дни.

Божиею милостью придохъ в Кафѣ за 9 дни до Филипова заговейна, олло перводигырь.[п] Милостию же божиею преидохъ же три моря; дигырь[р] худо доно, олло перводигирь доно,[с, 365] аминь; смилна[т] рахмамъ рагымъ, олло акберь,[366] акши худо илелло акши ходо, іса |рухолло[у, 367] ааліксоломъ; олло акберь аилягяіла іллелло, олло перводігерь ахамду лілло шукуръ худо афатадъ; бисмилна гирахмамъ ррагымъ: хувомугулези[ф] ляіляга[х] ильлягуя алимулъ гяиби вашагадити; хуарахману рагыму хувомогулязи[ц] ля иляга *ильлягуя альмелику

алакудосу асалому альмумину* альмугамину[а] альазизу альчебару альмутаканъ биру альхалику альбаріюу альмусавирю[б] алькафару алькахару альвахаду[в] альрязаку альфатагу альаліму алькабізу альбасуту альхафизу алъррафію[г] альмавіфу[д] альмузилю альсемію[е] альвасирю[ж] альакаму альадьюлю[з] альлятуфу.[368] *Гиръ[368] помозі рабу своему*.

СПИСОК УНДОЛЬСКОГО

XVII в.

л. 300 Се списахъ[а] грѣшное свое хоженіе за три моря: первое море Дербенское, дория Хвалитьская, второе
л. 300 об. море Индѣйское, || дория[б] Гондустанская, третие море Чермное, дория Стемболская.

[П]оидохъ отъ святаго Спаса златоверхаго съ его милостью, отъ великаго князя Михаила Борисовича и отъ владыки Генадия Тверскихъ; поидохъ на низъ Волгою и приідохъ въ монастырь къ святей и живоначалней Троицы и святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу, и у игумена ся благословивъ у Макария и у братьи; и съ Колязина же поидохъ на Углечь, с Углеча на Кострому ко князю Александру, с ыною грамотою, і князь великиі всея Росиі отпустил мя добровольно. И на Плесо и въ Новгородъ Нижниі къ Михаилу Киселеву къ намѣстнику и к пошлиннику Ивану Сараеву, и они пропустили добро-волно. А Василей Папинъ проѣхалъ въ городъ; а язъ ждалъ въ Новѣгороде двѣ недѣли посла татарскаго Ширвашина Асамбѣга, а ѣхалъ с кречеты отъ великого князя Ивана, а кречетовъ у него 90. И поѣхали на низъ Волгою, и Казань, и Орду, и Усланъ, и Сарай, и Берекезаны проѣхали есмя добро-волно.

И въѣхали есмя въ Бузань реку. И дали вожемъ подарки,
л. 301 чтобъ провезли мимо Асто || рохань, и тѣ вожи провожаючи и вѣесть дали царю в Асторохань. И царь послалъ за нами всю свою орду, и постигли на Бугуне, и пограбя отпустили голыми головами, а вверхъ для вѣсти насъ не пропустили.

И пошли есмя къ Дербентиі двема суды; въ одномъ судне
посолъ Асамбѣгъ, да тезики, да русаковъ насъ 10 человекъ,
а въ другомъ судне 6 москвичь да 6 тверичь. И востала фур-
стовина на море, да судно меншее розбило о берегъ, и пришли
каитаки, да людей поимали всѣхъ. И пришли есмя в Дербентъ,
и ту Василей поздорову пришелъ, а мы пограблены. И Осан-
бѣгъ ширвашиновъ посолъ печаловался, и ѣздилъ на гору
к Булатъбѣгу, и Булатъбѣгъ послалъ скоро къ ширваншебегу:
что судно руское розбило подъ Тархи; каитаки[а] пришедъ
людей поимали, а товаръ ихъ розграбили. И ширвашабѣгъ
послалъ къ шурину своему Алилбѣгу, каитаческому князю,
глаголя: что судно ся мое розбило подъ Тархи, и твои люди
л. 301 об. пришедъ || людей поимали, а товаръ ихъ пограбили; и тебѣ бы
ихъ ко мнѣ прислати мене ради, понеже тѣ люди посланы
на мое имя. И Алилбѣгъ тотчасъ отослалъ людей всѣхъ
въ Дербентъ, а изъ Дербенту послали ихъ къ ширванши
во орду его коитулъ.

И мы, приѣхавъ къ ширванше в коитулъ, били челомъ,
чтоб далъ чѣмъ до Руси доити. И онъ намъ не далъ ничего,
потому что насъ много. И мы заплакавъ разошлися коі куды:
у кого что есть на Руси, и тотъ пошелъ на Русь, а кой долженъ,
и тѣ пошли куды очи несутъ; а иные пошли работать къ Бакѣ.

А язъ пошелъ к Дербенти, а оттоле къ Бакѣ, гдѣ огнь
горитъ неугасимый. А изъ Баки пошелъ есми за море к Чебо-
кару, и тутъ есми жилъ в Чебокаре 6 мѣсяцъ. Да [в] Сарѣ
жилъ мѣсяцъ в Маздранской земли; а оттуду къ Амили, и тутъ
жилъ мѣсяцъ; а потомъ к Димованту; а оттуду ко Рею,
л. 302 а ту убили Шаусеня Алеевыхъ детей и внучатъ Махметевыхъ,
и он де ихъ проклялъ, и за то де будто || 70 градовъ ся роз-
валило, якоже безвѣрниі баютъ въ прелести своей. А изъ Дрѣя
к Кашени, и тутъ есми былъ мѣсяцъ; а оттуду къ Наину,
и потомъ ко Ѣзде, и тутъ жилъ есми мѣсяцъ; а изъ Ездеі[б]
к Сырчану, а оттуду к Тарому, туто же фуники кормятъ
животину, батманъ по 4 алтына. А изъ Торома къ Лару,
а оттуду к Бендерю.

„Хожение за три моря“ Афанасия Никитина. Лист 300 из списка Ундольского XVII в.

„Хожение за три моря“ Афанасия Никитина. Лист 301 об. из списка Ундольского XVII в.

И тутъ есть пристанище Гурмызское, тутъ бо есть море Индѣйское, а парсѣйским языкомъ и Гоньдустанская дория. А оттуду же итти моремъ до Гурмыза 4 мили. А Гурмызъ есть на острове, а ежедней поимаетъ его море по дважды на день; и тутъ есми взялъ единъ Великъ день, а пришелъ в Гурмызъ за 4 недѣли до Велика дни. А городы не всѣ писалъ, много городовъ великихъ. И въ Гурмызе есть варное солнце, человѣка сожжетъ. И былъ язъ тутъ мѣсяцъ, а оттуду пошелъ, в Фомину нэдѣлю, за Индѣйское море въ таву съ конми.

л. 302 об. И шли есмя моремъ до Мошката 10 днiі; а потом || до Дѣгу 4 дня; а потом къ Узряту; а оттуду къ Онбату, и тутъ ся родитъ краска далецъ; а оттуду къ Чивилю; а въ седмую недѣлю по Велице дни отъ Чивиля въ таву конми, и шли 6 недѣль моремъ до Чивиля.

То есть страна Индѣйская, и люди ходятъ наги всѣ, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы въ одну косу плетены, а всѣ ходятъ брюхаты, детей у нихъ много, понеже на всякой годъ родятъ, и черны мужи и жены всѣ; язъ бо куды хожду, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку. А князь их фата на головѣ, а другая на бедрахъ; а бояре у нихъ ходятъ фота на плещѣ, а другая на бедрахъ; а княгини ходятъ фата по плечемъ обогнута, а другая на бедрахъ; а слуги княжие и боярские фата на бедрахъ обогнута, да щитъ да мечь въ рукахъ, а иные съ сулицами, а иные съ ножи, а иные съ саблями и съ стрелами, а всѣ наги да боси; а жонки ходятъ
л. 303 голо||ва не покрыта, а груди голы, а паробки да дѣвочки ходятъ наги до 7 лѣтъ, срам не покрытъ.

А ис Чювиля пошли есмя сухомъ до Пали 8 днiі, то[а] индѣйския городы;[б] а оттоле до Умрiі 10 днiі, то есть городъ индѣйскiі; оттоле же до Чюнейря 6 днiі, и тутъ есть Асатханъ Чюнерския Индѣйския, а холопъ Меликтучаровъ, а держитъ, сказываютъ, 7 темъ от Меликтура. А Меликтучаръ сѣдитъ на 20 тмахъ; а бьется съ кафары 20 лѣтъ, то его побьетъ, то онъ побьетъ. Ханъ же ѣздитъ на людехъ, а сло-

новъ у него и коней добрыхъ много, а людей у него хоразанцевъ много: а привозятъ ихъ изъ Хорозанския земли, а иные изъ Орапскияᵃ земли, а иные изъ Туркменскияᵇ земли, а иныя изъ Чеготанския земли, а привозятъ все моремъ въ тавахъ, Индѣйския земли корабли.

Азъ же грѣшный привезъ жеребца в Ындѣйскую землю, л. 303 об. дошелъ есми до Чюнера, а сталъ ми жеребецъ 100 рублевъ. || Зима же у нихъ стала с Троицына дни; а зимовали есмя в Чюнейре и жили 2 мѣсяца. А вино чинятъ в великихъ оресѣхъ. Кони же у нихъ во Индѣйской землѣ не родятся, токмо волы да буиволы, на тѣхъ ѣздятъ и товары возят.

Чюнѣръ же градъ есть на острову на каменомъ, не дѣланъ ничимъ, богомъ сотворенъ; а ходятъ на гору день по единому человѣку, дорога тесна, поити нельзя. Во Индиіской земли гости ся ставятъ по подворьемъ, а ѣсти варятъ на гости господарыни, и постелю стелютъ, и спятъ з гостьми, любятъ бо бѣлыхъ людей.

В томъ же граде Чюнѣре ханъ взялъ у меня жеребца, понеже бо свѣдалъ, что язъ русинъ, и онъ мнѣ говорилъ: „и жеребца дам да 1000 золотыхъ к тому дамъ, аще станеши в нашу вѣру бесерменскую; аще ли ни, и жеребца у тебя возму да 1000 золотыхъ на главѣ твой возму". А срокъ учи-
л. 304 нилъ на 4 дни. И въ день || празника Преображения спасова господь бог смиловался надо мною, на свой праздникъ не отстави милости своея отъ мене грѣшного, не далъ мнѣ в Чюнѣре граде с нечестивыми погибнути. Хозяйочи Махметъ хоросанецъ отпечаловалъ меня у хана, и в вѣру свою не поневолили, и жеребца отдалъ моево мнѣ. Таково на мнѣ содѣяся спасово чюдо. Господия моя и братия рустиі християня, аще хто похочетъ поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да вскликни Бахмета да поиди въ Густанскую землю.

Мене залгали псы бесермена, а сказывали всего много нашего товару: ажно нѣтъ ничево на нашу землю, токмо перецъ да краска, то и дешево, бесермени возятъ моремъ,

и они пошлинъ не даютъ, а намъ пошлины великиі, и разбой-
л. 304 об. никовъ много, кафары бо разбиваютъ, а вѣрою || они погани, молятся каменымъ болваномъ и Христа не знаютъ.

А ис Чюнѣря есмы вышли на Успениевъ день к Бедерю, к болшему ихъ граду, а шли мѣсяцъ. А оттоле до Кулонкеря 5 дниі; оттуду же до Келбергу 5 дниі. Да и промежу тѣхъ градовъ много и іныхъ градовъ, на всякъ день шли по три и по четыре грады; сколко ковов, столко и градовъ. Отъ Чювиля бо и до Чюнеиря 20 ковов, а оттоле до Бедеря 40 кововъ, оттоле же до Колунгеря 9 ковов, паки отъ Бедеря до Колобергу 9 ковов.

В Бедери же торгъ на кони, и на шолкъ, да на овощь; а на Рускую землю товару никаково нѣтъ; да в немъ же купити люди черныя, всѣ бо тамъ черны, а всѣ злодѣи и тати и лживцы, а жонки тоже все бляди, да вѣдь, да тать, и государей своихъ зельи морятъ.

л. 305 Во Индѣйской же земли княжата и бояре всѣ || хоросанцы; а гундостанцы все пѣши ходятъ, и наги и боси, токмо в рукѣ щитъ, а в другой мечь, а ходятъ борзо, а у иныхъ луки прямые и стрѣлы. А бой ихъ все слоны, а около слоновъ идутъ пѣши напреди и на конехъ, а кони и сами въ доспѣсехъ; а къ слономъ вяжутъ къ рылу да къ зубомъ великия мечи по кендарю кованы, да облачатъ ихъ въ доспѣхъ булатный, да на нихъ учинены городки, а в городке по 12 человѣкъ, а в доспѣсехъ, да пушки и стрѣлы.

Да тамо же есть у нихъ мѣсто шихбъ алудинъ пиръ атыръ бозаръ алядинандъ, на годъ единъ бозаръ, съѣзжается вся страна индѣйская торговати, да торгуютъ 10 дниі. А отъ Бедеря 12 кововъ, приводятъ коней до 20 000 и всякиі товаръ; в Гондустанстѣй земли той торгъ лучшиі, на память шиха Аладина, а на рускиі празникъ Покровъ святыя богородицы. Въ томъ ||
л. 305 об Алянде есть птица именуема гукукъ, лѣтаетъ ночи, а кличетъ гукукъ; и на коей хоромине посидитъ, и тутъ человѣкъ умретъ; а кто ея хощетъ убити, ино у нея изо рта огнь выидетъ. А мамоны тамо ходятъ ночи и ловятъ куры, а живутъ въ горѣ

или в каменье. А обезьяны живутъ по лесу, и есть у нихъ князь обезьянскиі; и кто ихъ заимеетъ, и они жалуются князю своему, онъ же посылаетъ на того рать свою; и они пришедше на град, и дворы розваляютъ и людей побьют; а рати ихъ сказываютъ велми много, и языкъ ихъ есть свой, а детей родятъ много: который родится ни въ отца ни в матерь, и они тѣхъ мечютъ по дорогамъ, и гондустанцы [a] тѣхъ емлютъ да учатъ ихъ всякому рукодѣлию, а иныхъ продаютъ ночью, чтобъ взадъ не знали бежати.

л. 306 Весна же у нихъ стала с Покрова святей богородицы; а по Покровѣ двѣ недѣли празднуютъ шиху Аладину || 8 дниі; а весну, и лѣто, и осень, и зиму держатъ то же по три мѣсяца. В Бедери же ихъ столъ Гондустану бесерменскому; а градъ великъ и людей много велми. А салтанъ великиі 20 лѣтъ, а то содержатъ бояре; и с салтаном рати его выходитъ 300 тысячь, а зъ бояры его выходитъ: съ Меликтучаромъ 200 тысячь, а зъ Меликханомъ 100 тысячь, а с ыными со многими по 20 и по 30 тысячь; и земля велми людна; а бояре силны и пышны. А носятъ ихъ на кроватехъ сребреныхъ, а кони предъ ними водятъ въ снастехъ золотыхъ. А селские люди голы добрѣ. А выездъ ихъ добрѣ чюденъ на потеху: егда султанъ выѣзжаетъ с матерью и зъ женою, ино съ нимъ конныхъ 30 тысячь, да пѣшихъ 50 тысячь человѣкъ, а слоновъ водятъ нарядныхъ 200 в доспѣх[ѣх]ъ золоченых, да 100 человѣкъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человѣкъ, да простыхъ коней 300 въ снастехъ золотыхъ, да обезьянъ 100, да блядей 100, а всѣ гаурки.

л. 306 об. || Во дворъ же султановъ седмеры ворота, а въ воротехъ по 100 человѣкъ сторожей, да по 100 писцевъ кафаровъ: кто взыдетъ и изыдетъ, и они записываютъ, а гариповъ не пускаютъ; а дворъ зѣло чюденъ, все на рези и золотомъ описано.

А стрегутъ градъ Бедеръ в нощи 1000 человѣкъ кутоваловыхъ, а ѣздятъ в доспѣсехъ на конехъ, а у всѣхъ по свѣтычю. И ту азъ в Бедери 'продалъ жеребца своего,

и наложилъ много, а кормилъ годъ. В Бедери же змиі ходятъ по улицамъ, длиною в две сажени. А пришелъ есми в Бедеръ о Филипове заговейне изъ Колунгеря, а жеребца продалъ о рожествѣ, а былъ тутъ до великого заговейна. И познахся тутъ со многими индѣяны, и познали мя, что язь не бесерменинъ, но християнинъ, имя мнѣ Афонасей, а по-бесерменски имя мнѣ хозя Ифусъ Хоросани; и они не почали ни въ чемъ
л. 307 скрыватися, ни женъ своихъ не хо || ронили; и я ихъ испыталъ о вѣре ихъ, и они сказываютъ, что вѣруютъ въ Адама, а Бута сказываютъ то есть Адам. А всѣхъ вѣръ въ Индѣи 84 вѣры, а всѣ вѣруютъ в Бута; а вѣра с вѣрою ни пьетъ, ни естъ, ни женятся межи себе, а ядятъ бораны, куры, яица, а воловъ всѣ вѣры ихъ не ядятъ.

И отъ Бедери поидохъ к Первоти, то ихъ Иеросалимъ, а по-бесермenски Мяхкатъ, [г]дѣ ихъ бутханы, и шелъ мѣсяцъ. Бутхана же велми великъ, камень, с пол-Твери, и рѣзано на стенахъ дѣяние Бутово, какъ Бут чюдеса творилъ и как ся имъ являлъ многими образы человѣческими; а ино человѣкъ, а носъ слоновъ; а ино человѣкъ, а лице обезьянино; ино же подобие человѣкъ образъ лютаго звѣря, а являлся имъ всемъ с хвостомъ; а хвостъ черезъ него с сажень, рѣзаны на камени. И въ той градъ съѣзжается вся страна Индѣйская
л. 307 об. на чюдо Бутово; да у бутханы бреются старые || жонки и дѣвки на себѣ волосы и бороды, да потомъ идутъ къ бутхану; да со всякие головы емлютъ по двѣ шекшени пошлины на Бута, а съ коней по 4 футы, а съѣзжается къ бутхану всѣхъ людей безчисленно множество. Да туто же въ бу[т]ханѣ вырезанъ Бутъ изъ камени, велми великъ, хвостъ черезъ него, да руку правую поднялъ высоко, а в лѣвой рукѣ копие, голъ, толко гузо ширинкою обязано, а видѣние лица его обезьянино; а иные Буты наги, нѣтъ ничево, котъ ачюкъ; а жонки Бутовы наги вырѣзаны и с соромомъ и съ детми. Да перетъ Бутомъ же стоитъ волъ велми великъ, вырезанъ исъ камени ис чернаго и позолоченъ весь, а целуютъ его в копыто, а сыплютъ на него цвѣты, а на Бута тоже цвѣты.

Не ядятъ же индѣяня ни мяса, ни рыбы; а ядятъ днемъ
л. 308 дважды: брынецъ, да кучири с масломъ, да травы || розные; и ножа не держатъ и лжицы не знаютъ. А з бесермены ни пьють, ни ядятъ; а в дороге у всяково по горнцу, и всякъ себѣ кашу сваритъ, и ядятъ покрываются платомъ, чтобъ его никто не виделъ, а посмотритъ бесерменъ на ѣству, и он не ястъ; а какъ ѣсти, и они преж омываютъ руки и ноги и ротъ полощутъ.

А поклоны ихъ на востокъ, руки подымаютъ высоко, да изляжетъ ницъ на землю, и протягнется весь по земли. А бутханы ихъ без дверей, ставлены на восток же, а буты стоятъ на востокъ же. А кто у нихъ умретъ, и они тѣхъ жгутъ да пепелъ сыплютъ на воду. А у жены дитя родится, ино бабитъ мужь, а имя сыну даетъ отецъ, а дочери мати; а добрыхъ травъ у нихъ нѣтъ, и сорома не знаютъ. А иные кланяются по-чернечески, обе руки дотычютъ до земли, а не говоритъ ничево.

Къ Первотѣ же ѣздятъ о великомъ заговейне, къ своему
л. 308 об. Буту,[a] го-бе || серменски Мякка, а по-руски Иерусалимъ, а по-индѣйскиі Парватъ; а съѣзжаются всѣ наги, мужи и жонки, толико на гузне платъ или фата, а на шеяхъ у жонокъ жемчюгъ и яхонтовъ много, а на рукахъ обручи да перстни златы. А внутрь к бутхану ѣздятъ на волѣхъ, а у вола рога окованы медью, да на шее колоколцовъ 300, и копыта подкованы; а тѣ волы ачьче зовутъ. Индѣяне же вола зовутъ отцемъ, а корову матерью; а каломъ ихъ пекутъ хлѣбы и варятъ ѣству, и тѣмъ пепеломъ мажутъ по челу, и по всему лицу, и по телу. И въ недѣлю и въ понедѣлникъ ядятъ единожды днемъ.

Отъ Первати же приѣхалъ язъ в Бедеръ, за 15 дниі до бесерменского улубагря. А Великого дни воскресения христова не вѣдаю, а по примѣтамъ гадаю Великъ день християнскиі бываетъ первее бесерменского багрима за 9 дниі или за 10:
л. 309 потому что || кои были книги со мною взяты с Русиі, и то пограблено, и язъ позабылъ вѣру християнскую и празниковъ никоторыхъ не помню. А промежу есми поганыхъ розныхъ вѣръ токмо молился есмь богу вседержителю, творцу небу

и земли, и иного никоего не призывалъ. А какъ мѣсяцъ мартъ прошелъ, и я заговѣлъ въ недѣлю з бесермены, и ѣлъ по дважды днемъ хлѣбъ да воду, а скорому не ѣлъ.

А отъ Гурмыза итти моремъ до Голатъ 10 денъ, а оттуду до[а] Дѣгу 6 денъ; а отъ Дѣгу до Мошката, до Кучзрята, до Комбата 4 дни, а отъ Комбата до Чивиля 12 дней; а оттуду до Дабыля[б] 6 днiі, Добыль же есть пристанище въ Гондустании последнее бесерменству. А отъ Дабыля до Колекота 25 днiі, оттоле же до Силяна 15 днiі, а оттуду до Шибанта мѣсяцъ итти, оттоле же до Пѣвгу 20 днiі; а оттоле до Чини
л. 309 об. да до Мачина мѣсяцъ итти моремъ, || а отъ Чини до Китая итти сухомъ 6 мѣсяцъ, а моремъ 4 итти, аростохода чотомъ.

Гурмызъ же есть пристанище великое, всего свѣта люди в немъ бываютъ, и всякий товаръ въ немъ есть; что на всемъ свѣте родится, то въ Гурмызе есть все; тамга же велика, со всего десятое. А Камбаятъ[в] пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ въ немъ дѣлаютъ алачи, да пестреди, да канъдаки, да чинятъ краску нилъ, да родится въ немъ лек, да ахикъ, да лонъ. Дабыль[г] есть пристанище велми велико, и привозятъ изъ Мисюрска кони, изъ Рабаста, и изъ Хоросани, и изъ Туркусани, изъ Негостани; да ходятъ сухомъ мѣсяцъ до Бедери да до Келбергу.

[К]елекотъ есть пристанище Индѣйскаго моря всего, а проити его не да богъ никакову кестяку, кто его ни увидитъ, тотъ здорово не проидетъ моремъ; а родится въ немъ всякого пряного зелия много, и дешево. ||
л. 310 [С]илян же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а въ немъ баба Адамъ на горѣ высоце; а около его родится каменье драгое, да червцы, да фатисы, да бабогури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада; а продаютъ в локоть, а девякуши продаютъ в вѣсъ; да родятся слоны.

[Ш]инбатское пристанище Индѣйскаго моря велми велико, а хоросанцемъ даютъ алафу по тенке на день, и великому и малому; а кто в немъ хоросанецъ женитца, и князь шабатцкиі даетъ по 1000 тенекъ на жертву, на алафу, да ѣсть

на всякиі мѣсяцъ по 10 тенекъ; а родится в Шанбате шелкъ, да сандалъ, жемчюгъ, и все дешево.

В Пѣгу[а] же есть пристанище немало, а живутъ в немъ всѣ дербыши индѣйския; да родится в немъ камение драгое маникъ, яхутъ, кирпукъ, а продаютъ камение не дербыши.
л. 310 об. [Ч]инское же да Мачинское пристанище || велми велико, да дѣлаютъ въ немъ чини; а продаютъ чини в вѣсъ, а дешево.

А жены ихъ с мужьями своими спятъ в день, а к ночи ихъ ходятъ к гарипомъ да спят съ ними, и даютъ гарипомъ алафу, и приносятъ с собою яству сахарную и вино, да поятъ ихъ и кормятъ, чтобъ еѣ любили, а любятъ людей бѣлыхъ, понеже ихъ люди черны велми; и которое отъ гостя зачнется бело, и мужь даетъ гостю алафу, пошлинъ 18 тенекъ: а родится черно, ино нетъ ничево, токмо пилъ да ѣлъ, то ему халялъ.

А отъ Бедеря Шанбатъ итти 3 мѣсяца; а отъ Дабыля до Шаибата 2 мѣсяца моремъ итти; Мачимъ да Чимъ от Бедеря 4 мѣсяца моремъ итти. Да в Шайбате же родится шелкъ, да инчи, да жемчюгъ, да сандалъ; слоны продаютъ в локоть. Въ Лекотѣ же родится перецъ, да мошкатъ, да гвоздика, да фуфалъ, да цвѣтъ. В Кузрятѣ же родится краска далюкъ.
л. 311 А в Комбате || родится ахикъ. В Рачюре же родится алмазъ, продаютъ посыку по 5 рублевъ, а добраго по 10 рублевъ, новаго же почка алмазу пѣнечь чекени сияже чаршешкени, а сипитъ ектенка. Алмазъ же родится въ горѣ каменной, а продаютъ же тую гору каменную по 2000 фунтовъ золотыхъ новаго алмазу, а кона алмазу въ локоть 30 тысячь фунтовъ златыхъ; земля же та Меликханова, а холопъ онъ салтановъ; отъ Бедеря же 30 кововъ.

А сыто жидове[б] зовутъ Шайбатъ своими жидовы, и то — ложь есть: шайбатане бо ни жидове, ни бесермяне, ни християне, ина бо ихъ вѣра индѣйская, ни зъ худы, ни зъ бесермены ни пьютъ, ни ядятъ. Въ Шайбате же родится шелкъ, сахаръ, и дешево; а по лесу у нихъ мамоны да обезьяны, и по дорогамъ людемъ проѣзду нѣтъ ночи, дерутъ людей аупиков; и у оленей кормленыхъ режутъ пупы, а въ пупе

Индо-мусульманский султан на коне. Миниатюра из индо-персидской рукописи начала XVII в.

л. 311 об. у нихъ м[у]скусъ, а дикие олени || пупы сами изъ себя ронятъ по полямъ и по лесу, и та воня не столь благоуханна, не свѣжь бо есть. [Отъ] Шайбата же до Бедеря сухомъ итти 10 мѣсяцъ, а моремъ 4 мѣсяца.

И мѣсяца маия въ Бедери в бесерменскомъ бограмъ взяли в среду, а заговѣлъ есми мѣсяца апрѣля въ 1-й день. О благовѣрниі християне, иже кто по многимъ землямъ много плаваетъ, во многия грехи впадаетъ и вѣры ся да лишаетъ христовы. Азъ же рабище божие Афонасие зжалихся о вѣре: уже бо проидоша четыре великия посты и праздники свѣтлаго воскресения христова 4, азъ же грѣшный не вѣдаю что есть Великъ день, или постъ, ни иныхъ праздниковъ, ни среды, ни пятницы; а книгъ отбылъ еще въ первомъ грабеже, поидохъ же до Индѣи отъ многия беды, занеже ми на Русь поити нѣ съ чемъ,
л. 312 не осталося товару ничево. Первый бо Великъ день взялъ || есмь въ Клине, а вторый въ Чебукару въ Маздранской землѣ, а третиі Великъ день въ Гурмызе, четвертый же з бесермены во Индѣи в Бедери; и туто много плакалъ по християнской вѣре.

Бесерменинъ же Меликъ тотъ мя много нудилъ в вѣру бесерменскую стати, и рече ми: „Не бесерменинъ еси, и християнства не знаешь“. Азъ же во многия помышления впадохъ, и рекохъ к себе: „горе мнѣ окаянному, яко заблудихъ от пути истиннаго“, и помолихся и рекохъ: „Господи боже вседержителю, творче небу и земли, не отврати лица отъ рабища твоего, яко скорбь близъ; господи, призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; и настави мя господи на путь твой правый, яко никоея добродѣтели тебѣ сотворихъ, господи мой, яко дни своя преплыхъ все во злѣ, господи мой! Господи боже мой, на тя упозахъ, спаси мя“.

Въ Индѣи же бесерменской, в великомъ Бедери, смотрилъ
л. 312 об. есми || на великую ночь волосыни да кола в зарю вошли, а лось головою стоитъ на востокъ. На баграмъ на бесерменской выехалъ султанъ на теферичъ, ино съ нимъ 20 возыревъ великихъ, да 300 слоновъ наряженыхъ въ доспѣсехъ в булат-

ныхъ и зъ городки, а городки окованы, да въ городкехъ по 6 человѣкъ в доспѣсехъ, с пушками да с пищалми; а на великихъ слонѣхъ по 12 человѣкъ, да по два прапорца, да к зубомъ привязаны великия мечи по кентарю, а к рыломъ привязаны великия желѣзныя гири, да промежи ушей человѣкъ в доспѣсе сидитъ да крюкомъ желѣзнымъ правитъ, да коней простыхъ 1000 въ снастехъ золотыхъ, да верблюдъ 100 нагарами, да 300 трубниковъ, да плясцевъ 300, да ковре 300. На султане же кафтанъ весь саженъ яхонты, да шишакъ, а на немъ алмазъ великиі, да саадакъ золотъ съ яхонты, л. 313 да на немъ же 3 сабли || окованы золотомъ, да сѣдло золото; да передъ нимъ скачетъ кофаръ пѣшъ, играетъ теремцомъ; да за нимъ же пѣшихъ много идетъ; да за нимъ же благой слон идетъ, наряженъ весь въ камке, чѣпь у него велика желѣзная во ртѣ, да обиваетъ кони и люди, чтобъ кто на салтана не наступилъ близко. А братъ салтановъ тотъ сидитъ на золотой кровати, а надъ нимъ теремъ оксамитенъ, да маковица золота съ яхонты; да несутъ его 20 человѣкъ. А Махмутъ сидитъ на золотой кровати, а надъ нимъ теремъ шидянъ съ маковицею золотою; а везутъ его на четырехъ конехъ в снастехъ золотыхъ, да около его людей множество, а передъ нимъ певцы, да плясцевъ много, а всѣ з голыми мечи, да съ саблями, да съ щиты, да съ сулицами, да съ копьями, да съ луки с прямыми с великими; а кони всѣ в доспѣсехъ; а на л. 313 об. иныхъ саадаки, а иные наги, одно платище, || завѣшенъ соромъ.

В Бедери же мѣсяцъ стоитъ 3 полонъ. А овощу сладкаго в Бедери нѣтъ. В Гондустане же силнаго вара нѣтъ; силенъ[а] варъ въ Гурмызе да въ Катобагрями, гдѣ ся жемчюгъ родитъ, да въ Жидѣ, да въ Бакѣ, да въ Мисере, да въ О[роб]станиі, да в Ларѣ; а в Хоросанской земли варно, но не таково; а в Чеготаниі велми варно; а в Ширязи, да въ Ѣзди, в Кашини варно да вѣтръ бываетъ; а в Гиляни душно велми да парищо лихо; да паръ лихъ в Шамахѣи; да в Вавилоне варно, да Хумите, да в Шамѣ варно; а въ Ляпе варно, но не такъ. Да в Севастѣи губѣ да в Гурзынской земл

добро обилно всѣмъ; да Турская[a] земля обилна; да в Волоской и в Подолской земли обилно всѣмъ.

Восхотѣх же на Русь итти, но пути не вѣмъ: из Гондастана
л. 314 бо на Гурмызъ || поити, а отъ Гурмыза на Хоросанъ пути нѣтъ, такоже ни на Чегодай, ни на Катобагрямъ и ни на Ѣздъ пути нѣтъ; везде нестроенее стало, князей вездѣ выбили, Яишу мурзу убили, Узуосанбѣкъ на Ширязи сѣлъ, и земля ся не обренила, а Едигерь Махметъ к нему не ѣдетъ, блюдется. А иного пути нѣтъ никуды; а на Мякку поити, ино неволятъ тамо въ бесерменство, затѣмъ туды христіяне не ходятъ. А въ Гондустани жити, ино вся собина исхарчить, заньже у нихъ все дорого, по полутретья алтына мнѣ одному исходитъ на день, а вина есми не пивалъ, ни сынды.

Меликтучаръ два города взялъ индѣйския, что розбивали по морю Индѣйскому; а князей поималъ 7 да казни ихъ, взялъ юкъ [я]хонтовъ, да юкъ алмазовъ да кирпуковъ, да 100 юковъ товару дорогово, а иного товару безчисленно рать взяла.
л. 314 об. А стоялъ || подъ городомъ 2 года, а рати съ нимъ было 200 тысячь, да слоновъ 100, да 300 верблюдовъ. Меликтучаръ пришелъ ратию своею къ Бедерю на курбантъ багрямъ, а по-руски на петровъ день. И султанъ послалъ 10 возыревъ встрѣтити его за 10 кововъ, а въ ковѣ по 10 верстъ; а со всякимъ возыремъ по 10 тысячь рати своей, да по 10 слоновъ въ доспѣсехъ. А у Меликтучара на всякъ день садится за суфриею по 500 человѣкъ, а съ нимъ садятся 3 возыри за его скатертью, а с возыремъ по 50 человѣкъ, а его 100 человѣкъ бояриновъ вшеретныхъ. У Меликтучара же на конюшне коней 2000, да 1000 осѣдланыхъ и день и нощь готовы стоятъ; а дворъ его стерегутъ и день и нощь всегда 100 человѣкъ в доспѣсехъ, да 20 трубниковъ, да 10 нагаръ, да по 10 бубновъ великихъ по два человѣка бьютъ.

л. 315 Мызамылкъ, да Мекханъ, да Форат || ханъ, и тѣ взяли три городы великихъ, а с ними рати своей 100 тысячь да 50 слоновъ, да камени всяково дорогово много множество; покупали бо на Меликтучара и заповѣдалъ гостемъ не продати.

Султанъ выѣзжаетъ на потѣху во фторникъ да въ четвергъ, а с нимъ выезжаютъ 3 возыри; а братъ султановъ в понедѣлникъ, а с нимъ такоже множество конныхъ и пѣшихъ, урядно, и слоны, велми чюдно выездъ ихъ въ утварехъ золотыхъ.

Меликтучаръ выехалъ воевати индѣянъ на память Шихаиладина, а по-руски на Покровъ святыя богородицы. А рати вышло съ нимъ 50 тысячь; а султанъ послалъ рати своей 50 тысячь, да 3 возыри, а съ ними 30 тысячь, да 100 слоновъ пошло з городки в доспѣсехъ, а на всякомъ слонѣ по 4 человѣка съ пищалми.

Меликтучаръ пошелъ воевати Чюнедара, великое княжение
л. 315 об. индѣйское. || А у бинедарскаго князя 300 слоновъ да 100 тысячь рати, а коней 50 тысячь. Султанъ выехалъ из города Бедеря по Велице дни, а с нимъ выехало 26 возыревъ бесерменскихъ и индѣйскихъ, да двора его 100 тысячь рати конные, а 200 тысячь пѣшихъ, да 300 слоновъ в доспѣсехъ з городки, да 100 лютыхъ звѣрей о двою чепяхъ. А зъ братомъ с султановымъ вышло двора его тысячь конныхъ, да 100 тысячь пѣшихъ людей, да 100 слоновъ наряженыхъ в доспѣсехъ. За Малханомъ вышло двора его 20 тысячь конныхъ, да пѣшихъ 60 тысячь, да 20 слоновъ. З Бедерханомъ вышло двора его 30 тысячь конныхъ, да 100 тысячь пѣшихъ, да слоновъ 25 нарядныхъ з городки. С султаномъ вышло 10 тысячь конныхъ, да пѣшихъ 20 тысячь, да слоновъ 10 з городки. З Возырханомъ вышло 15 тысячь конныхъ, да 30 тысячь
л. 316 пѣшихъ да слоновъ 15 || наряжены з городки. С Кутарханомъ вышло двора его 15 тысячь конныхъ, да 40 тысячь пѣшихъ, да 10 слоновъ. Да со всякимъ возыремъ по 10 тысячь конныхъ, а пѣшихъ по 20 тысячь и болши. А с ындѣйским Авдоном[омъ] вышло рати конныхъ 40 тысячь, а пѣшихъ 100 тысячь, да 40 слоновъ въ доспѣсехъ наряженыхъ, да по 4 человѣки на слонѣ съ пищалми. На индѣян же салтанъ опалился, что мало с нимъ и с возырями вышло силы индѣйския, и онъ прибавилъ. Такова есть сила султана индѣйскаго.

Въ пятый же Великъ день взмыслился есмь на Русь. Изыдохъ же изъ Бедеря града за мѣсяцъ до улубаграма бесерменского маметдени россоляль; а Велика дни християнского

не вѣдаю, говѣйно бо говѣхъ зъ бесермены и розговѣхся с ними, Великиі день взяхъ в Келберху, отъ Бедеря 20 ковов. ||

л. 316 об. Султанъ же пришелъ с ратными людми своими до Мелик-тучара въ 15 день по улубагряме, а все Келбергу; и война ся имъ не удала, городъ единъ индѣйскиі взялъ, а людей и казны много изгибло. А индѣйской султанъ кадамъ ратию силенъ, зѣло много у него рати; а сидитъ в горѣ в Биченегире, и градъ его велми великъ; около же его три роги, и сквозе его река течетъ, и с едину страну его женгѣлъ злый, а зъ другую страну долъ и мѣста чюдна и угодна велми, и проити некуды ни на одну страну, сквозѣ градъ дорога, а града взять нѣ откуды, пришла гора велика да дебер златикень. И стояла рать под градомъ мѣсяцъ, и людеі з голоду и зъ безводия погибло много, потому что на воду смотря, а взять нелзѣ. Градъ же взялъ индѣйскиі Меликчанъ,

л. 317 а взялъ его силою, день и нощь бился, стоялъ || подъ градомъ 20 дниі, и рать ни пила ни ѣла, и рати его изгибло 5000 люду добраго; а стоялъ с пушками и взялъ градъ, высекъ по головамъ 20 тысячь, а другую 20 тысячь полону взялъ, а иной полонъ продавалъ дешево, по 10 и по 5 и по 2 тенки; а казны не было ничево; а болшаго града не взялъ.

А отъ Келберху поидохъ до Курыли: тутъ же родится ахикъ, и ту его дѣлаютъ на весь свѣтъ, и оттуду его розвозятъ. Въ Курыли же алмазниковъ 300 суляхмикунѣтъ. Быхъ же тутъ 5 мѣсяцъ, и поидохъ оттоле х Калики; ту есть базаръ велми великъ. А оттуду поидохъ до Канаберга, а оттуду к шихъ Аладину, и оттоле ко Аминдрие, а оттоле к Нарясу, оттуду же к Сури, а оттуду къ Дабили, пристанищу великого моря Індѣйского. Ту былъ градъ великъ, и съезжается вся помория

л. 317 об. Індейская || и Ефиопская. И ту азъ окаянныі Афонасие призвавъ бога вышняго, творца небу и земли, и устремихся умомъ поитти на Русь; и внидохъ в таву и зговорихъ о налоне корабленнемъ, от своея головы 2 золотыхъ до Гурмыза града.

Внидохом же въ корабль въ Дабыли граде до Велика дни за 3 мѣсяца, бесермѣнского говѣина; а моремъ идохъ мѣсяцъ,

и увидехъ горы ѣфиопския. И ту людие вси воскричаша,
глаголюще: „Боже вышниі, царю небесныі! здѣ ли намъ судилъ
еси погибнути“.

И быхомъ в той земле Ефиопской 5 дниі, и божиею благо-
датию зло ся не учинило; много роздаша брынцу, да перцу,
да хлѣба ефиопомъ, и они судна не пограбили. Оттолѣ же
идохомъ 12 дниі до Мошката; и ту в Мошкате 6-й Великъ
л. 318 день взяхъ. И идохомъ до Гурмыза 9 дниі, а в Гурмызе || быхъ
20 дниі. И оттоле поидохъ к Лари, и быхъ 3 дни; и поидохъ
к Ширязи, а изъ Ширяза поидохъ в Вергу, и ту быхъ 10 дниі.
А оттоле къ Езди, и ту идохъ 9 дниі, а Ѣзди быхъ 8 дниі; и
потомъ идохъ къ Испагани 5 дниі, и быхъ тутъ 6 дниі; а оттоле
идохъ до Кашани, и быхомъ 5 дниі; а изъ Кашани идохъ к Куму,
а оттуду в Саву, а изъ Савы в Султанию, а оттуду в Тервизъ.

А оттуду же въ орду Асанбѣгъ, въ орде же бысть 10 дниі,
потому что никуды пути нѣтъ. А на турскаго посла рати своей 40
тысячь; и они Севастъ, и Тоханъ, и Амасию взяли, и много селъ
пограбили, да пошли на Караманъ воюючи. И язъ из орды по-
шелъ къ Арцыцыну, а изъ Арцыцына пошелъ есми в Трапизонъ.

И ту взялъ Покровъ пресвятые богородицы, и былъ 5 дниі,
л. 318 об. и на корабль приідохъ || и зговорихъ о налоне дати золотой
отъ меня до Кафы. Въ Трепезоне же мнѣ шубашъ да паша
много зла учиниша: хламъ мой весь взнесли къ себѣ в городъ
на гору, да обыскали все; а обыскиваютъ грамотъ, что есми
пришелъ изъ орды Асанбѣга.

Божиею милостию приідохъ до 3-го моря Чермнаго, а парсиі-
скимъ языкомъ дория Стемболская; идохомъ же по морю вѣт-
ромъ 5 дниі, и доидохъ до Вонады; и ту насъ встрѣтилъ вѣтръ
великиі полунощныі, и возвратилъ насъ к Трапизону; и стояли
есмя в Платанѣ 15 дниі, вѣтру бо велику и злу бывшу.
І ис Платаны пошли на море дважды, вѣтръ насъ встрѣчаетъ
и не дастъ намъ по морю ходити, и туто призывали бога
на помощь. И занесло насъ к Балыкаее, а оттуду Ткързофу,
и ту стояли 5 дниі. И божиею милостию приідохъ въ Кафу,
л. 319 за 9 дниі до || Филипова заговейна.

ПЕРЕВОД

За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына. Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское,[1] второе море Индийское — море Индостанское,[2] третье море Черное — море Стамбульское.[3]

Пошел я от святого Спаса златоверхого,[4] с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича[5] и от владыки Геннадия[6] тверских на низ, Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря святой живоначальной Троицы[7] и святых мучеников Бориса и Глеба[8] Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру.[9] И князь великий всея Руси,[10] снабдив другой грамотой, отпустил меня свободно. Также свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин[11] тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде недели две татарского, ширваншахова посла Хасан-бека.[12] Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду,[13] Услан, Сарай,[14] Берекезан.[15]

И въехали мы в реку Бузань.[16] Тут нам повстречались 3 поганых татарина и сообщили ложные вести, будто в Бузани стережет купцов хан Касим[17] и с ним 3 тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке и по

куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани.[18] Татары же по однорядке взяли, а весть астраханскому царю подали. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: „Не бегите!“.[19] И царь послал тогда за нами всю свою орду, и, за грехи наши, настигли нас на Бугуне,[20] застрелили у нас человека, а мы у них двух. Наше малое судно остановилось на езу,[21] они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и тянули судно назад, до еза. Здесь они наше большое судно отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести.

И пошли мы к Дербенту[22] в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами[23] да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей да 6 тверичей. На море нас захватила буря.[24] Малое судно разбило о берег, людей же с него поймали кайтаки.

Когда мы пришли в Дербент, то оказалось, что Василий пришел благополучно, а мы пограблены. И бил я челом Василию Папину и ширваншахову послу Хасан-беку, с которым пришли, чтобы они просили о людях, пойманных кайтаками под Тарки.[25] И Хасан-бек хлопотал; он ездил на гору к Булат-беку, который послал скорохода к Ширванша-беку с известием, что русское судно разбило под Тарки и что кайтаки[26] поймали людей с него и разграбили их товар. И Ширванша-бек тотчас отправил посла к своему шурину Халиль-беку князю Кайтакскому:[27] что судно, дескать, мое разбило под Тарки и твои люди, придя, людей поймали, а товар их пограбили; и ты бы, ради меня, людей ко мне прислал и товар их собрал, потому что те люди посланы ко мне; а что тебе нужно будет от меня, и ты ко мне пришли, и я тебе, своему брату, за то не постою,

только бы ты отпустил их ради меня свободно. И Халиль-бек тотчас отослал всех людей свободно в Дербент, а оттуда послали их к Ширван-шаху[28] в орду его койтул.[29]

Мы также поехали к Ширван-шаху в койтул и били ему челом, чтобы он нас пожаловал, чем нам дойти до Руси И он нам не дал ничего, так как нас было много. И мы, заплакав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, и тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе,[30] а иные пошли работать в Баку.[31]

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море в Чапакур,[32] да тут и жил, в Чапакуре, 6 месяцев, да в Сари,[33] в Мазандаранской земле,[34] жил месяц. А оттуда пошел к Амулю[35] и тут жил месяц; а оттуда — к Демавенду, а из Демавенда[36] к Рею[37] — тут убили шаха Хусейна алеевых детей и внучат мухаммедовых,[38] и он их проклял так, что 70 городов развалилось. А из Рея[39] пошел к Кашану,[40] и тут был месяц; а из Кашана к Найину,[41] а из Найина к Йезду[42] и тут жил месяц. А из Йезда[43] к Сирджану,[44] а из Сирджана к Таруму,[45] где финиками кормят домашний скот, батман по 4 алтына. А из Тарума пошел к Лару,[46] а из Лара к Бендеру.[47] И тут есть пристанище Ормузское;[48] тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море.[49] И оттуда идти морем до Ормуза 4 мили.

А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришел я в Ормуз за 4 недели до Великого дня.

Выше я не все города назвал — много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда после Великого дня, в Фомину неделю, за Индийское море в таве[50] с конями.[51]

И шли мы морем до Маската[52] 10 дней; а от Маската до Дега[53] 4 дня; а от Дега к Гуджерату;[54] а от Гуджерата к Камбаю, тут родится индиго[55] и лакх;[56] а от Камбая[57]

к Чаулу.[58] От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня, а шли до Чаула в таве 6 недель морем.

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые:[59] голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужи и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много, — дивятся белому человеку. А князь их, — фата[60] на голове, а другая — на бедрах; бояре у них ходят, — фата на плече, а другая — на бедрах; княгини ходят — фатой плечи обернуты, а другой — бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или с луками и стрелами. И все голые, босые и сильные. А женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями; мальчики же и девочки ходят голыми до 7-ми лет, и срам у них не покрыт.

Из Чаула пошли сухим путем до Пали,[61] 8 дней, то индийские города; а от Пали до Умру[62] 10 дней — это индийский город; а от Умри до Джунира[63] 6 дней. И живет здесь джунирский, индийский Асад хан, Меликтучаров холоп;[64] говорят, что он держит от Меликтучара 7 тем. А Меликтучар имеет 20 тем;[65] в течение 20 лет он бьется с кафирами,[66] — то его побьют, то он их часто побивает. Хан ездит на людях;[67] много у него и слонов и коней добрых. Много также у него людей — хорасанцев,[68] а привозят их из Хорасанской земли,[69] или из Аравийской,[70] или из Туркменской и Чагатайской;[71] привозят их все морем, в тавах — индийских кораблях.

И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю;[72] дошел же до Джунира, благодаря бога, здоровым, — стоило мне это сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня,[73] а зимовали мы в Джунире, жили 2 месяца; в течение 4 месяцев, и днем и ночью, всюду была вода и грязь. Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, тутурган, горох[74] и все съестное. Вино приготовляют из кокосовых орехов[75] в огромных индо-

станских мехах,[76] а брагу — в татне.[77] Коней кормят горохом и варят для них кичири[78] с сахаром и маслом; рано утром дают им еще рисовые лепешки.[79] В Индийской земле кони не родятся;[80] здесь родятся волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят, — все делают.

Город Джунир[81] находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен богом; один человек подымается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле гости останавливаются на подворьях,[82] и кушанья для них варят господарыни; они же гостям и постель стелют и спят с ними. Хочешь иметь с той или иной из них тесную связь, дашь два шетеля, не хочешь иметь тесной связи — дашь один шетель;[83] ведь это женка, приятельница, а тесная связь даром — любят белых людей. Зимой у них люди ходят: фата на бедрах, а другая по плечам, третья на голове. А князья и бояре надевают тогда на себя портки, сорочку и кафтан, и у них же фата по плечам, другою опоясываются, а третьею обертывают голову. Боже, боже великий, боже истинный, боже благий, боже милосердный.[84]

И в том Джунире хан взял у меня жеребца. Когда же он узнал, что я не бусурманин[85], а русский, то сказал: „и жеребца отдам и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, мухаммедову;[86] если же не примешь нашей магометанской веры,[87] то и жеребца возьму и тысячу золотых на твоей голове возьму“. И учинил мне срок, 4 дня, на Спасов день, в пост пресвятой богородицы. И господь бог смилостивился на свой честный праздник, не лишил меня, грешного, своей милости и не повелел мне погибнуть в Джунире с нечестивыми. В канун Спасова дня приехал хорасанец ходжа[88] Мухаммед, и я бил ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану в город и уговорил его, чтобы меня в веру не обращали; он же и жеребца моего у него взял. Таково господне чудо на Спасов день. Итак, русские братья-христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты

оставь свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.

Меня обманули псы-бусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры, не христиане и не бусурмане;[89] молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

И из Джунира вышли в день успения пречистой к Бидару,[90] большому их городу, и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира[91] 5 дней, а от Кулунгира до Кульбарги[92] также 5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов,[93] столько и городов. От Чаула до Джунира 20 ковов, а от Джунира до Бидара 40 ковов, а от Бидара до Кулунгира 9 ковов, и от Бидара до Кульбарга тоже 9 ковов.

В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки,[94] на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет. Люди все черные и все злодеи, а женки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей.

Князья в Индийской земле все хорасанцы, и все бояре также.[95] А индостанцы все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед: хорасанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами. Слонам же к хоботу и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю,[96] одевают их в булатные доспехи и делают на них городки; а в каждом

городке находится по 12 человек в доспехах, с пушками[97] и стрелами.

Есть у них одно место, где однажды в году устраивается базар, куда съезжается вся Индийская страна торговать и торгуют там 10 дней. От Бидара 12 ковов. А приводят коней, до 20 тысяч продают, и всякий другой товар свозят. В Индостанской земле это лучший торг; всякий товар продают здесь и покупают на память шейха Алаеддина,[98] на русский праздник Покрова святой богородицы. Есть на том Алянде[99] птица гукук,[100] она летает ночью и кричит „гукук"; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет. А мамоны[101] ходят ночью и хватают кур; живут они в горе или в каменьях. Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский,[102] ходит со своей ратью. И если кто их обидит, тогда они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая, и язык у них есть свой; детей они родят много, но которые родятся не в отца и не в мать — тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы их подбирают и учат всякому рукоделью, некоторых же продают, но ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат вести игру.[103]

Весна здесь наступила с Покрова святой богородицы;[104] весною же, через две недели после Покрова, восемь дней празднуют шейху Алаеддину.[105] Весна длится 3 месяца, и лето 3 месяца, и зима 3 месяца, и осень 3 месяца. В Бидаре же находится престол бусурманского Индостана.[106] Город этот велик, и людей в нем много. Султан у них молод, всего 20 лет,[107] а управляют князья и бояре — хорасанцы, воюют также все хорасанцы.[108]

Есть здесь хорасанец Меликтучар боярин,[109] — так у него рати 200 тысяч. А у Мелик-хана — 100 тысяч, а у Харат-хана[110] — 20 тысяч. А у многих же ханов рати по 10 тысяч. С султаном рати выходит 300 тысяч. Земля весьма многолюдна: сельские

люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны;[111] носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков[112] 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает, на потеху с матерью и с женой, да с ним на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золоченые доспехи.[113] Да перед султаном идет 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях; да обезьян за ним 100, да наложниц[114] 100 — и все юные девы.

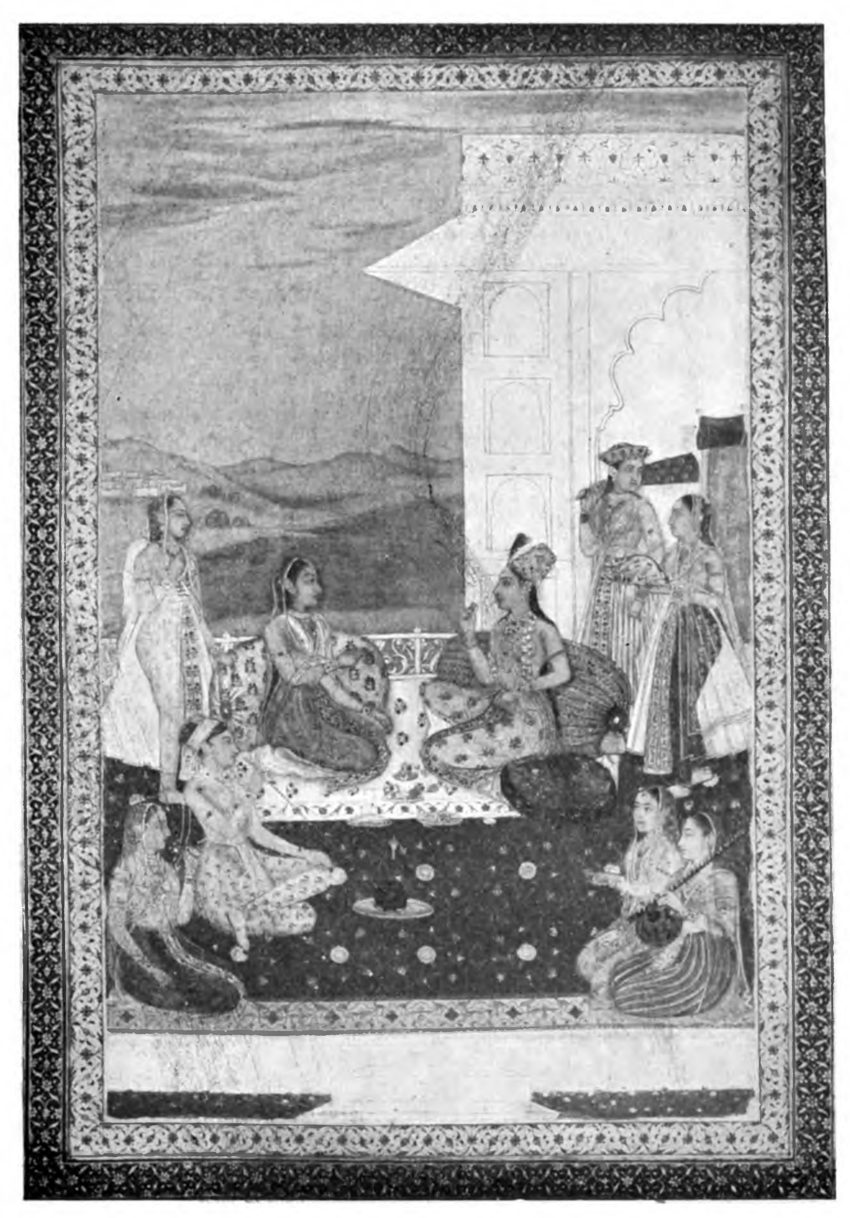
В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов — кафиров: одни записывают, кто войдет, другие — кто выйдет; чужестранцев[115] же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды.

Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником,[116] и ездят все на конях, в доспехах и с факелами. Жеребца своего я продал в Бидаре, а издержал на него 68 футунов,[117] кормил его год. В Бидаре же по улицам ползают змеи, длиною в две сажени. А в Бидар пришел в Филиппово заговенье из Кулунгира, а жеребца своего продал на Рождество.

И пробыл я в Бидаре до великого заговенья. Тут познакомился со многими индусами и объявил им, что я христианин,[118] а не бусурманин, и имя мое Афанасий, по-бусурмански же ходжа Исуф Хорасани.[119] Они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве,[120] ни в иных вещах; жен своих также не скрывали.

Я расспросил все о их вере, и они говорили: веруем в Адама,[121] а Буты,[122] говорят, это есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84,[123] и все веруют в Бута.[124] Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые

Прием у индо-мусульманского султана. Миниатюра из индо-мусульманской рукописи начала XVII в.



Индо-мусульманские принцессы с прислужницами. Миниатюра из индо-мусульманской рукописи начала XVII в.

едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл я 4 месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату, — их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка, где их главное идольское капище [бутхана].[125] Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. К бутхане, на бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. Около бутханы бреются старые женки и девки и сбревают на себе все волосы; бреют также бороды и головы. После идут к бутхане; с каждой головы берут пошлину на Бута — по 2 шекшени,[126] а с коней по 4 футы. А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч лек, а бывает время, когда и 100 тысяч лек.[127] Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царьграде,[128] в левой же руке у него копье; а на нем нет ничего, только зад у него обвязан ширинкою, — облик обезьяний. А другие Буты совсем голые, нет ничего, с открытым задом; а женки Бута вырезаны голыми и со стыдом и с детьми. А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы; на Бута также сыплют цветы.

Индийцы совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, — хотя свиней у них очень много. Едят же они 2 раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят.[129] А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят,[129] даже с женой. Едят рис[130] да кичири[131] с маслом, да травы разные,

а варят их с маслом и молоком. А едят все правою рукою, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на еду, и индиец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел.

А молитва у них на восток, по-русски, подымают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их без дверей и поставлены на восток; также на восток стоят и Буты. А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну дает отец, а дочери — мать. Добрых нравов у них нет, и стыда не знают. Приходя или уходя кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят.

К Парвату же ездят на великое заговенье, к своему Буту, здесь их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка,[132] по-русски — Иерусалим, по-индийски — Парват. А съезжаются все голыми, только на заду плат; и женки все голые, только на заду фата, а другие в фатах, да на шеях жемчуг и много яхонтов,[133] на руках же золотые обручи и перстни, ей-богу.[134] А внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее около 300 колокольцев, а копыта подкованы. И тех волов зовут „отцами“. Индийцы вола зовут „отцом“, а корову „матерью“;[135] на их кале пекут хлеб и варят себе еду, а пеплом мажутся по лицу,[136] по челу и по всему телу. Это их знаменье. В воскресенье же да в понедельник едят один раз днем. В Индии как малостоющее и дешевое считаются женки:[137] хочешь знакомства с женкою — два шетеля; хочешь за ничто бросить деньги, дай шесть шетелей.[138] Таков у них обычай. Рабы[139] и рабыни[140] дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна.

Из Парвата же приехал я в Бидар, за 15 дней до бусурманского великого праздника.[141] А Великого дня[142] Воскресения христова не знаю и гадаю по приметам: у христиан Великий день бывает раньше бусурманского байрама на 9 или 10 дней. Со мной нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собой из Руси, но когда меня пограбили, то захватили и их. И я позабыл всю веру христианскую и праздники христианские: не знаю ни Великого дня, ни Рождества христова, ни среды, ни пятницы. И среди вер я молю бога, чтобы он хранил меня: „Боже господи, боже истинный, боже, ты бог милосердный, бог творец, ты господь еси".[143] Бог един, то царь славы, творец неба и земли.

А возвращаюсь я на Русь с думою: погибла вера моя, постился я бусурманским постом. Месяц март прошел, и я месяц не ел мяса, заговел в неделю с бусурманами и не ел ничего скоромного, никакой бусурманской еды, а ел 2 раза в день, все хлеб да воду, и с женкой связи не имел.[144] А молился я богу вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного никоторого имени не призывал: бог творец наш, бог милосердный, боже, ты бог всевышний.

А от Ормуза[145] идти морем до Галата[146] 10 дней; а от Галата до Дега — 6 дней, а от Дега до Моската[147] — 6 дней, а от Маската до Гуджарата[148] — 10 дней, а от Гуджарата до Камбая[149] — 4 дня, а от Камбая до Чаула[150] — 12 дней, а от Чаула до Дабула[151] — 6 дней. Дабул же это пристань в Индостане, последняя из бусурманских.

А от Дабула до Каликута[152] — 25 дней, а от Каликута до Цейлона[153] — 15 дней, а от Цейлона до Шабата[154] идти месяц; а от Шабата до Пегу — 20 дней, а от Пегу[155] до Чина да до Мачина[156] идти месяц. И то все путь морем. А от Чина до Китая[157] идти по-суху 6 месяцев, а морем идти 4 дня. Да украсит бог покров мой.[158]

Ормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то

в Ормузе[159] есть. Пошлина[160] же велика, со всего берут десятину.

А Камбай[161] — пристань всему Индийскому морю, и товар в нем, все делают алачи,[162] да пестряди,[163] да киндяки,[164] да делают краску индиго;[165] в нем же родится лакх,[166] сердолик[167] и соль.[168] Дабул[169] — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта,[170] Аравии,[171] Хорасана,[172] Туркестана[173] и Испаганя(?);[174] и ходят по-суху месяц до Бидара и до Кульбарга.[175]

А Каликут[176] есть пристань для всего Индийского моря, и пройти его не дай бог никакому судну;[177] кто его минует, тот не пройдет по-здорову морем. А родится в нем перец, имбирь,[178] цвет мускат,[179] цинамон,[180] корица, гвоздика,[181] пряное коренье,[182] адряк,[183] да всякого коренья родится в нем много. И все в нем дешево; да рабы и рабыни очень хороши, черные.[184]

А Цейлон[185] же есть немалая пристань Индийского моря, а в нем на высокой горе отец Адам.[186] Да около него родятся драгоценные камни,[187] рубины,[188] кристаллы,[189] агаты,[190] смола,[191] хрусталь,[192] наждак.[193] Родятся также слоны, а продают их на локоть, да страусы,[194] — продают на вес.

А Шабатская пристань[195] Индийского моря весьма велика. Хорасанцам здесь дают жалованье,[196] по деньге[197] на день, великому и малому. А кто здесь из хорасанцев женится, и шабатский князь дает тем на жертву по тысяче денег, да в жалованье дает, да на еду каждый месяц, по 10 денег. А родится в Шабате[198] шелк, сандал,[199] жемчуг, — и все дешево.

В Пегу[200] же пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши.[201] А родятся в нем драгоценные камни, рубин,[202] яхонт,[203] рубин.[204] Продают эти камни дервиши. А Чинская же да Мачинская[205] — пристани весьма великие, и делают здесь фарфор,[206] а продают его на вес и дешево.

А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью они ходят к чужеземцам и спят с ними;[207] они [жены]

дают им [гостям] жалованье[208] и приносят с собой сладости и сахарное вино, кормят и поят ими гостей, чтобы их любили. Жены же любят гостей — белых людей, так как их люди очень черны. И у которой жены от гостя зачнется дитя, то ее муж дает жалованье, и если родится белое, то тогда гостю пошлины 18 денег, а если родится черное, тогда ему ничего нет; а что пил да ел, — то ему было законом дозволенное.[209]

Шабат[210] же от Бидара[211] 3 месяца, а от Дабула до Шабата 2 месяца, идти морем. Мачин и Чин[212] от Бидара 4 месяца, идти морем. А делают там фарфор,[213] и все дешево. А до Цейлона[214] идти морем 2 месяца. В Шабате[215] же родятся шелк, фарфор, жемчуг, сандал; слонов продают на локоть.

В Цейлоне родятся обезьяны,[216] рубины и кристаллы. В Каликуте[217] родятся перец, мускат, гвоздика, фуфал[218] и цвет. В Гуджарате родится краска дал,[219] а в Камбае — сердолик.[220] В Райчуре[221] же родится алмаз, старой и новой копи;[222] почку алмаза продают по 5 рублей,[223] а очень хорошего — по 10 рублей; почка же нового алмаза только 5 кеней, черноватого[224] цвета — от 4 до 6 кеней,[225] а белый алмаз — 1 деньга.[226] Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору,[227] если алмаз новой копи, то по 2 тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи, то продают по 10 тысяч золотых фунтов за локоть. А земля та султанова холопа Мелик-хана[228], и от Бидара 30 ковов.

А что Шабат[229] евреи[230] считают своим, еврейским, — и то лгут. Шабаитяне не евреи, не бусурмане,[231] не христиане — иная у них вера, индийская. Ни с иудеями, ни с бусурманами не пьют и не едят, а мяса никакого не едят. Да в Шабате же все дешево, а родится там шелк и сахар, — очень дешево. А в лесу у них водятся мамоны[232] и обезьяны и по дорогам нападают на людей; так что из-за обезьян и мамон ночью у них по дорогам ездить не смеют.

А от Шабата идти по-суху 10 месяцев, а морем 4 месяца на больших судах.[233] У откормленных оленей режут пупы,

так как в них находится мускус.[234] А дикие олени сами роняют пупки в поле и в лесу, и из них выходит аромат, но не такой благоуханный, так как они не свежи.

В месяце мае встретил Великий день[235] в бусурманском Бидаре[236] в Индостане. Бусурмане же встретили байрам[237] в среду месяца мая; а заговел я месяца апреля в 1 день. О благоверные христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере: уже прошли 4 великих заговенья[238] и 4 Великих дня, а я, грешный, не знаю, когда Великий день или заговенье, не знаю когда Рождество христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы. А книг у меня нет,[239] когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось. Первый Великий день встретил я в Каине,[240] другой Великий день в Чепакуре в Мазандеранской земле,[241] третий Великий день в Ормузе,[242] а четвертый Великий день в Бидаре,[243] в Индии, вместе с бусурманами. И тут я плакал много по вере христианской.

Бусурманин же Мелик[244] много понуждал меня обратиться в веру бусурманскую. Я же ему ответил: „Господин, ты совершаешь молитву, и я также совершаю; ты 5 молитв читаешь, я 3 молитвы читаю; я чужеземец, а ты здешний".[245] Он же мне сказал: „Поистине, хотя ты и представляешься не бусурманином, но и христианства не знаешь". И впал я тогда во многие размышления и сказал себе: „Горе мне окаянному, потому что от пути истинного заблудился и другого не знаю, уж сам пойду. Господи боже, вседержитель, творец неба и земли, не отврати лица от рабища твоего, находящегося в скорби. Господи, призри и помилуй меня, потому что я твое создание; не отврати меня, господи, от пути истинного и настави меня, господи, на путь твой правый, потому что ничего добродетельного в нужде той не сотворил я тебе, господь мой, потому

что дни свои прожил все во зле. Господь мой, бог покровитель,[246] бог всевышний, бог милосердный, бог милостивый. Хвала богу! Уже прошли 4 Великих дня в бусурманской земле, а христианства я не оставил; а далее бог знает, что будет. Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи, боже мой!“.

В бусурманской же Индии, в великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Великий день плеяды и Орион вошли в зорю, а Большая Медведица головою стояла на восток. На бусурманский байрам выехал султан на прогулку,[247] и с ним 20 великих везиров[248] да 300 слонов, наряженных в булатные доспехи[249] с городками, а городки окованы. В городках же по 6 человек в доспехах, с пушками да с пищалями, а на великом слоне 12 человек. На каждом слоне по 2 больших знамени, а к клыкам привязаны большие мечи, по кентарю,[250] к хоботам же привязаны тяжелые железные гири; да между ушей сидит человек в доспехах, а в руках у него большой железный крюк, которым он правит. Да выехало простых коней тысяча в золотой сбруе, да 100 верблюдов с литаврами,[251] да 300 трубников, да 300 плясунов, да 300 ковре.[252] А на султане кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шишак[253] — огромный алмаз, да золотой сайдак[254] с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое. А перед ним бежит кафир[255] и играет зонтиком, а за ним много пеших. За ним же слон выученный идет, наряжен весь в камку,[256] с большой железной цепью во рту, — и он отбивает ею людей и коней, чтобы не подступали близко к султану. А султанов брат сидит на золотых носилках, и над ним бархатный[257] балдахин, с золотой верхушкой с яхонтами. И несут его 20 человек. А государь[258] сидит на золотых носилках, а балдахин над ним шелковый,[259] с золотой верхушкой. И везут его на 4 конях в золотых сбруях. Да около него великое множество людей, а перед ним идут певцы и много плясунов. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками, прямыми и большими; а кони все

в доспехах, и на них сайдаки. Иные же идут все голыми только плат на заду, стыд завешен.

Луна в Бидаре стоит полная 3 дня. В Бидаре же нет сладких овощей. В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне,[260] где родится жемчуг, да в Джидде,[261] да в Баку,[262] да в Египте,[263] да в Арибстане,[264] да в Ларе.[265] Знойно и в Хорасанской земле,[266] да не так. А в Чагатае очень знойно.[267] В Ширазе[268] же да в Йезде[269] и в Кашане знойно,[270] но бывает ветер. А в Гиляни[271] очень душно и сильно парит, да и в Шамахе[272] сильный пар. В Вавилоне [Багдаде][273] знойно, тоже в Хумсе[274] и Дамаске.[275] В Алеппо[276] же не так знойно. А в Севастей[277] губе и в Грузинской земле[278] на все большое обилие. И Турецкая земля[279] очень обильна. В Волошской земле[280] также обильно, и дешево все съестное. Обильна всем и Подольская земля.[281] А Русскую землю бог да сохранит! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны подобной ей, хотя вельможи [бояре] Русской земли несправедливы [не добры]. Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость. О боже, боже, боже, боже, боже.[282]

Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня господи. Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана: на Ормуз пойти, а из Ормуза на Хорасан — пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет. Везде происходит мятеж.[283] Князей везде прогнали. Мирзу Джеханшаха[284] убил Узун-Хасан-бек,[285] султана Абу-Саида[286] отравили; Узун-Хасан-бек сел было на Ширазе, но земля эта его не признала. А Ядигар Мухаммед[287] к нему не едет, — опасается. А иного пути нет никуда. А на Мекку[288] пойти, значит обратиться в бусурманскую веру; ради веры христиане и не ходят в Мекку, так как там обращают в бусурманство. Жить же в Индостане — значит израсходовать все, что имеешь, так как у них все дорого: один я человек, но на день харчу идет на 2 с половиною алтына. А вина и сыты[289] я не пивал.

Меликтучар[290] взял 2 индийских города, которые разбойничали по Индийскому морю. И захватил 7 князей и их казну: вьюк[291] яхонтов, да вьюк алмазов и рубинов,[292] да 100 вьюков дорогого товара. А другого товара рать его захватила без числа. И стоял он под городом 2 года, а рати с ним было 200 тысяч, да 100 слонов и 300 верблюдов. А пришел Меликтучар со своею ратью к Бидару на курбан-байрам, по-русски на Петров день. И навстречу ему султан[293] послал 10 везиров, за 10 ковов, а в кове по 10 верст. А с каждым везиром по 10 тысяч своей рати, да по 10 слонов в доспехах.

А у Меликтучара каждый день за стол садится по 500 человек. И с ним, за его трапезой,[294] садится 3 везира, а с везиром по 50 человек, да 100 человек присяжных бояр. У Меликтучара на конюшне 2 тысячи коней; да тысяча оседланных, стоят готовыми день и ночь, да на конюшне же 100 слонов. Каждую ночь двор его стерегут 100 человек в доспехах, да 20 трубников и 10 литаврщиков,[295] да по 2 человека бьют в 10 больших бубнов.

А Низам-ал-мульк,[296] да Мелик-хан,[297] да Фархад-хан[298] взяли 3 больших города, и рати с ними было своей 100 тысяч да 50 слонов. Да взяли каменья всякого дорогого огромное количество, и все то каменье, да яхонты, да алмазы скупили для Меликтучара; он запретил мастерам продавать их купцам, которые пришли в город Бидар, в день пресвятой богородицы.[299]

Султан выезжает на потеху в четверг и во вторник, и с ним выезжают 3 везира. А брат султанов выезжает в понедельник, с матерью и с сестрой. Да 2 тысячи женок выезжают на конях и на золотых носилках. Да коней перед ними простых 100 в золотых сбруях, да пеших с ними очень много, да 2 везира и 10 везиров, да 50 слонов в суконных попонах. А на слоне сидят по 4 человека голых, только плат на заду. Да голые пешие женки, и те воду за ними носят, пить и умываться, а один у другого воды не пьет.

Меликтучар выехал завоевывать индийцев с ратью своею из города Бидара, в день памяти шейха Алаеддина,[300] а по рус-

ски на Покров святой богородицы,[301] и рати с ним вышло 50 тысяч. А султан послал своей рати 50 тысяч, да с ним 3 везира пошли, а с ними 30 тысяч; да пошли с ними 100 слонов, в доспехах и с городками, и на каждом слоне по 4 человека с пищалями. Меликтучар пошел завоевывать великое индийское княжение Виджаянагара.[302]

А у виджаянагарского князя 300 слонов да 100 тысяч своей рати, да коней у него 50 тысяч. Султан[303] выехал из города Бидара[304] в восьмой месяц после Великого дня, да с ним выехали 26 везиров: 20 везиров бусурманских и 6 везиров индийских. А с султаном двора его выехали: 100 тысяч рати— конных людей, да 200 тысяч пеших, да 300 слонов, в доспехах и с городками, да 100 злых зверей, каждый с двумя цепями. А с братом султановым вышли двора его: 100 тысяч конных, да 100 тысяч пеших людей, да 100 слонов, наряженных в доспехи. А за Мал-ханом[305] вышли двора его: 20 тысяч конных людей, да 60 тысяч пеших, да 20 слонов наряженных. А с Бедер-ханом[306] и его братом вышли 30 тысяч конных людей, да 100 тысяч пеших, да 25 слонов наряженных, с городками. А с Сул-ханом вышли двора его: 10 тысяч конных, да 20 тысяч пеших, да 10 слонов с городками. А с Везир-ханом[307] вышли 15 тысяч конных людей, да 30 тысяч пеших, да 15 слонов наряженных. А с Кутар-ханом[308] вышли двора его: 15 тысяч конных людей, да 40 тысяч пеших, да 10 слонов. Да с каждым везиром вышли по 10 тысяч, а с иным и по 15 тысяч конных, да пеших по 20 тысяч. А с Индийским Авдономом[309] вышли рати своей 40 тысяч конных людей, да пеших людей 100 тысяч, да 40 слонов наряженных, в доспехах, а на слоне по 4 человека, с пищалями. А с султаном вышли 26 везиров, и с каждым везиром по 10 тысяч своей рати, да пеших по 20 тысяч; а с иным везиром 15 тысяч конных людей, да пеших 30 тысяч. А у четырех великих индийских везиров рати своей по 40 тысяч конных людей да пеших 100 тысяч. И рассердился султан на индийцев, что мало вышло с ним; и он еще прибавил 20 тысяч пеших людей, 2 тысячи конных, да 20 сло-

нов. Такова сила у султана индийского, бусурманского; мухаммедова вера еще годится. А правую веру бог ведает,[310] а правая вера — единого бога знать, имя его в чистоте призывать во всяком чистом месте.

В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь. Из города Бидара вышел за месяц до бусурманского улу-байрама,[311] по вере Мухаммеда, пророка божия.[312] А Великого дня христианского — Христова воскресения — не знаю, а говел с бусурманами в их заговенье и разговелся с ними. Великий день встретил в Кульбарге,[313] от Бидара 20 ковов.

Султан же дошел до Меликтучара с ратью своею на 15-й день после улу-байрама, а все в Кульбарге. И война им не удалась, один город индийский взяли, а людей погибло много, да и казны истратили много. А индийский же султан Кадам[314] очень силен, и рати у него много, а сидит на горе в Виджаднагаре.[315] И город у него весьма велик, около него 3 рва, да сквозь него течет река; а по одну сторону город, злая лесная дебрь,[316] по другую же сторону подошла долина весьма чудная местами и пригодная на все. На ту сторону придти неоткуда, дорога сквозь город, и города взять неоткуда, подошла великая гора да дебрь злая тикень.[317] Под городом и стояла рать месяц, и люди умирали от безводия, и много людей погибло от голода да от безводицы; а на воду смотрят, да взять неоткуда. Город же индийский взял хозя Меликтучар,[318] а взял его силою, день и ночь бился с городом, 20 дней рать не пила, не ела, стояла под городом с пушками. А рати его погибло 5 тысяч отборных людей. И когда город взяли, то убили 20 тысяч мужского и женского поголовия, да 20 тысяч человек, взрослых и малых, взяли в плен. А продавали пленных по 10 денег за голову, а за иную по 5 денег, а ребят по 2 деньги. Казны же не было ничего. А большого города не взяли.

А от Кульбарга пошел до Кулура;[319] а в Кулуре родится сердолик,[320] и здесь его отделывают,[321] и затем на весь свет оттуда развозят. В Кулуре же проживает 300 алмазников, украшают

оружие. И пробыл я здесь пять месяцев и пошел отсюда в Коилконду,[322] а тут весьма большой базар. А оттуда пошел к Гульбарге,[323] а от Гульбарги пошел к шаху Алаеддину, а от шейха Алаеддина пошел к Камендрии, а от Камендрии к Кынарясу, а от Кынаряса к Сури,[324] а от Сури пошел к Дабулу[325] — пристани великого Индийского моря.

Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается все поморье, Индийское и Ефиопское. И тут я, окаянный рабище бога вышнего, творца неба и земли, Афанасий, поразмыслил о христианской вере, о крещении Христове, об устроенных святыми отцами заговеньях и о заповедях апостольских и устремился умом пойти на Русь. И, сев в таву[326] и сговорившись о корабельной плате,[327] дал до Ормуза со своей головы 2 золотых.

А сел же я в Дабуле на корабль за 3 месяца до Великого дня, бусурманского заговенья. И плыл я в таве по морю месяц и не видел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы.[328] И тут люди все воскликнули: „Боже,[329] видно нашим головам суждено здесь погибнуть", а по-русски говорили: „Боже государю, боже, боже вышний, царю небесный, здесь ты судил нам погибнуть".

И в той Ефиопской земле был 5 дней. Божией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлебов, — и они суда не пограбили. А оттуда плыл 12 дней до Маската[330] и в Маскате же встретил шестой Великий день. И плыл до Ормуза[331] 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошел к Лару[332] и в Лару был 3 дня. Из Лара пошел к Ширазу,[333] 12 дней, а в Ширазе был 7 дней. А из Шираза пошел в Аберкух[334], 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошел к Йезду,[335] 9 дней, а в Йезде был 8 дней. А из Йезда пошел к Испагани,[336] 5 дней, а в Испагани был 6 дней. А из Испагани пошел к Кашану,[337] а в Кашане был 5 дней. А из Кашана пошел в Куму,[338] а из Кумы пошел в Саву.[339] А из Савы пошел в Султанию.[340] А из Султании

пошел до Тавриза.[341] А из Тавриза пошел в орду к Хасанбеку,[342] в орде пробыл 10 дней, так как пути никуда не было. А на турецкого[343] [султана] послал Хасан-бек рати своей 40 тысяч, и взяли они Сивас;[344] да и Токат[345] взяли и пожгли, Амасию[346] взяли и пограбили там много сел. И пошли, воюя, на Караман.[347] А я из орды пошел к Арзинджану,[348] а из Арзинджана[349] пошел в Трапезунд.[350]

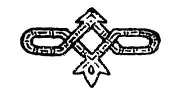
И пришел в Трапезунд на Покров святой богородицы и приснодевы Марии, и пробыл в Трапезунде 5 дней. И, придя на корабль, сговорился о плате[351] — дать со своей головы золотой до Кафы; а золотой я взял на пошлину,[352] а отдать его в Кафе.[353]

В Трапезунде же субыши[354] и паша[355] причинили мне много зла:[356] унесли весь мой хлам к себе в город, на гору,[357] да и обыскали все, а искали грамот, так как пришел я из орды Хасан-бека.

Божией милостью доплыл я до третьего моря, до Черного,[358] а по-персидски море Стамбульское.[359] Плыл же морем по ветру 5 дней, и доплыл до Вонады,[360] но тут нас встретил сильный ветер с севера и вернул нас к Трапезунду. И стояли мы в Платане[361] 15 дней из-за сильного и злого ветра. Из Платаны дважды выходили на море, но встречавший нас злой ветер не давал нам идти по морю: боже истинный, боже, покровитель![362] — потому что, кроме того, иного бога не знаем. И море было проплыл, да занесло нас к Балаклаве,[363] а оттуда к Гурзуфу,[364] и стояли здесь 5 дней.

Божиею милостью, приплыл в Кафу, за 9 дней до Филиппова заговенья. Боже, творец! Прошел я, милостию божией, три моря. Остальное бог знает, бог покровитель ведает.[365] Во имя бога милосердного и милостивого.[366] Бог велик! Боже благий, господи благий, Иисус дух божий![367] Мир тебе! Бог велик; нет бога кроме Аллаха, творца. Слава богу, хвала богу! Во имя бога, милосердного и милостивого! Он есть бог, которому другого подобного нет, ведающий все тайное и явное; он милосерден и милостив; он бог, которому нет другого

подобного; он царь, свет, мир, спаситель, попечитель, славен, могущ, велик, творец, зиждитель, изобразитель. Он разрешитель грехов, он и каратель; дарующий, питающий, прекращающий всякие затруднения; знающий, принимающий наши души; распростерший небо и землю, все сохраняющий; всевышний, возвышающий, низвергающий, все слышащий, везде видящий. Он судья правый, благий.[368]



ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

„Хожение за три моря“ — богатейшее по содержанию и исключительно ценное как памятник литературы и языка описание путешествия в Индию в 1466—1472 гг. тверитина Афанасия Никитина — представляет значительный интерес.

Афанасий Никитин — это знамение времени. Его большой интерес к странам Востока рожден тем ярким оживлением, какое мы наблюдаем в Восточной Европе и, конечно, на Руси с конца XV в. Окрепшая экономически, Русь стала играть в европейских делах заметную роль. Интересы русских людей значительно расширились. Появилось новое поколение людей, энергичных и предприимчивых в области дипломатии, политики внутренней, экономики. Афанасий Никитин — один из примеров деловитости и широкой предприимчивости. Он не боится пространства. Его тянет „за три моря“, в страны, еще почти в Европе не известные. Он горит желанием послужить своей родной земле.

Деловитый рассказ наблюдательного тверского купца, полный реалий своеобразного восточного быта, насквозь пронизан чувством горячей любви к родине, которую автор — один из передовых людей своего времени, чье поведение направлялось ясно осознанной идеей общерусского объединения, — мыслит не только как свою родную Тверь, но как всю „Русскую землю“, ни с чем для него не сравнимую: „на этом свете нет страны, подобной ей“. Это чувство родины, сопровождающее Афанасия Никитина на всем его пути, определяющее его отношение к иноземному быту, выделяет рассказ

русского путешественника из довольно однообразных путевых записок его современников, из Западной Европы направлявшихся на Восток в поисках личной выгоды. Тверской купец первым из русских проник в Индию в поисках „на Русскую землю товару“, проявляя живейший интерес к возможности расширить политические и экономические связи Русского государства.

Открытое в рукописи XVI в. Н. М. Карамзиным, „Хожение за три моря“ издавалось несколько раз то по одному, то по другому рукописному тексту XVI—XVII вв. Однако эти издания не дают настоящего представления о судьбе памятника в русской письменности. Предпринятое нами издание ставит своей задачей познакомить читателей с двумя разновидностями „Хожения“, которые характеризуют два этапа его жизни: с полным текстом, сохранившимся в списках XVI в., и с сокращенным текстом по списку XVII в.

Ввиду трудности языка „Хожения“, для читателя — не-специалиста к изданию приложен перевод полной редакции „Хожения“ на современный язык. Здесь читатель найдет и перевод тех эпизодов, которые Афанасием Никитиным даны на тюркском языке с примесью арабских и персидских выражений. В особом примечании (368) высказаны соображения о языке этих эпизодов.

Восточные реалии „Хожения за три моря“ давно уже привлекли к себе внимание исследователей. Однако комментарий к ним, данный И. И. Срезневским (1857 г.) и И. Минаевым (1882 г.), хотя и не утратил в некоторой части ценности, нуждается в серьезном пересмотре на основе вновь открытых источников и новейших исследований. Предлагаемый в нашем издании комментарий основан преимущественно на персидских первоисточниках (географических и исторических сочинениях Хамдаллаха Казвини, Хафиз-и Абру, Абд-ар-реззака Самарканди, Муин-ад-дина Исфизари, Мирхонда и др.), в меньшей степени на арабских географических трудах (Якута, Ибн Батуты и др.) и на записках современных Афанасию Никитину западных путешественников (Барбаро, Контарини и др.).

Чрезвычайно богатое содержание сжатого и немногословного рассказа Афанасия Никитина раскрывается в комментарии пояснениями по поводу упоминаемых в нем исторических событий и лиц, сведениями о современной нашему путешественнику политической, экономической и культурной жизни стран и городов, где ему довелось побывать, толкованиями политических, социальных и технических терминов.

Продолжением комментария являются приложенные к изданию географические карты. На них показан сложный и трудный путь, каким Афанасий Никитин углублялся на Восток и каким он возвращался на родину; представлено политическое деление стран Передней Азии и Индии, где наш путешественник был свидетелем непрекращавшихся военных столкновений. Схематическая карта „Путь Афанасия Никитина за три моря“ содержит лишь те географические названия и в той транскрипции, которая имеется в сохранившихся списках „Хожения“. На схематических картах государств Переднего Востока и Индии географические названия приведены в тех формах, в каких они были известны в ту эпоху на Востоке; более принятые в русской литературе формы указаны в скобках. Соответствия приведенных форм названий с теми формами, которые имеются у Афанасия Никитина, даны в „Историческом и географическом комментарии“.

В двух статьях, сопровождающих издание текста, мы знакомим читателей с той исторической обстановкой, в какой сложился автор „Хожения“ — тверитин, поднявшийся до высокого сознания интересов всей „Русской земли“, и с теми литературными традициями, на которых воспиталось его литературное мастерство, и даем характеристику своеобразия его авторского облика.

Издание текста „Хожения за три моря“ по такому широкому плану было задумано еще в 1940 г. коллективом Ленинградского отделения Института истории АН СССР, но работа была прервана войной и эвакуацией. В основу настоящего издания лег частично приготовленный в те годы материал.

РОДИНА АФАНАСИЯ НИКИТИНА — ТВЕРЬ XIII—XV вв.

(ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

I

Путевые записки „т в е р и т и н а“ Афанасия Никитина сохранились в составе м о с к о в с к и х летописных сводов XVI в. Нет никакого сомнения, что и для своего времени это был замечательный литературный памятник. Потому-то и попали на страницы летописей записки Никитина — первое и лучшее в европейской литературе описание Индии, составленное очевидцем.

Рукопись Афанасия была доставлена московскому дьяку Мамыреву, по всей вероятности, кем-либо из москвичей, спутников Афанасия при его возвращении на родину и свидетелей его смерти: будь то земляк Афанасия, тверич, и рукопись попала бы не в Москву, а в Тверь, где тоже велось свое летописание и культивировался свой местный патриотизм. Но не исключена возможность, что записки Никитина доставлены были Мамыреву и из Твери — только не сразу, кружным путем. Вероятность такого предположения основывается на том, что последовавшее в 1486 г. присоединение Тверского великого княжества к Московскому не совершилось бы так быстро и без борьбы, если бы не имело сторонников (и не готовилось бы исподволь) и внутри самого правительственного, политического и церковного аппарата и общества в Твери.

Но каким бы путем ни пришли в Москву записки Никитина, заслуживает безусловно доверия указание летописи, что Афа-

насий был именно „тверитин“: при совершенно естественной, оправдываемой фактами склонности историков приписывать „московской руке“ свободное обращение с целыми памятниками — и следами в них — местных, не московских литератур, — тверское происхождение Никитина дòлжно считать тем более несомненным. Однако это и единственное (если не считать факта его кончины в пути) обстоятельство, известное нам об Афанасии, за исключением того, чтò он сам о себе сообщил в своих записках за годы своих странствий на Восток. Биография этого тверского купца и тверского писателя-путешественника, таким образом, невозможна. Возможна лишь характеристика его на основании текста его собственных записок.

Но остается все же вопрос: как возможно было появление именно на тверской почве и появление именно купца, оказавшегося достойным войти в историю мировой человеческой культуры XV в.? Ответ на этот вопрос остается искать — при полном отсутствии личных биографических данных — в исторической характеристике Тверского великого княжества, родины этого замечательного своего сына.

II

Тверское великое княжество выделилось в составе так называемой северо-восточной Руси, Суздальской земли, когда она уже стала „улусом“ золотоордынского „царя“, — при Ярославе Всеволодовиче, первом великом князе Владимирском, вынужденном искать утверждения в Орде, „старейшине в русском языце“. По „уряжению“ Ярослава, „Тверь“ после его смерти (1246 г.) закреплена была за пятым его сыном, тоже Ярославом, при котором оформилась и в церковном отношении как епископия. Отчиной семи поколений потомков этого Ярослава (Ярославича) просуществовало Тверское великое княжество 240 лет — до 1486 г., когда состоялось почти бескровное его включение в состав Московского централизованного государства при Иване III.

После смерти своего знаменитого брата, великого князя Александра Ярославича Невского, бывшего одновременно новгородским и великим владимирским князем, в 1263 г. Ярослав Ярославич был приглашен на стол в Новгород, а затем, не без помощи новгородцев, получил и Владимирский великокняжеский стол. И перед тверским феодальным мирком, — на восемь лет, до самой смерти Ярослава в 1271 г., вовлеченным в общерусские дела, — открылись новые перспективы и возможности.

В 80—90-х годах XIII в., в обстановке ожесточенной борьбы за Владимирское великое княжение между Димитрием и Андреем Александровичами, сыновьями Невского, и наводок на Суздальщину татарских вооруженных сил, тверские бояре, во главе с князем Михаилом Ярославичем, выступают самостоятельной и смелой организующей силой, с которой не могли справиться ни Литва (в налете на Тверь в 1285 г.), ни великий князь, когда „не восхоте Михаил Тверскый поклонитися великому князю Димитрию и нача полки наряжати" (т. е. готовиться к вооруженному отпору), ни Дуденева татарская рать, прошедшая с князем Андреем грабежом и разбоем по всей Суздальщине и четырнадцати ее городам и не решившаяся итти на Тверь, заслышав о подготовляемом там сопротивлении (в 1294 г.).

У тверского епископа ищут посредничества Димитрий с Андреем, и в Твери же рождается после Дуденева погрома идея организации союза самообороны против „татарина" с участием Новгорода, которому взамен того Михаил Ярославич обещал помощь против любого агрессора (договор 1295—1300 г.).

За этими контурами тверской редакции общерусской политической программы борьбы на два — западный и восточный — фронта стояли прилив населения, спасавшегося от татар бегством на территорию Тверского княжества, и, вероятно, некоторая переоценка признаков внутренней дезорганизации в Золотой Орде.

Во всем этом и была сила тверского кандидата на стол Владимирского великого княжения, освободившийся за смертью Андрея в 1304 г.: недаром на сторону Михаила Ярославича тогда стали общерусский митрополит (Максим) и столичное владимирское великокняжеское боярство, а в Орде Михаил побил московского родича (Юрия Даниловича) рублем — при выжидательной позиции Новгорода. По тверской терминологии, Михаил оказывался теперь „честным самодержцем русского настолования"; в глазах константинопольского патриарха он был первым „великим князем всея Руси". На смену умершему в 1304 г. митрополиту-греку Максиму великим князем Михаилом был выставлен свой, северорусский кандидат в митрополиты, а поставленный вместо него из Константинополя южноросс Петр, тотчас же признанный Ордой, несмотря на это последнее обстоятельство, подвергся со стороны тверичей, во главе с епископом Андреем, атаке на почве церковных взглядов, направленной к его низложению. Столь же крутой нажим на Новгород, в виде посылки туда тверских наместников тверскими боярами (еще до утверждения Михаила в великокняжеском звании в Орде), в дальнейшем сделал Новгород ареной и предметом ожесточенной борьбы Михаила с московским Юрием, сопровождавшейся со стороны Михаила всяческими „насилиями" и контрибуциями (до 12 000 руб. серебра).

Во всем этом сказывался разгон, взятый тверскими феодалами еще в 80-х годах XIII в. с учетом перспективы все большего и большего политического распада Орды. Потому-то реставрация ее организационного единства и силы, предпринятая ханом Узбеком (с 1312 г.), властно вмешавшимся в московско-тверскую борьбу на стороне Москвы (1318 г.), не сразу смирила расходившуюся тверскую силу, и Узбеку пришлось настороженно выбирать способы привести к покорности весь русский „улус". Михаил Ярославич (замученный в Орде в 1318 г.), уже „сступившись" Юрию „великого княжения", пошел на ханский суд не раньше, чем разбил

порознь наступавшие на Тверь новгородские и московские силы, пренебрегая присутствием при них ханского посла.

Сыновья Михаила — Димитрий и Александр, вынужденные было в первую минуту растерянности сдать Юрию, как великому князю, „выходное серебро“ для доставки в Орду, — организовали затем форменную облаву на него, чтобы вернуть свои 2000 этого „серебра“ и спасти тем суверенитет Тверского великого княжества, а затем и выбить московского князя из Владимирского великого княжения безвозвратно (Димитрий сыграл в Орде на задержке Юрием доставки туда злополучного „серебра“, получил ярлык на великое княжение Владимирское и убил Юрия в Орде „без царева слова“, сам идя на верную гибель за эту самоуправную „месть за кровь отчу“ в 1325 г.).

Передача вслед за тем великокняжеского ярлыка не московскому Ивану Калите, а тверскому Александру, с посылкой, однако же, в Тверь Шевкалова карательного отряда, была со стороны хана Узбека провокационным актом, рассчитанным не только на всенародное унижение князя (с изгнанием его из тверского дворца и фактической отменой его юрисдикции), а и на то, чтобы насилиями вызвать взрыв народного восстания в зараженной тверским „высокоумием“ столице, а затем обрушиться ураганным погромом на всю территорию строптивого тверского княжества, замешав в это дело на этот раз своего московского избранника Калиту (в 1327 г., так называемая „Федорчукова рать“).

Участвовал или не участвовал сам князь Александр Михайлович в избиении шевкаловых татар, он и в эмиграции (на Псковском княжеском столе) не выпал из поля зрения русских летописцев и политиков и, сев во Пскове „из литовской руки“, сохранил политическую активность и связал свое имя с выдвижением крупных местных проблем. Его попытка возвращения в Тверь (в 1337 г.) имела в виду не возвращение на покой, а восстановление себя на Тверском великом княжении на основе соглашения с Ордой и митрополией, минуя Калиту, и не могла

быть понята иначе, как глубокое обходное движение в тыл московской гегемонии. Это и сгубило Александра, едва только он вновь сел на тверском столе: по каким-то наветам Калиты он был вызван (по выражению летописи „не яростно, но тихостью") в Орду и там обезглавлен (в 1338 г.).

Летописное сказание об этом третьем убийстве тверских великих князей в Орде одного за другим осмыслило его как эпилог описанной первой, отмеченной еще Марксом,[1] попытки тверских феодалов взять на себя объединение русских сил для национальной обороны от татар: Александр принял „таку кончину", по словам летописи, „за род христианеск". Практически эта попытка была ликвидирована, а Тверское княжество в целом было поставлено на колени еще в 1327 г. Но память об этой попытке и ее жертвах не осталась мертвым грузом и на следующем этапе истории Тверского княжества, когда его политики вынуждены были замкнуться в узких пределах своей территории.

Некоторые черты этой последней существенно отметить теперь же, прежде чем перейти к дальнейшему ходу событий.

III

Тверское великое княжество протянулось по линии верхнего Волжского плеса от г. Ржевы на западе до г. Кашина (на реке Кашинке, километрах в десяти выше впадения ее в Волгу) на востоке, с ничтожным еще прирезком вниз по Волге, — полосой в ширину от 120 до 30 км. Имея более 100 км порубежной линии на западе с Литвой (и Смоленским княжеством), Тверское княжество всем своим протяжением на левом берегу Волги прилегало к Новгородской земле,

---

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the Eighteenth Century. London, 1899, гл. 9.

на правом — почти целиком к Московскому княжеству или княжествам, чем дальше, тем больше входившим в политическую зависимость от Москвы.

По условиям почвы и размерам распахиваемой площади (в 1548 г., в пору хозяйственного подъема, по Тверскому уезду, т. е. более чем по половине старой территории княжества, числилось приблизительно 70 000 десятин озими и яри, вместе взятых, при 40—50 000 едоков) едва ли Тверская земля могла играть значительную роль в снабжении своим собственным хлебом Новгородской республики-потребительницы. Зато транзитное значение Твери для этой последней было огромно и решающе: новгородские Торжок и Бежецкий Верх, соединенные речными путями с Тверью в устье Тверцы и с Кашиным при устье Кашинки, были, по тогдашнему выражению, „воротами“, через которые шла вся торговля Новгорода с „Низом“, с Суздальщиной в широком смысле слова. В перипетиях внутреннеполитической истории Тверского княжества это двухворотное сообщение с Новгородом время от времени давало себя знать в попытках кашинских удельных членов тверской династии к обособлению, а крайнее восточное положение Кашина ставило его либо под удары извне, либо перед соблазном опереться на московскую или татарскую силу в борьбе с требовательным и ревнивым тверским великокняжеским центром, в конечном счете всегда, однако, справлявшимся с кашинскими осложнениями.

Не менее легко уязвима была географически и западная крайняя точка Волжской артерии княжества — г. Опоки, выстроенный в самом виду Ржевы, которая находилась в обладании преимущественно Литвы или то Москвы, то Твери, то в совместном их владении. Но уроки первых же налетов на Тверское княжество с литовской стороны во второй половине XIII в., тогда уже требовавших сложения с тверскими ряда других соседних сил, равно как и экономические связи с западными и южными русскими городами, втянутыми в орбиту

Литвы (вплоть до Киева), — скоро создали мирную установку тверской дипломатии в отношениях с западным соседом. Памятником невидимых для историка порубежных осложнений, заездов и перекоров и возможных дипломатических волчьих ям, раскиданных на этой западной границе, может служить решение, принятое, наконец (в 1427 г.), литовской и тверской сторонами, — ликвидировать все пограничные проблемы признанием раз навсегда причудливой „старины" в виде „порубежных мест", административно „тянущих" к одной стороне, а „подать дающих" другой, — очевидно, в полном бессилии распутать всю эту веками стихийно нараставшую феодальную путаницу.

Не видим за все вековое существование Тверского княжества изменения его границ и по левобережной и правобережной линиям. Открытые для вражеских вторжений эти границы остаются недвижимы, а со стороны Новгорода и зафиксированы постоянно подтверждаемыми в договорах „старыми" грамотами Ярослава Ярославича. Только в последние часы Тверского княжества, накануне поглощения Москвой, с „Низу" (с московской стороны) идет на них натиск в виде неправедных решений землевладельческих порубежных споров в ущерб тверским боярам и „боярчонкам".

Таким образом, территория Тверского княжества обнаруживает необычайную устойчивость, а феодальные ее владельцы — необыкновенный консерватизм: за два с половиной столетия не видим ни одной попытки политического расширения тверской отчины Ярославичей. А приумножение землевладельческого фонда, если оно и было, шло не иначе, как за счет „внутренней колонизации" и политически необеспеченных и юридически прекарных (как выразились бы позднее на московском языке XVI—XVII вв., — „воровских"), но тем не менее жадных захватов и покупок сел на новгородской территории.

IV

Описанное географическое положение Тверского великого княжества являлось источником одновременно и силы и слабости его как политического организма эпохи феодальной раздробленности.

Характерно, что в исторических документах „тверской гость“, т. е. купец, ведущий торговые операции вне пределов своей оседлости и гражданства, является (в первой половине XII в.) раньше, чем самый город Тверь в летописях (в начале XIII в.). Наряду с гостями, в летописных текстах фигурируют в Твери, подобно новгородским „житьим“, „житейские“ люди и мужи, а в Кашине на совещаниях великокняжеского наместника „земские тысящники“ поминаются даже прежде „бояр“. О широте торговых горизонтов „богатой“ Твери свидетельствуют такие факты XV в., как проникновение тверитина Афанасия Никитина в Индию или прибытие в Тверь торгового посольства с роскошными тканями из „Шаврукова царства“ (столица Герат). На фоне подобных фактов (к которым, по характеру наших древних источников, неприменим статистический метод, а мелькание их очень симптоматично) „гостие мнози от стран“, оказавшиеся в Твери в момент смерти великого князя Михаила Александровича в 1399 г., представляются не просто реторическим украшением летописного рассказа, а реальной чертой деловой жизни города, который еще и в XVI в. производил на иностранцев впечатление второй Москвы. Неудивительно, что именно Тверь при случае оказывалась центром притяжения для политических оппозиционеров из среды московских торговых воротил (сурожан и суконников), вроде Некомата сурожанина, добывавшего для Твери в Орде ярлык на великое княжение Владимирское в 1375 г., или тех суконников, которые „вскоромолили“ на Василия II и „вышли“ с Москвы в Тверь — в первые годы московской междукняжеской смуты второй четверти XV в. Недаром и кредитоспособность тверского великого князя рас-

ценивалась на золотоордынской ростовщической бирже в 70-х годах XIV в. в масштабах бо́льших, чем обычные тогда цифры военных контрибуций и золотоордынских „выходов" (5—7—8 тысяч рублей): сын тверского великого князя Михаила Александровича (Иван) в хлопотах о великокняжеском ярлыке для своего отца назанимал тогда тут же в Орде 10 000 рублей (ср. известный предел великокняжеского кредита в Константинополе во второй половине XIV в. — 20 000 рублей).

Напористость торговой экспансии тверских феодалов получила четкое отображение в знаменитых новгородских договорных грамотах (особенно первой половины XIV в.), которые обычно трактуются в русской исторической литературе как конституционные хартии Новгородской республики, ограничивающие власть князя вообще, а по существу и по своему происхождению являются памятниками именно тверской политики, задолго до Ивана III предвосхитившей его тактику — покушениями на неприкосновенность „немецкого двора" в Новгороде и на „переимы" у себя в Твери всяческих „гостей", с которыми Новгород привык и претендовал торговать непосредственно, „своими людьми", т. е. через новгородцев же. Именно со стороны Твери, если бы она стала во главе северо-восточной Руси, грозила величайшая опасность Новгороду и его торговле как с Западом („немцами"), так и с Суздальщиной, а через нее и с далеким Востоком.

Приглашая к себе на стол, впервые из Твери, Ярослава Ярославича (в 1263 г.) в расчете, что́ он же возглавит и Суздальщину и обеспечит новгородской торговле единый „мытный" тариф по Тверской и по „всей Суждальской земли", новгородские правители только эту торгово-охранительную статью и вставили в свой первый конституционный договор с тверским князем. Но на деле очень скоро у Ярослава Ярославича из-под маски общерусского Владимирского выглянуло лицо Тверского великого князя, прямого привратника-мытника суздальской торговли Новгорода и патриота коммерческой Твери. И в новый, второй договор с ним новгородцы, помимо

прежней статьи, включили обязательства: 1) „в немецком дворе тобе торговати нашею братьею, а двора не затворяти и приставов не приставливати“ и 2) „гости нашему гостити по Суждальской земли без рубежа, по цареве [т. е. ханской] грамоте“. Новый договор предложен был новгородцами Ярославу в решительной форме (в случае отказа целовать крест — „поиди прочь, не хотим тебе“), и тверской князь вынужден был прислать на вече послов своих „с поклоном“ и был „водим к кресту“, целовал крест, потому что против него у Новгорода оказалась „царева грамота“ (Менгу Темера), запрещавшая политику торговой исключительности и предпочтений.

Тверь, как видим, при первом же случае покусилась стать не только узловым руководящим центром восточнорусской торговли, но и монополистом западной, и Ярослав, одновременно с ударами по новгородскому „немецкому двору“, начал было „выводить“ (тоже подобно позднейшим московским государям Ивану III и Ивану IV) иностранных резидентов из Новгорода в Тверь (что вызвало протесты в Риге и было пресечено тоже „царевой грамотой“). Новгородско-тверские договорные грамоты XIII—XIV вв. и являются памятниками борьбы с этой опасностью экономического (и затем уже политического) удушения новгородской буржуазии тверским соседом — борьбы, повелительно требовавшей создания противовеса Тверскому великому княжеству в его тылу, в лице пусть хотя бы Москвы.

В следующий раз Новгород и не повторил, как мы видели, опыта с приглашением к себе тверского князя, когда возникла великокняжеская кандидатура Михаила Ярославича (1304 г.), и дал отпор тверской попытке водворить в Новгороде тверских наместников до решения судеб великокняжеского Владимирского стола в Орде. А вынужденный (после длительных переговоров и подробнейшей регламентации условий) подчиниться ее решению в пользу Михаила (в 1307 г.) и испытав раз (в 1312 г.) всю прелесть закрытия хлебного подвоза с „Низа“

по тверскому рубежу, — Новгород, совместно с Юрием Московским, при первой же возможности вступил с Михаилом в борьбу и, не останавливаясь перед неудачами и поражениями, довел ее до низвержения Михаила с новгородского, а затем и владимирского столов. На десятилетие этой борьбы с переменным успехом (1307—1317 гг.) падает семь новгородско-тверских договоров.

Но, разумеется, меньше всего заинтересован был Новгород в уничтожении или раздроблении своего тверского соседа, буферное значение которого в отношениях Новгорода с усиливающимся в дальнейшем московским „Низом" трудно было переоценить. Показательно в этом смысле, что в последующее время (после отказа новгородцев принять бежавшего из Твери от татарской грозы в 1327 г. Александра Михайловича) мы не знаем ни одного отъезда тверских удельных князей, — при их семейных столкновениях с тверским великим князем, — в Новгород. Едут они не в Новгород, а в Москву или в Литву, хотя Новгород и славился своим гостеприимством, давая приют и находя дело всяческим князьям-эмигрантам. Не мелкие феодальные князьки, а великий князь тверской, охранитель мира, постоянного тарифа и „чистоты" „пути" „без пакости" по продольным и поперечным направлениям тверского района, достаточно сильный, чтобы не допустить здесь исключительного господства московского великого князя, — становился теперь для Новгорода прямой необходимостью.

Сохранение целости и политической дееспособности Тверского великого княжества должно было войти и в программу великого княжества Литовского, по мере того как в XIV—XV вв. оно (при Ольгерде и его преемниках) превращалось в Литовско-Русское государство со своими широкими задачами борьбы на западном (немецком) и восточном (татарском) фронтах и вступило в состязание с Москвой из-за обладания, в конечном счете, всей восточноевропейской равниной.

Все это создавало благоприятную внешнюю обстановку для возрождения в Твери традиции борьбы за обладание властью над всей северо-восточной Русью и, в первую очередь, направило усилия тверских политиков на борьбу за внутреннюю консолидацию своего княжества под властью сильного местного великого князя, за упрочение исходной местной базы для возобновления оборвавшейся, под ударами из Орды, широкой общерусской политики.

V

Сорокалетнее великокняжение на Твери братьев Михайловичей (Константина, 1327—1346 гг., и Василия,[4] 1346—1367 гг.) после разгрома 1327 г. шедших полностью в русле Москвы и использовавших „тишину“, водворившуюся в Руси на сорок лет с приходом Ивана Калиты, для восстановления нормальной хозяйственной жизни Тверского княжества; бурное тридцатилетие великокняжения Михаила Александровича (сына замученного Александра), восставшего против московского „посягания“ и развернувшего борьбу за великое княжение „всея Руси“ (1368—1399 гг.); властное великокняжение на Твери его сына Ивана (1400—1425 гг., современника московского Василия I), выступавшего преимущественно совместно и на равных началах с Василием; наконец, фактически единодержавные правления Бориса Александровича (1425—1461 гг.) и Михаила Борисовича (1461—1485 гг.) донесли в полной целости и сохранности Тверское великое княжество до самого момента присоединения его к Москве. А накануне присоединения Иван III формально гарантировал Михаилу рубежи Тверского княжества в том именно виде, как они были при всех его предшественниках, в глубь веков, до самого Михаила Ярославича старого.

За эти полтора столетия Тверское княжество не только избежало последствий отчинного распада и удельного дробле-

ния, но к концу почти целиком изжило и самое удельное владение, от которого в эту пору (XV в.) трясла лихорадка Московское государство Ивана III. Дорогобужская отчина Константиновичей, треснувшая пополам в середине XIV в., послужившая предметом упорной борьбы между великим князем Михаилом Александровичем и дорогобужским вотчичем со вмешательством Москвы, — в 70-х годах XIV в. одной половиной вошла в великокняжескую тверскую территорию, а другая ее половина постепенно сошла на положение вотчины князей „служебных" (при великом князе тверском). Холмско-Микулинская отчина Александровичей, в своей микулинской части послужившая опорой для овладения тверским столом Михаилу Александровичу, — этой частью влилась в состав великокняжеской территории. Холмская же ее половина, весьма нашумевшая и сильно пострадавшая в борьбе Всеволода Александровича за тверской стол с дядей Василием в 40-х годах XIV в., в следующем поколении была „приказана" тверскому князю, а вотчичи ее тоже перешли на положение „служебных" князей, усвоив фамилию Холмских. Даже Кашинская отчина Васильевичей, — самой природой предрасположенная если не к полному отделению, то к притязаниям на особо привилегированное положение в составе тверской феодальной системы, — и та, проделав два тура борьбы с тверским сюзереном, кончила слиянием с тверской великокняжеской территорией (1425 г.): в первом туре (1363—1382 гг.) такое слияние произошло за ее выморочностью, а во втором туре (1400—1425 гг.), когда она стала уделом (тоже Василия) в семье Михаила Александровича, слияние произошло посредством простого „поимания" этого беспокойного Василия по возвращении из Орды, куда он укрылся после неудачной наводки татар для овладения уже раньше отнятым от него Кашиным.

Во всей этой борьбе не разлагались, а крепли тверская великокняжеская власть и политическая компактность Тверского княжества. Дружное „одиначество" вокруг идеи общей отчины

в семье старого Михаила Ярославича нашло свое выражение в таких своеобразных формах, как выдача жалованных грамот от лица всей группы тверских князей-родичей или как кресто-целование боярства умирающего великого князя на имя всей остающейся семьи. В процессе этой борьбы за единство территориальной базы широкой общерусской политики это „одиначество" перерастало (как и в Москве) в форму властного господства великого князя над родичами, сводимыми на положение „младшей братии", „служебных князей" (Холмские, Микулинские, Чернятинские, Зубцовские, Телятевские и т. п.) — землевладельцев-вотчинников.

В основании всей этой иерархической феодальной надстройки, — осколки которой перешли в московский XVI век в окружении своих феодальных слуг-землевладельцев, остававшихся вне непосредственной поместной службы государю московскому, — лежало мелкое и топографически чрезвычайно разбросанное хозяйство крестьян, „сирот" и половников, ютившихся в деревушках в два-три двора новгородского типа, хозяйство, преимущественно построенное на выискивании все новых и новых пашенных клочков среди болот и лесов. В первой половине XVI в. на территории Тверского уезда (около половины б. Тверского княжества) числилось около 4000 таких деревень (т. е. до 10 000 дворов) вокруг 287 сел и селец, феодальных усадеб (из них за светскими владельцами 200, а деревень за светскими — 2500). Для городов Твери и Кашина располагаем только цифрами первой половины XVII в. — 907 дворов в Твери и 306 дворов в Кашине.

Сквозь призму этих, хотя и позднейших цифр легче все же представить себе, пусть приблизительно, масштабы той собственно тверской базы, на которой возродились великодержавные традиции тверского общества во второй половине XIV в. — в политике тверского великого князя Михаила Александровича, стяжавшего себе этим огромную популярность и широкую известность далеко за пределами тогдашней Руси. Острая активизация тверской политики, вторичный ее срыв

и последующие зигзаги в новой исторической обстановке еще раз показали, что географическое положение этой базы было источником скорее слабости, чем силы Тверского великого княжества. В поддержании политического равновесия на всей восточноевропейской территории небольшое, но плотное Тверское государство, ведшее упорную борьбу за свою внутреннюю целость, питавшееся от основного потока восточноевропейской торговли на стыке трех политико-экономических систем — Новгородской, Московской и Литовской — и не уничтожимое в монгольский период без санкции Золотой Орды, могло играть до поры до времени роль естественного центра этого равновесия. Но подобная роль практически плохо вязалась с исторически очередной национальной задачей: 1) освобождения от татарского ига „великого и многочисленного народа", каким представлялся в середине XIV в. русский народ даже из константинопольского далека, и 2) образования для этой цели централизованного государства в первую очередь на той национальной основе, какая имелась в самом примученном Ордой „русском улусе". А задача эта уже была поставлена, и решение ее было взято на себя Москвой.

Для Михаила Александровича Тверского было, поистине, фатальным, что он выступил на широкую арену борьбы как раз в тот момент, когда московская митрополия (в лице Алексея) со всею решительностью практически выдвинула программу „приведения к единству" „мирской власти" на территории, подведомственной этой митрополии, — даже больше того: в момент, когда сам же он и стал объектом этой московской политики. Притом и момент этот был выбран не им. Открытая вооруженная борьба Михаила с Димитрием Донским падает на 1367—1375 гг. Она кончилась разгромом тверской стороны соединенными силами почти всех северо-восточных и некоторых западнорусских княжеств и Новгорода под водительством московского великого князя. Она формально начата была этим последним — вмешательством во внутренние дела тверских феодалов и нападением на Михаила. А далее уже

логика борьбы запутала тверского князя в противоречиях окружающей сложной обстановки, овладеть которой по-настоящему ему так и не удалось.

VI

Уже давно семья замученного тверского князя Александра Михайловича была в Москве (в частности, у митрополита Алексея) на примете как опасное для Москвы гнездо, тесно связанное с Литвой: дочь Александра, Ульяна, была замужем за Ольгердом, старший сын Всеволод, получивший было ярлык на Тверской стол и отступившийся от него под давлением москвофила-епископа в пользу дяди Василия (1347 г.), решительно не мирился со своим положением и ушел в Литву, а вернулся оттуда (в 1359 г., как только за смертью московского Ивана Ивановича великокняжеский ярлык достался суздальскому Димитрию) вместе с литовским православным митрополитом Романом, заклятым врагом митрополита Алексея, широко организовал Роману в Твери пышную встречу и добился в вотчину для себя и своих братьев „трети“ тверских доходов от смятого ходом событий Василия. Всеволод умер в моровое поветрие 1364—1365 гг., когда великокняжеский ярлык уже вернулся (в 1362 г.) в руки московской митрополии и боярства на имя Димитрия Донского; но отзвуки этого трехлетнего (1359—1362 гг.) разрыва центральной общерусской власти надвое (церковная — в Москве, светская — в Суздале) были в Твери настолько сильны, что Михаил, с его выдающимися бесспорными личными качествами, оказался на первом плане в Твери — общепризнанным вождем всего тверского феодального общества (за удалением в 1366 г. дяди Василия в Кашин).

Тем временем Москва, работая одновременно и согласованно церковным и светским мечом, перешла в наступление на выбившихся из ее „воли“ князей, а на упорствовавших „нача посягати“. Почуяв грозу, Михаил бросился за поддерж-

кой в Литву, а его столица, в его отсутствие, приняла на себя комбинированный удар обоих мечей: сначала вызов на митрополичий суд тверского епископа, показавшего себя до того сторонником Михаила и утвердившего необычную завещательную передачу половины дорогобужской отчины Константиновичей Михаилу, а затем — карательную экспедицию кашинского Василия во главе московской силы и массовую репрессию, в которой тверские „житейские люди“ тяжко расплатились, очевидно, за поддержку Михаила и в этом „политическом“ по существу дорогобужском деле. Михаил с литовской помощью восстановил свое положение и „докончал“ (помирился) на этом с великим князем Димитрием, но скоро (1368 г.) был „зазван с любовью“ в Москву митрополитом, там был подвергнут суду, церковному запрещению и „изыманию“ (т. е. заключению) вместе со всеми своими боярами. Попросту ликвидировать тверскую верхушку в Москве, однако, „усумнились“ без санкции Орды (татары этой санкции и не дали); но, вслед за освобождением Михаила, в Дорогобужском „градке“ сел московский наместник. „Про то“ Михаил и „начат розмирие имети к Дмитрию“. Но агитация поведена была им „наипаче“ против „изменнической“ политики Алексея („колику любовь и веру имех паче всех к митрополиту сему, и он толико мя посрами и поруга“, — ПСРЛ, VIII, стр. 15; XI, стр. 10).

Так Михаил сразу же попал под колеса той самой машины, которую не удалось создать его деду 60 лет тому назад. Дед (Михаил Ярославич) начинал в союзе с митрополитом (Максимом), хлопотал о собственном тверском кандидате на русскую митрополию после его смерти и проиграл это дело, приняв в штыки поставленного Константинополем митрополита Петра. Это отбросило тогда главу русской церкви в объятия Москвы, и в дальнейшей борьбе с ней тверская династия осталась без поддержки единственного общерусского центра организации и идеологического руководства русским феодальным обществом. Внуку Михаила Ярославича, Михаилу Александровичу, столкнувшемуся теперь с этим церковным центром

лоб в лоб, пришлось на ходу искать новой точки опоры и ставить на голову идеологию своей тверской традиции.

Михаил Александрович не замедлил апеллировать к константинопольскому патриарху, но самое бо́льшее, на что можно было рассчитывать, сводилось бы к вызову митрополита Алексея на патриарший суд для снятия наложенного Алексеем церковного отлучения, о чем и хлопотал Михаил. Об образовании своей, тверской, митрополии на пути непосредственных сношений с Константинополем и речи быть не могло. Практически речь могла итти (как до 1361 г. и было при митрополите Романе) о противопоставлении Алексею особого митрополита в системе Литовско-Русского ольгердова государства, с отрывом тверской епископии от Москвы и включением ее в Литовско-Русскую систему. Этот план и был выдвинут литовским Ольгердом. Но это было бы связано для Твери с конечной утратой политической самостоятельности и переходом в состав Литовского государства на положении вассала и поставило бы Тверь на неопределенное время в экономически парадоксальное положение — при наличии давних связей тверского купечества со всей северо-восточной Русью и через нее с зарубежным далеким юго-востоком. Однако даже в своей зародышевой форме план этот осуществился — в виде временного назначения Киприана на Литовскую митрополию — лишь в декабре 1375 г., когда (еще в августе этого года) Михаил уже исчерпал все свои ресурсы и сложил оружие перед Москвой.

И на военно-политическом театре Михаил также не успел соединить в дружную коалицию те силы, которыми ему удавалось пользоваться лишь по частям. Для Ольгерда литовского все три его похода на Москву (1368, 1371 и 1372 гг.) были диверсией ради свободы рук в его южной и западной политике и способом давления на Москву ради заключения „вечного мира“. Эти походы были разорительны для Московской территории — и только. Когда Михаил добыл в Орде у Мамая ярлык на великое княжение владимирское, его реа-

лизацию он связал с походом Ольгерда на Москву (1371 г.); а на деле вышло, что договор о московско-литовском перемирии, завершивший этот поход, оставлял на решение Орды именно вопрос о великом княжении. Предоставив московскому Димитрию лично повести это дело в Орде (и выиграть-таки его с триумфом), а сам не поехав туда и не дождавшись ханского решения, Михаил собственными силами захватил ряд поволжских городов, а от Новгорода добился всего лишь условного согласия принять его к себе на стол („а вынесут тебе княжение великое из Орды, нам еси князь великий"), однако же с обязательством помогать Новгороду в случае „розмирья" с любой „землею", в том числе и с Литвой. В Орде, между тем, были подавлены щедростью Димитрия, прельщены лойяльностью московского князя и отпустили его „с честью" и великокняжеским ярлыком; на этом фоне отказ Михаила перед тем, при получении такого же ярлыка, от военной помощи Орды мог быть расценен там как акт неучтивой и подозрительной самонадеянности. Проиграв Орду, Михаил опять обратился к помощи Литвы, но ему удалось получить ее на этот раз пока лишь в виде небольших отрядов мелких литовских князей; опираясь на них, рядом диверсий против московских городов и захватом новгородского Торжка Михаил думал удержать в руках Новгород до прихода Ольгерда. Но это была та самая литовская война, в которой по только что заключенному договору Михаил обязывался быть защищающей для Новгорода, а не нападающей стороной. Ответив на оказанное новгородцами сопротивление беспощадным, озверелым разгромом Торжка, Михаил раз навсегда оттолкнул от себя Новгород. Едва закончив это безумное дело, он поспешил на соединение с Ольгердом и через 12 дней принял участие в неудачной для того битве с Димитрием Донским у Любутска (1372 г.), отбившей у Ольгерда охоту к продолжению бесполезного „розмирья" с Москвой. В результате мирное „докончание" Москвы с Литвой, не разорвавшее, однако, крестоцеловальной связи Михаила с Ольгердом, при общем

утомлении обеих русских сторон, кончало пятилетнюю борьбу, казалось, вничью: в руках у Димитрия был выкупленный им в Орде тверской наследник (князь Иван), михаиловы тверские наместники сидели еще в ряде великокняжеских городов, а внимание Москвы было приковано к южному рубежу нараставшим розмирьем с Мамаем. И мирный договор, заключенный теперь Тверью с Москвой (в 1373 г.) на основе размена залогов, возвращал противников в исходное положение, грозившее в любой момент возобновлением борьбы.

Если на этот раз формально подняла борьбу не Москва, то подготовленной к наступлению она оказалась в нужный момент изумительно. В 1375 г. („в великом посту") в Тверь выбежали два крупных московских „изменника" с какими-то „лживыми словесами", побудившими Михаила отправить их спешно в Орду, а самому лично съездить в Литву — очевидно с тем, чтобы сколотить татарско-литовско-тверскую коалицию против Москвы. Летом, 14 июля, ему был доставлен от Мамая ярлык, после чего тотчас же в новгородском Торжке сели тверские наместники, тверская рать двинулась на Углич, а в Москву послано о сложении целования. Но дальнейшие события показали, что Михаил пошел теперь не только против течения, но и против ветра, не учтя сложения сил в нараставшей борьбе русского народа за национальное свое существование, — и попал в настоящую бурю. Уже через каких-нибудь две недели после доставки ханского ярлыка Михаилу, 1 августа в Тверское княжество вошли войска более двадцати („всех", как отмечено в летописном рассказе) русских князей, от нижегородского на востоке до смоленского на западе, причем даже не очень-то оперативным обычно новгородцам на сборы потребовалось всего четыре дня! Война с Михаилом идеологически была поставлена Москвой как превентивная операция в борьбе с Мамаем; город Тверь с Михаилом был наглухо обложен („острогом"), а территория княжества в течение месяца подверглась полному разорению. Михаил сдался на милость победителя, когда прошли уже все сроки, а обещанная Литвой

и татарами помощь так и не пришла. Сохранив только титул, Михаил должен был признать себя „младшим братом“ Димитрия, а Новгород и все великое княжение — „вотчиной“ московских князей, отказаться от своего „целования“ Ольгерду, от самостоятельных сношений с Ордой и от Кашинского удела и обязался выступать в поход по первому слову великого князя. По существу это все делало его „удельным“ князем при „великом“ — Димитрии.

VII

Войди этот договор в жизнь, на том и кончилась бы история Тверского великого княжества. Но ближайшие годы принесли ряд крупных изменений и сдвигов во всей восточноевропейской конъюнктуре, и в новых условиях оно обнаружило способность просуществовать еще целое столетие, не повторяя уже рискованных опытов, а используя и оберегая свою собственную базу в меру ее средств и своих сил.

Смерть митрополита Алексея (1377 г.) на несколько лет открыла период крайнего ослабления московской митрополии; а затем на ней водворился серб Киприан со своими западнорусскими связями и широкой „космополитической“ концепцией задач русской митрополии. Эта концепция сразу же разрядила напряженную атмосферу времени Алексея. Разложение мамаевой Орды, завершившееся Куликовской победой Димитрия Донского, сменилось грозными извержениями на Русь татарской силы Тохтамыша, Тамерлана, Едигея и накоплением этой силы в Казани, чем до поры до времени практически был снят вопрос о вооруженном свержении ига.

Смерть Ольгерда (1377 г.) развязала внутреннюю борьбу в самой Литве, с рядом переходов Ольгердовичей в орбиту Москвы, и ослабила напряженность на западных границах Руси, а время Витовта проходило под знаком сближения Вильны и Москвы в вопросах восточноевропейской политики.

В эту эпоху широких компромиссов и неустойчивого равновесия сил, не готовых на борьбу и слишком связанных своими собственными внутренними отношениями, чтобы доводить до конца какие-либо крупные предприятия во внешней политике, — тверские политики сумели вывести свое государство из тупика и, осторожно лавируя, завершить его внутреннюю консолидацию, восстановить и блюсти его международно-политический вес.

Эта новая ситуация полностью вызволила Тверь в 1382 г.: в то время как Москва была разорена Тохтамышем, тверская территория была избавлена от разгрома удачным дипломатическим демаршем Михаила и стала опять приютом для беженцев (в том числе и для Киприана); под шумок был возвращен и выморочный Кашин. Однако попытка Михаила получить теперь еще и ярлык на великое княжение встретила отпор в самой Орде, и Михаил начисто снимает этот пункт с тверской программы, вступая с московским Василием I в договор равноправного братства и союза против татар, Литвы, немцев и ляхов; заводит крупные родственные связи с московским боярством и с литовско-русскими князьями; поднимает обороноспособность и боевую готовность страны (в частности, вывезенными „из немец" пушками в 1389 г.) и сходит со сцены окруженный — в широких кругах русского феодального общества — доброй славой в духе Владимира Мономаха.

Сын Михаила Иван круто расправляется с последними вспышками удельщины у себя дома и уверенно выдерживает свою линию во внешних отношениях, то выступая совместно с Москвой, то лишая ее своей поддержки, то активно участвуя в борьбе Витовта с немцами; но для тверского князя теперь даже и вопроса не встало о возможности использовать нашествие Едигея (в 1408 г.) для нажима на Москву, и он смело уклонился от предоставления Едигею своих „градобийных сосудов", т. е. пушек, для осады Москвы: такая помощь татарам была общественно-психологически невозможна уже и на тверской почве.

Преемник Ивана, Борис Александрович, начавший свое правление „пойманием“ кашинского князя (и тем окончательно ликвидировавший постоянно больной кашинский вопрос), держится во внутренних отношениях в пределах своей Твери прямым „самодержцем“, „царем-государем“ и первый официально пускает в ход позднейшую московскую формулу: „волен, кого жалую, кого казню“ — применительно к своим „дядем, братьи и племени князем“. Но во внешних делах он проявляет величайшую осторожность. При нем разыгрывается кровавая борьба за власть в Москве между членами московской княжеской династии, и твердой опоры он ищет в союзе с дедом своим Витовтом. Но он тщательно избегает искушений, какие ставит перед ним развитие московских событий. Поддерживая литературно культ Михаила Александровича, сам он не становится на его путь. Предоставляя на своей территории убежище для борющихся в Москве сторон, он определенно отклоняет какие-либо комбинации с изгнанным из Москвы митрополитом Исидором, обратившимся в Тверь первым делом, и берет на себя даже роль представителя православной Руси на Феррарском соборе, где занимает резкую противоуниатскую позицию. В Твери предпринимается работа по изготовлению агитационного материала на тему о русском царе-самодержце, защитнике православия Борисе. Но на деле он не использует нескольких случаев захватить Василия II Московского и самому активно вступить в борьбу за великокняжескую власть в свою пользу. Если и есть его участие в ослеплении Василия, то оно было скрыто в глубокой кулисе. Зато после ослепления он оказывает Василию решительную поддержку всеми своими средствами, делая ставку на договор о будущем браке московского наследника Ивана Васильевича со своей дочерью, и кончает переходом от союза с Казимиром литовским к тесному оборонительному союзу против всех, и Литвы в том числе, с московским великим князем, когда положение того сделалось для этого достаточно прочным. И в придворном тверском летописании затрачено было немало литературных

усилий, чтобы растрогать читателя картиной верной дружбы и союза любви, связавших тверского Бориса с московским Василием.

Таким маневрированием в стиле дипломатии, выросшей в Твери в эпоху восточноевропейских компромиссов и накопления сил, Борис даже и не отсрочил, по существу, конца своего „государства". По смерти отца (в 1461 г.) сын Бориса, Михаил, имел уже дело с иной совсем обстановкой — эпохи крутых решений и больших дел в безостановочной стройке централизованного Московского государства и национальной борьбе на восточноевропейской равнине. И отманеврировать от закономерно приходивших здесь сроков было никак нельзя: с присоединением Новгорода к Москве в 1471—1478 гг. (при участии тверских же сил!) падал всякий политический смысл существования балансирующего буферного тверского княжества в московской государственной национальной системе. Единственная же оставшаяся для Твери альтернатива — включения в систему Литовско-Русского государства — на деле оказалась неосуществимой: она была не по силам для Литвы в эту минуту, да не нашла она сторонников и в тверских общественных кругах, кроме разве самого Михаила, спешно эмигрировавшего в Литву накануне входа московских войск и московского наместника в деревянную Тверскую крепость и деревянный же великокняжеский двор (в 1486 г.).

VIII

Доживи Афанасий Никитин до этого события, едва ли бы он оплакивал судьбу тверской своей „родины". Если судить по его записям, в которых он не помянул о ней ни разу, русские люди его типа обладали (в середине XV в.) более широким политическим горизонтом, в соответствии с крепко, веками сложившимся у них национальным, общерусским мироощущением, — и, обращаясь мыслью к родной Русской земле,

умели выразить его одним единственным словом: „Русь“. А „москвичи“ и „тверичи“, в обществе которых пустился в путь Афанасий, превращались под его же пером в „русаков“, как только являлась ему необходимость отличить тех и других, например, от „тезиков“.

Если по тексту Афанасиева „Хожения“ не прошла московская редакторская рука и именно авторскому замыслу Афанасия принадлежит идея посадить в одно „судно“ ровно-ровнехонько „6 москвичь“ и „6 тверичь“, то в этой литературной симметрии историк волен одинаково видеть — либо отражение действительного обычного и типичного соотношения тверского и московского участия в восточной гостьбе, либо след тверского пристрастия автора к своим землякам, ничем де не уступавшим московской половине „русаческого“ рода. Но последнее означало бы только то, что Афанасий не утратил способности различать, при случае, своих земляков от своих соотечественников — не больше.

Купеческое сознание Афанасия Никитина проявилось в его записках достаточно отчетливо. Если ты ограблен в пути и хочешь вернуться „до Руси“, пишет он, — соображай: „у кого что есть на Руси“, тот возвращайся смело „на Русь“; но если „кой должен“, т. е. вошел дома в долги в расчете на прибыток в дальней гостьбе, — ступай куда хочешь („куды очи понесли“) „работать“, только не возвращайся „на Русь“ с пустыми руками.

Попав именно в это последнее положение, Афанасий, отдав дань слезам („заплакав“), смело двинулся в противоположном своей Руси направлении. Если придавать значение намекам, то можно предположить, что гостьбу свою Афанасий вел в кредит. Не может быть сомнения, что не пространствовать бы ему целые четыре года, если бы собственно „гостиная“ сторона дела отошла у него на задний план или вовсе была неудачной. Это — результат опыта, приобретенного за годы гостьбы по чужбинам („чужим землям“), которую такие, как Афанасий, купцы вели сначала в масштабах только своей

(но „всей“) „Руси“, а потом, оперившись, и по всем издавна наторенным путям международной и транзитной торговли, едва ли когда совсем замиравшей на восточноевропейской равнине, сколько помнит ее писанная история и сколько рассказывают о ее судьбах памятники материальной культуры в истолковании археологии.

Не может быть сомнения и в том, что двигало поведением Афанасия в эти рискованные для самой его жизни годы не только стремление к „прибытку“, а и тот живой интерес к знанию, свидетелем которого в его записках является вздох горького сожаления о пропаже в пути книг; он взял их „с собою с Руси“ и без них он был иной раз, как без рук, в строительстве своего внутреннего быта в чуждой ему обстановке. Это — тоже результат прожитой жизни, которую этот тип людей привык строить „по книгам“

Только из этого „почитания книжного“ и могла родиться у Афанасия мысль, что хождение за три моря — сюжет, достойный записи для потомства. И эта запись, по тогдашним временам, была с его стороны актом совсем бескорыстным, к личному прибытку никакого отношения не имевшим. Тут, можно догадываться, Афанасий осознанно служил Руси, своей подлинной родине, одной и той же и для „москвичей“ и для „тверичей“ этого времени, и в виду имел он тех „русаков“, которые, по его следам и примеру, пустились бы поискать своего торгового счастья в далеких краях.

Б. А. Романов

АФАНАСИЙ НИКИТИН — ПУТЕШЕСТВЕННИК-ПИСАТЕЛЬ

I

„Тетрати“, привезенные в Москву дьяку Мамыреву (по летописным сведениям, в 1475 г.), содержали путевые записки смелого, предприимчивого и наблюдательного купца „тверитина“ Афанасия Никитина. Неизвестно, подвергался ли текст этих записок правке московского книжника, когда включался в летопись, но и в том виде, в каком „Хожение“ сохранилось в рукописной традиции, оно дает полное представление об авторском замысле.

Афанасий Никитин, человек книжный и религиозный, вставил рассказ о своем далеком путешествии в рамку молитвенных обращений, которыми он начал и кончил повествование, тем самым как бы свидетельствуя, что его литературная работа завершена. В Троицком списке текст начинается заменяющим заглавие молитвенным возгласом: „За молитву святых отец наших, господи Исусе Христе сыне божий, помилуй мя, раба своего грешного Афонасья Микитина сына. Се написах грешное свое хожение за три моря“. Из этого начала и было извлечено то название „Хожение за три моря“, которое закрепилось за путевыми записками Никитина в позднейшей традиции.

„Хожение“ или „хождение“ — термин, которым в древнерусском литературном языке обозначалось и самое путешествие, и рассказ об этом путешествии, так же как наименование путешественника — „странник“, „паломник“ — входило и в определение повествования о путешествии: „книга странник“, „книга паломник“.

С начала XII в. в русской литературе все три названия — „хождение“, „книга странник“, „книга паломник“ — были присвоены своеобразному жанру путевых записок, знакомивших читателей с чужими странами. Включив одно из этих названий в заглавие своего труда, Афанасий Никитин в ходе изложения обнаружил основательное знакомство с приемами данного литературного жанра, введя, однако, много нового и в содержание, и в самую манеру описания своих путевых впечатлений.

С начала XII до XV в. большинство русских писателей-путешественников были паломниками, которые описывали религиозные достопримечательности Палестины, Египта, Синая и Константинополя, передавали связанные с ними религиозные легенды, частью заимствуя их из книжных источников, частью повторяя местные устные рассказы, и попутно уделяли некоторое внимание хозяйственному значению осмотренных стран и особенностям чужого быта.

По мере того как выдвигались новые задачи и самих путешествий и их описаний, жанр „хождений“ начал терять свой преимущественно религиозно-легендарный характер. Даже в „хождения“ паломников-писателей проникали исторические эпизоды, прерывавшие описание „святынь“. С XIV в., наряду с паломниками-писателями, появились новые категории путешественников, значительно расширивших содержание своих путевых записок: это были участники официальных посольств в Западную Европу или Константинополь по церковно-административным делам или купцы, связанные с Востоком торговыми сношениями. Тех и других интересовала по преимуществу „мирская“ жизнь: они описывали крепости и торговые порты, дворцы и больницы, мостовые и водопроводы, сады и фонтаны и т. п. Забывая о вероисповедной вражде, обычно сквозившей в рассказах паломников-писателей, эти путешественники нового типа с любопытством наблюдали обряды „латинской“ церкви, а один из них описал даже католическую мистерию благовещения, признав в ней „зрелище пречудно и несказанно“ и не отме-

тив в нем ничего предосудительного с точки зрения своего „православия“ (неизвестный участник русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор 1439 г.).

Популярность в читательской среде литературы путешествий создала и устойчивость самого литературного жанра „хождений“. Литературная традиция, начатая еще в первом десятилетии XII в. старшим русским паломником-писателем игуменом Даниилом, заметно ощущается в течение всего средневековья даже в светских описаниях путешествий, где она, однако, закономерно уступает место и новым приемам изложения. Сохраняя конкретность и деловитость старшего русского „хожденния“, светские путешественники-писатели гораздо смелее используют живую речь, сокращают, а иногда совсем устраняют цитацию литературных памятников, украшавшую легендарными подробностями рассказы паломников. Эту традицию „хождений“ отразил в своем ярко окрашенном авторской индивидуальностью рассказе о путешествии „за три моря“ и Афанасий Никитин, первым из русских побывавший в Индии в 1466—1472 гг.

Внешняя форма путевых записей Никитина говорит о том, что особой литературной обработке материал им не подвергался; часть записей сделана под непосредственным впечатлением окружающего, часть — по воспоминаниям и по рассказам местных жителей. Отсюда происходит некоторая непропорциональность эпизодов, в которых, однако, всегда, независимо от детальности изложения, проявляется стремление наблюдательного рассказчика быть возможно более точным и фактичным, сохранить в своем описании особо примечательные, на взгляд автора, черты чужого быта.

Но начитанный книжник Афанасий Никитин и в таком, не претендующем на литературную изысканность изложении бессознательно отразил привычную манеру древнерусских „хождений“, вслед за которыми он строит свое описание в плане дневника путешествия. Повествовательно-описательная часть записок Никитина слагается из простых предложений, соединяемых однообразными союзами „а“ или „да“ или начинаю-

щихся с повторяемого „есть“ (ср.: „а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а все ходят брюхаты, а детей у них много“; „да оболочать их в доспех булатный, да на них учинены городкы, да в городке по 12 человек в доспесех, да все с пушками да стрелами...“; „есть у них одно место... есть в том алянде и птица гукук... есть хоросанец“ и т. п.). Аналогичная однотипность соединения предложений наблюдается уже в „Хождении“ Даниила XII в.: „И ту есть близ на горе село... и то село есть святых пророк... и ту лежахом ночь... и ту опочивше... и доидохом по здраву... и ту поклонихомся...“; или „есть же святый град Иерусалим... есть церкви воскресения... есть ныне лавица та... есть пещерка та...“ и т. п.

Как и старшие путешественники-писатели, Никитин часто описывает свой путь, давая лишь перечень названий пройденных мест и расстояний между ними: „А от Гурмыза ити морем до Голат 10 дни, а от Калаты до Догу 6 дни, а от Дога до Мошката 6 дни...“ (ср. у Даниила: „От Поталы острова до Калиполя 100 верст, а от Калиполя до Афада града 80 верст, а оттуде до Крита 20 верст...“ — разница лишь в способе определения расстояний: верстами или числом дней пути).

Когда Никитин ограничивается таким перечнем мест, встретившихся на его пути, он изредка прерывает его краткой характеристикой какого-либо отдельного пункта: „а от Чивиля до Дабыля 6 дни; Дабыль же есть пристанище в Гундустани последнее бесерменьству...“ (ср. у Даниила тот же прием: „А от Ефеса до Самы острова верст 40. И в том острове рыбы многы всякы и обилен есть всем островот...“).

Общее определение богатства и изобилия местности Никитин дает словами старших путешественников: „добро, обилно всем“, „земля обилна всем“, „земля обилна велми“ (ср. у Даниила: „обилен есть всем добром“, „обилен есть всем“).

Как и другие светские путешественники XV в., хотя и независимо от них, Никитин, в соответствии со светским содержанием своих записок, гораздо чаще пользуется просторечием

или формами делового языка, чем книжно-литературной, славянизированной речью. Последнюю он использовал в молитвенных обращениях или в лирических эпизодах, предельно ограничив употребление архаичных уже и для XV в. в живом применении форм (прошедшие простые типа „идох, увидех, бых“, формы склонения — „на дорозе, в руце, в доспесех“) и слов в славянской огласовке („нощь, град, тысящь“ и т. п.).

Отдав — сознательно или невольно — дань литературной традиции, Афанасий Никитин создал для передачи своих впечатлений лично ему принадлежащую манеру изложения, свой стиль. В неповторимой индивидуальности этой манеры сказался и своеобразный характер отважного и любознательного путешественника, горячего патриота, искавшего путей в новые страны для пользы „Русской земле“, но тосковавшего в отрыве от родины: пройдя мимо всей роскоши восточных государств, он всему предпочитает свою „Русскую землю“ — „на этом свете нет страны подобной ей!“.

II

Афанасий Никитин ведет свой рассказ — и в повествовательной части „Хожения“ и в диалогах — преимущественно на просторечии, сохраняющем в его стиле образность и интонации живого языка. Ограбленных русских татары „отпустили голими головами за море“, „а тот пошел, куды его очи понесли“, „яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку“, „дале бог ведаеть, что будет“, „а жити в Гундустани, ино вся собина исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человек, ино по полутретья алтына на харчю идеть на день, а вина есми не пивал, ни сыты“ и т. п.

В живой язык „Хожения“ вкрапливаются привычные обороты деловой документальной московской речи: „бил есми челом ему, чтобы ся о мне печаловал“; рассказ о переговорах

Хасан-бека с ширван-шахом и посла ширван-шаха с князем кайтаков по поводу возврата русских пленных и отнятого у них имущества повторяет прямую речь, обычную в московских документах: „что судно ся мое разбило под Тархы и твои люди пришед людей поймали, а товар их пограбили, и ты бы мене деля люди ко мне прислал и товар их собрал... и яз тобе, своему брату, за то не стою...“

Характерную окраску стилю Афанасия Никитина придает обилие местных — персидских, арабских и тюркских — слов и выражений (в русской транскрипции), которыми пересыпано его изложение. Иногда путешественник употребляет местное название предмета, видимо, просто привыкнув к нему, хотя без труда мог бы заменить его русским словом (например „гарип“ — иностранец, „кичирь“ — морковь, „намаз“ — молитва и т. п.). Но иногда целые отрывки текста даются на местном языке. Часто это молитвенные обращения; сохраняя их в восточной форме, Никитин может быть хотел этим подчеркнуть, что индийцы молятся теми же словами, что и русские, и подтвердить свою мысль: „а правую веру бог ведаеть, а праваа вера бога единого знати, имя его призывати на всяком месте чисте чисту“. Один раз Никитин, дав молитву в восточной форме, сам перевел ее привычным церковным языком: „боже осподарю, боже, боже вышний, царю небесный, зде нам судил еси погыбнути“.

Но есть ряд случаев, когда своеобразная цензура собственного рассказа заставила, видимо, Никитина придать изложению недоступную рядовому читателю форму. На восточных языках (тюркском и персидском), например, он передал сведения об осуждаемых им нравственных понятиях черных женщин, охотно идущих на сближение с „гарипами“ — „белыми“ людьми.

Зашифровал Никитин и свой горячий возглас патриота, который на чужбине молится за устроение своей родины и в то же время вспоминает с грустью, что не все в „Русской земле“ благополучно: „на этом свете нет страны подобной

ей, хотя вельможи [бояре] Русской земли несправедливы [не добры]".

Если в словесную форму „Хожения" Афанасий Никитин смело ввел образность и богатство интонаций живого языка, придал изложению местный колорит, расцветив его восточными языковыми эпизодами, то не менее свободно он отошел от литературной традиции, постоянно прерывая лирическими излияниями и размышлениями свое эпическое повествование. Внимание автора к своим душевным переживаниям, вызываемым, главным образом, воспоминаниями о далекой родине, оторванностью от нее, невозможностью соблюдать привычные обряды религиозного быта, — пронизывает все его изложение. Эти лирические эпизоды дают возможность дополнить живыми чертами образ деловитого, энергичного купца-путешественника, который ищет „товаров" „на Русскую землю", изучает попутно быт, нравы, занятия жителей, их религию, природу.

Паломники-писатели, сосредоточенные на описании предметов и местностей, овеянных христианской легендой, выдвигали на первый план учительные задачи своего литературного труда: „дабы не в забытьи было то, еже ми показа бог видети недостойному", „да кто убо, слышав о местех сих святых, поскорбел бы ся душею и мыслию к святым сим местом и равну мзду приимут от бога с теми, иже будуть доходили святых сих мест" (игумен Даниил XII в.). Путевые записи таких путешественников ценились именно описанием „мест сих святых"; чтение такого описания могло заменить самое путешествие и давало читающему „равну мзду от бога" с тем, кто „походи своима ногама" по всем этим примечательным местам. Вполне понятно, что биографический момент в такого рода описаниях занимал самое ограниченное место. Он не выходил обычно из рамок коротких заметок о тех чисто религиозных настроениях, какие испытал путешественник во время своих странствий.

Следует, впрочем, подчеркнуть, что именно старшее русское „хождение" показало и ту черту в облике путешественников,

которая так ярко проявилась у Афанасия Никитина,— их высокий патриотизм, чувство родины, обостряющееся на чужбине. Каждый переживает его по-своему: игумен Даниил ставит „кандило“ за всю Русскую землю, за ее князей и весь русский народ в наиболее почитавшемся христианами месте — у „гроба господня“. Афанасий Никитин шире в проявлениях своего патриотизма: он не просто молится — „Русскую землю бог да сохранит“; он отмечает превосходство своей родины над другими странами — „на этом свете нет страны, подобной ей“; он, наконец, скорбит о непорядках и мечтает об их устранении — „да устроится Русская земля“.

Шире и теснее связаны с ощущением родины и религиозные настроения Никитина. Они не носят у него „космополитического“ характера умиления перед общехристианскими „святынями“ („никто бо можеть не прослезитися, узрев желанную ту землю и места святаа видевше...“ — игумен Даниил). Для Афанасия Никитина религия — прежде всего символ родины. Оторванность свою от Русской земли он ощущает, не имея возможности выполнять привычные религиозные обряды. И эта тема проходит через ряд лирических эпизодов-отступлений в его эпическом рассказе. Отправляясь в путь, Никитин взял с собой „книги“ — среди них, очевидно, были и богослужебные. Эти книги отняли пограбившие путников у Астрахани татары, и вот теперь Афанасий спутал сроки всех праздников: „яз забыл веры крестьянскыя всея и праздников крестьянскых, ни Велика дни ни рожества Христова не ведаю... а промежу есми вер [дальше эпизод на восточном языке] и молю бога, чтобы он хранил меня [следует молитва]“.

„О благовернии русстии крестьяне: иже кто по многим землям много плаваеть, во многия беды впадають и веры ся да лишають крестьянские...“, „ту же много плаках по вере крестьяньской“, „горе мне окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю уже, камо поиду...“, „уже проидоша Великия дни четыре в бесерменской земле, а крестьянства не оставих, — дале бог ведаеть, что будеть...“ Такими

и им подобными сетованиями прерывается не раз повествование Афанасия Никитина. Сетования переходят в молитвы, то в обычной для русского церковно-славянской форме, то на восточных языках. Основной мотив этих молитв: „не отврати, господи, от пути истиннаго, настави мя, господи, на путь правый...“

Никитин пытается соблюдать посты, отмечать свои праздники, сопоставляя их сроки с мусульманскими и брахманскими праздниками. И все же он приходит к выводу, что трудно сохранить свою веру в чужой земле, — а для Никитина перемена веры равнозначна измене родине. Русского купца неоднократно то принуждали, то соблазняли выгодами отречения от христианской веры. В „Чюнере“ (Джюмире) хан, узнав, что Никитин „не бесерменин, русин“, отнял у него дорогого жеребца, привезенного на продажу, и требовал: через четыре дня либо отдай мне этого жеребца и тысячу золотых, либо „стань в веру нашу в Махмет дени“ и тогда получишь обратно и жеребца и в придачу еще тысячу золотых. Случай выручил Никитина: знакомый хоросанец упросил хана оставить в покое путешественника. Напуганный Никитин счел этот исход „господаревым чудом“. И все же он с горечью предостерегает своих соотечественников: „ино братья, русьстии християне, кто хочеть поити в Ындейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да въскликни Махмета, да поиди в Гундустаньскую землю“.

Никитин был лишен религиозной нетерпимости — он не решается осуждать другие вероисповедания: „а правую веру бог ведаеть, а праваа вера бога единаго знати, имя его призывати на всяком месте чисте чисту“. В этом отношении он напоминает своего современника гостя Василия, который в 1466 г. по торговым делам посетил малоазийские города между Бруссой и Палестиной, оттуда проехал в Палестину и здесь обнаружил такую же веротерпимость. Василий передает легенду о чудесном источнике в Египте и указывает, что рядом с этим источником растут деревья, из которых „идет

масло и кто возьмет то масло, и подает исцеление не токмо христианом, но и всем языком и верам на исцеление". Привыкшие к общению с людьми разных вер, „торговые люди" Московского государства раньше других приобрели более свободный взгляд на вероисповедные различия.

Но для Никитина перемена веры, как указано, была делом не только религиозного чувства. Он сознавал себя „русином" во всем многообразии своих понятий и представлений, среди которых религиозным, по условиям эпохи, принадлежало одно из первых мест. Вот почему для него „стати в бесерменскую веру" значит не только совершить грех, но и отречься от родины. И когда Никитин записывает в свой дневник грустный вывод: „иже кто по многым землям много плаваеть, в многыя грехы впадаеть и веры ся да лишаеть християнскые", — то в этих словах вряд ли следует видеть особое преувеличение. Иноверец, прибывший в мусульманское государство ради торговли или иных дел, согласно мусульманскому праву, пользовался там покровительством закона в течение года, после чего он должен был либо уехать, либо принять ислам, либо перейти в категорию зиммиев — подданных мусульманского государства, плативших установленную для иноверцев подушную подать. В противном случае он подлежал обращению в рабство.[1] У Афанасия Никитина именно в связи с этим законом и произошло столкновение с Асад-ханом, пытавшимся заставить его перейти в ислам. Известно, что венецианец ди Конти, живший в Индии в первой половине XV в., предпочел отказаться от христианства. Афанасий Никитин с тревогой ждал новых требований оставить веру: „уже проидоша Великия дни четыре в бесерменской земле, а крестьянства не оставих, — дале бог ведаеть, что будеть. . . ." В таких лирических сетованиях Никитина „о вере христьянской" отражается его тоска по родине, страх быть вынужденным изменить ей, перейдя в чужую веру или в чужое подданство.

[1] См. об этом подробнее в „Комментарии", прим. 87.

Личный элемент проявился и в рассказах Никитина, и в некоторых оценках, сопровождающих у него описание быта и нравов Востока, и в том, как обстоятельно повествует он о некоторых путевых происшествиях, касавшихся лично его. Никитин подробно описал, как он едва не лишился дорогого жеребца, как потом выгодно удалось ему продать этого жеребца; он объяснил, что после ограбления на пути ему „на Русь поити не с чем“ было, „не осталось у меня товару ничего“; рассказал, во что обходилась ему жизнь в Индии, отметив при этом свою воздержанность — „а вина есми не пивал, ни сыты“; обстоятельно описал сборы в обратный путь, когда он „устремихся умом поити на Русь“, и, наконец, злоключения, вынесенные им „в земле Ефиопской“ и „в Трепизоне“.

Обилие автобиографического элемента в „Хожении“ Афанасия Никитина — в виде рассказов о событиях его жизни в пути и в форме лирических эпизодов — выделяет эти путевые записки из всей литературы путешествий русского средневековья. Но в то же время именно эта особенность связывает Никитина с новыми течениями в биографических жанрах русской литературы XV в. Интерес к внутреннему миру героя, анализ его душевных переживаний врывается именно в XV в. в традиционную форму „жития“ и исторического рассказа; личность самого автора, вопреки традициям прошлого, проявляется перед читателем главным образом в виде лирических отступлений, нравоучительных сентенций и оценок изображаемых фактов. Рамки чисто эпического повествования раздвигаются, давая место выражению эмоций и размышлений и героя и автора. Афанасий Никитин предстает перед нами писателем *своего* времени, когда он и эпическую ткань путевых записок расцвечивает и оживляет рассказами о своих впечатлениях, настроениях, обращениями к читателям-соотечественникам с нравоучительными предостережениями, сравнительными оценками своего, родного — и чужого.

III

Время путешествия Афанасия Никитина определяется частью по упоминаемым им историческим фактам, частью по датам христианских праздников Пасхи, проведенных им в пути. Как видно из его слов, третью Пасху в Ормузе-Гурмызе Никитин праздновал 2 апреля; на это число Пасха приходилась в 1469 г, таким образом, годом выезда его из Твери следует считать 1466-й. С этим согласуется и упоминание о посольстве Василия Папина в Шемаху. „Шестый Великий день“ — последняя Пасха, проведенная Никитиным в пути,— застал его в Мошкате (Москате), откуда без больших задержек он отправился в обратную дорогу и к зиме 1472 г. был в Крыму, в Кафе (Феодосии). С этой датой возвращения Никитина на родину согласуется указание его записок на события, имевшие место в Иране летом 1472 г., т. е. как раз тогда, когда этим путем вторично проезжал русский купец. Свое описание Никитин закончил упоминанием прибытия в Кафу „за 9 дни до Филипова заговения“, т. е. 5—6 ноября 1472 г. О дальнейшем мы узнаем из летописной заметки, предваряющей под 1475 г. текст „Хожения за три моря“: здесь сообщается, что Никитин „Смоленска не дошед умер“, видимо весной 1472 г.

Содержание „Хожения“ составляют три неравные по объему части: описание пути до Индии, обстоятельный рассказ о четырехлетнем пребывании в Индии и краткий путевой дневник возвращения на родину. Первый и третий разделы „Хожения“ невелики, и основную их часть составляет описание тех трудностей, которые приходилось преодолевать путешественникам, и тех несчастий, которые с ними приключились.

Рассказ Афанасия Никитина с первых же страниц вводит читателя в трудную обстановку путешествия. Тверитяне не рискнули итти в дальний путь одной своей небольшой группой и дождались в Нижнем Новгороде посла ширван-шаха Шемаханского, возвращавшегося из Москвы „с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто“, — добавляет обстоя-

тельный рассказчик. Но и эта предосторожность не спасла от дорожной беды Никитина и его спутников. Под Астраханью им „сказали лживые вести“, будто „Камсым солтан стережет гостей в Бузани“. Шемаханский посол дал трем татарам „по однорядке да по полотну“, чтобы они незаметно провели суда мимо опасного места: „а оны поганые татарове по однорядке взяли, да весть дали в Хазторохан [Астрахань] царю“. Выразительно описывает Никитин, как суда пошли мимо Астрахани: „а месяць светить, а царь нас видел“; предостерегающих окликов татар — „качма, не бегайте“ — путники не услышали, татары напали на них, с обеих сторон началась стрельба, убили одного русского и двоих татар, товар русский „розграбили“, „а нас отпустили голими головами за море, а вверх нас не пропустили“.

Когда ограбленные русские купцы двинулись в дальнейший путь, на них напали „кайтакы“, взяли в плен несколько человек с остатками товара. Добравшись до Дербента, путники просили ширван-шаха, „чтобы нас пожаловал, чем доити до Руси“, — очевидно кое-кто хотел уже вернуться домой после всех злоключений. „И он нам не дал ничего, — продолжает Никитин, — ано нас много, и мы заплакав, да розошлися, кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошол на Русь, а кои должен, а тот пошол, куды его очи понесли, а иные осталися в Шемахе, а иные пошли работать к Баке... где огнь горить неугасимы“. В Баку отправился и Никитин; вспомнив этот момент путешествия уже в рассказе об Индии, он так объяснил свое решение: „аз же от многыа беды поидох до Индии, занже ми на Русь поити не с чем, не осталося у меня товару ничево“. Какие-то „псы бесермены“ соблазнили Никитина рассказами о богатых рынках Индии: „а сказывали всего много нашего товару... ано нет ничего на нашу землю, все товар белой на бесерменьскую землю, перец да краска, то дешево“, — разочарованно заметил под первым впечатлением Никитин, добавляя: „да все товар их гундостанской, да съестное все овощь, а на Русьскую землю товара нет“. Вряд ли, однако,

только случай направил Никитина так далеко на Восток; вряд ли одни расчеты на выгодные торговые сделки заставили его перенести и трудности и опасности самого пути, и тяжелый непривычный климат, и длительную разлуку с горячо любимой родиной. Пытливость наблюдательного человека, стремление расширить свой кругозор внимательным изучением чужой страны, несомненно, задержали тверитина в Индии гораздо дольше, чем того требовали его прямые торговые дела.

Из текста „Хожения“ не видно, чтобы эти торговые дела складывались для Никитина особенно благоприятно. Он вообще проходит перед читателем больше как любознательный путешественник с разносторонними интересами, чем как деловитый купец, совершающий выгодные сделки. Не случайно, может быть, Никитин подчеркнул, что даже ему одному, на самую скромную жизнь, на „харч“, приходится тратить „по полутретья алтына на день“, — очевидно для него эта сумма была достаточно высокой.

Обратный путь описан Никитиным совсем кратко, и едва ли не самое большое место в нем занимает рассказ о том, как в Трапезонте его обыскали, надеясь найти у него „грамоты“ Узун-Хасана, воевавшего в те годы в Иране. При этом обыске „что мелочь добренкая, и они выграбили все“, — жалуется Никитин. Но и в этом кратком рассказе переданы довольно точно доходившие до него слухи о „булгаке“, связанном с именем Узун-Хасана. Эти слухи отражали действительные события, происходившие летом 1472 г. в Иране и Турции.

Если вспомнить, что на обратном пути Никитину и его спутникам приходилось, кроме высокого „налона корабленого“ (налог за проезд по морю), исчислявшегося „золотыми“, откупаться от грабежа („в земле Ефиопской“ они „много раздаша брынцу [сорочинского пшена] да перцу да хлебы ефиопом, и они судна не пограбили“), — то станет очевидно, что тверской купец возвращался на родину не столько с большими торговыми прибылями, сколько с богатым запасом новых

знаний, впечатлений, переживаний, которым он обязан был главным образом своему продолжительному пребыванию в Индии.

IV

Центральное место в путевых записках Афанасия Никитина занимает описание Индии — главной цели его путешествия. Это описание внесло в русскую культуру, в частности в русскую литературу, принципиально новое представление о стране, которую русские читатели знали давно в изображении ряда исторических и литературных памятников.

Как и вся средневековая Европа, древняя Русь знала по этим памятникам Индию как страну чудес, сказочного богатства и изобилия, населенную чудовищными животными, необыкновенными людьми, живущими среди невиданной природы. Именно фантастика преобладала в тех описаниях Индии, которые читались в наиболее популярных из посвященных ей сочинениях, например в утопии „Сказание об Индейском царстве", в отдельных эпизодах „Александрии", рассказывавших о походах Александра Македонского в Индию, в „Христианской топографии" Козмы Индикоплова. Как сказочная страна, „Индия богатая" издавна была известна и народному эпосу — былинам о Дюке Степановиче и Василии Буслаеве, некоторым сказкам и духовным стихам.

В „Хожении за три моря" русский читатель впервые встретился с живыми впечатлениями наблюдателя, просто и деловито, хотя местами и не без некоторой доли наивности и преувеличений, рассказавшего о настоящей Индии своего времени. Легенда о птице „гукук", с которой было связано местное поверье — „а на которой хоромине седить, то тут человек умреть, а кто ея хочеть убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть"; некоторые подробности рассказов о жизни обезьян и их „князя обезьянского", восходящие к индийским мифам; может быть, воспоминание о сказочной реке Самбатион, отра-

зившееся в описании страны „Шабат“, „Шамбат“, — вот все, что осталось в „Хожении за три моря“ от фантастических представлений об Индии. В остальном рассказы Афанасия Никитина — реалистическое, в исторических эпизодах довольно точное и достоверное изображение подлинной Индии XV в.

Этими точными сведениями о быте и нравах Индии Никитин был, видимо, в значительной мере обязан рассказам местных жителей. Заметив скоро, что к христианам у индуистов нет такого недоверчивого отношения, какое вызывали с их стороны мусульмане — „бесермены“, господствовавшие над индуистами брахманами, Никитин воспользовался этим: „познася со многыми индеяны и сказах им веру свою, что есми не бесерменин... есмь христианин, а имя ми Офонасей... и они же не учали ся от меня крыти ни о чем, ни о естве, ни о торговле, ни о намазу, ни о иных вещех, ни жон своих не учали крыти“. Есть основание думать, что не только „индеяне“ (брахманы), но и „хоросанцы“ (мусульмане) давали сведения Никитину о некоторых городах между Цейлоном и Китаем, где он сам не был: со слов хоросанских торговцев он сообщил сведения о богатствах этого края, избегая, однако, повторять легенды, которые читаются в описаниях этих мест у западноевропейских и восточных путешественников средневековья.

Взамен фантастических сведений об Индии, Никитин дал в своем „Хожении“ интересные описания быта, нравов, обычаев и религии индуистов. Сказочные богатства „Индейского царства“ попа Иоанна в „Хожении“ Никитина превратились в обстоятельный перечень товаров, продающихся на рынках Индии, их цен, способов перевозки. Первое впечатление разочарования, которое испытал Никитин, проехав ряд городов и не найдя в них товара „на нашу землю“, сменилось серьезным интересом его к приморским портовым городам, к большим ежегодным базарам, когда „съеждается вся страна Индейская торговати“. Последнюю персидскую гавань на пути в Индию — „Гурмыз“ (Хормуз) — Никитин описал с особым вниманием:

отсюда в XV в. шел на Русь жемчуг, известный под названием „гурмыжских зерен“. В этой пристани, по словам Никитина, „всего света люди в немь бывають и всякы товар в нем есть; что на всем свете родится, то в Гурмызе есть все“. В середине XV в. в новый Хормуз, расположенный на скалистом, бесплодном и знойном острове („а Гурмыз есть на острове, а ежедень поимает его море по двожды на день“), действительно съезжались купцы из Египта, Сирии, Малой Азии, Азербайджана, Месопотамии, разных областей Ирана, Средней Азии, из Золотой Орды, Китая, Бенгалии, областей Индии, Аравии, Западной Европы. Афанасий Никитин совершенно точно записал размер пошлины, взимавшейся с товаров: „тамга же велика, десятое со всего емлють“ (10%). Эта цифра сходится с показаниями персоязычного историка Абд-ар-реззака Самарканди, который побывал в Хормузе в 1442 г. и отметил, что „со всех видов товаров, кроме золота и серебра, взималась пошлина в размере одной десятой стоимости товаров“.[1]

В Индии Никитина поразило обилие городов: „на всякий день [пути] по три грады, а на иной день и 4 грады, колко ковов, толко градов“. Проезжая через все эти города, Никитин внимательно отмечал, что̀ продается на их рынках. Неизвестно, вывез ли он из Индии на Русь что-либо из этого обильного и дешевого товара или он ограничился собиранием сведений о возможности наладить непосредственные торговые сношения с Индией. Во всяком случае, в его перечне торговых городов Индии много ценных указаний на то, что̀ из местных товаров может пригодиться „Русской земле“, чего в Индии много и что̀ там дешево.

Интересуясь Индией главным образом как возможным рынком для вывоза на Русь и, вероятно, для сбыта русских товаров, Никитин присматривался и к местному сельскому хозяйству. Он отметил, что в пору зимних дождей здесь „орють и сеють пшеницу да тутурган да ногут, да все съестное“;

---

[1] См. „Комментарий“, стр. 155.

описал, как приготовляют вино и брагу, чем кормят коней, сообщил, что „в их земле родятся волы да буйволы, на тех же ездят и товар иное возять, все делают“.

К новым людям Никитин присматривался с некоторым предубеждением: ему было чуждо все, начиная с их внешности и кончая религией, тем не менее некоторые стороны местного быта он отметил с явным одобрением. Встреча Никитина с индийцами вызвала обоюдный интерес. Русский путешественник изумленно записал, что „индийския страны мужики и жонки все наги, а все чорны“; местные жители в свою очередь не менее заинтересовались „белым человеком“: „яз хожу куды, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку“.

Осудительно отметив, что индийцы „все наги“, Никитин затем обстоятельно рассказал, чем они прикрывают хоть немного свою наготу: у них „голова непокрыта, а груди голы“, „фата“ у князей, княгинь и бояр закрывает бедра и плечи, а у слуг княжих и боярских — только бедра. Русскому человеку особенно предосудительным показалось то, что „жонки ходять голова непокрыта, а груди голы“ (по русским обычаям его времени „простоволосая“ женщина, т. е. с непокрытой головой, не могла выйти к людям).

Нравы „черных людей“ вызвали резкое осуждение Никитина: „а все злодеи, а жонки все [бесстыдные], да знахарство, да воровство, да ложь, да зельи господаря морять“. Также не одобрил он и излишнего, с его точки зрения, пристрастия черных женщин к белым „гостям“, к „гарипам“ (чужестранцам). Однако, внимательно наблюдая, он заметил, что связи женщин с „гарипами“ устраиваются с ведома „черных“ мужей, которые ценят рождение белых детей: „у которые жены от гостя зачнется дитя, и муж даеть алафу [жалованье], а родится дитя бело, ино гостю пошлины 300 тенек, а черно родится, ино ему нет ничево, что пил да ел, то ему халял [законом дозволенное]“.

Индийцы поразили Никитина своей воздержанностью в пище: „ества“ у них, по его мнению, „плоха, ядять брынець [сорочинское пшено], да кичири [морковь] с маслом, да травы роз-

ныя ядят, а варять с маслом да с молоком". Даже и эту скудную, на его взгляд, пищу они едят только дважды в день, „а ночи не ядять, а вина не пиють, ни сыты". Индуисты-брахманы держатся обособленно: „з бесермены ни пиють, ни ядять" и даже закрывают свою еду от их взгляда: „а посмотрил бесерменин на ествy, и он тое ествы не яст". Даже между собою они едят врозь: „один с одним ни пиеть, ни яст, ни с женою". Чистоплотность индийцев обратила на себя внимание Никитина, и он с одобрением отметил ее: „а ясти же садятся, и они омывають руки да и ногы, да и рот пополаскивают".

Роскошь придворной жизни, пышные выезды султана, богатые украшения дворца („все на вырезе, да на золоте, и последний камень вырезан да золотом описан вельми чудно"), особенно резьба по камню, описаны Никитиным с обилием фактических подробностей, характерных вообще для русских путешественников-писателей. Огромное количество войск (значительно, правда, преувеличенное путешественником), музыкантов, плясунов, женщин, коней, слонов, обезьян в свите султана, „серебряные кровати", „доспехи золоченые", „доспехи булатные", „ковтан весь сажен яхонты, да на шапке чичак олмаз великы, да сагадак золот со яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото" — вся эта восточная роскошь напоминала читателям сказочное „Индейское царство" старых литературных изображений Индии. Но великолепие султанского двора не помешало Никитину рассмотреть рядом нищету народа: „а земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добре и пышны велми". В этом лапидарном противопоставлении „голых людей" „сильным и пышным боярам" нельзя не почувствовать оттенка осуждения.

Не раз упоминает Никитин о торговле „черными" рабами, разумея под ними рабов-пленников индийских племен, которых десятками тысяч захватывали во время войн. Русский путешественник отметил крайнюю дешевизну рабов после таких походов („продавали полону голову по 10 тенек, а иную

по 5 тенек, а робята по 2 теньки“). Эти цены соответствуют данным, которые сообщают восточные авторы.[1]

Афанасий Никитин обратил внимание и на то, что в Индии господствующий класс в его время состоял в большинстве из пришлых — не индийских людей. Он обобщил свое наблюдение в словах — „бояре все хоросанци“. Среди гражданской бюрократии и крупного купечества, действительно, было немало выходцев их Хорасана.[2]

Описание брахманского культа сделано Никитиным довольно обстоятельно. Не ограничиваясь тем, что̀ в этой области он мог видеть сам, путешественник расспрашивал местных жителей, подчеркивая особо, что „о вере их“ он „распытах все“. Действительно, только из рассказов сведущих людей он мог узнать, что „в Индеи всех 80 и 4 веры“, „а все веруют в Бута“, которого, видимо, тоже по местным сведениям, он отожествил с Адамом. Эти 84 веры, сообщает Никитин, враждуют друг с другом: „а вера с верою ни пиеть, ни яст, ни женится“. Разнятся между собой сторонники разных вер, между прочим, и в еде: одни употребляют в пищу „боранину, да куры да рыбу да яйцы“, другие едят только растительную пищу.

Никитин побывал в священном городе Парвате (где когда-то был один из крупнейших храмов „Бута“). В сознании Никитина Парват для индийцев-брахманов был тем же, чем „по бесерменьскы [т. е. для мусульман] Мякъка“ (Мекка), а „порускы [т. е. для православных] Ерусалим“. Размером с половину Твери, „бутхана“ (храм) в Парвате богато украшена скульптурой, изображающей отдельные эпизоды легенд о „Буте“, его превращения (согласно с терминологией русских иконописцев, Никитин называет эти скульптурные рассказы о Буте „деяниями“). Описывая главного идола Бута, с обезьяньим лицом, вырезанного „ис камени ис чернаго“, он разъясняет, что этот идол „руку правую поднял высоко, да простер ее, акы

[1] Комментарий, прим. 140.
[2] Комментарий, прим. 95.

Устьян царь Царяградскы". Это сравнение, видимо, выдает начитанность Афанасия Никитина в паломнической литературе. Так, у Стефана Новгородца, в 1348—1349 гг. посетившего Царьград, сходными словами описана статуя Юстиниана Великого: „а правую руку от себе простер буино на полъдни..." Вряд ли личные впечатления от Константинополя, если бы они были у Никитина, сказались бы только в таком единственном на весь текст „Хожения" воспоминании.

Никитин отметил почитание индуистами-брахманами вола и коровы („вола зовут отцем, а корову матерью"); перед Бутом в бутхане стоит, по его словам, „вол велми велик, а вырезан ис камени ис чернаго, а весь позолочен, а целують его в копыто, а сыплють на него цветы". От внимания путешественника не ускользнули и такие мелочи, как обычай индийцев перед посещением бутханы брить „все волосы и бороды и головы"; заметил он и размер „пошлины на Бута", которую брали при входе в бутхану.

Вглядываясь в чужеземные обычаи, Никитин подмечал их сходство с русскими („а намаз же их на восток по русьскы"), переводил местные праздники на русские („на память шиха Аладина, а по русскому на Покров святыя богородицы", „курбаит багрям, а по русскому на Петров день" и т. п.).

Прожив более четырех лет в чужих странах, Никитин присмотрелся и к их климату, сравнивая его, как и местные обычаи, с климатом своей родины. Не без удивления он отметил, что в Чюнере „зима стала с Троицына дни", русского весеннего праздника, причем с этих пор „ежедень и ночь 4 месяцы всюда вода да грязь", весну же ему пришлось наблюдать „с Покрова", первого осеннего русского праздника. Ощутительнее и тяжелее всего для русского путешественника была непривычная жара, которую он испытал уже в Иране, а затем еще в большей степени в Индии. Вспоминая эту жару, Никитин пробует даже дать читателю представление о разных оттенках ее в разных местностях: везде было „варно" (жарко), но если в Гурмызе „варное солнце человека съжжет", то в других городах „варно

да ветр бывает", или „душно вэлми да парище лихо", „пар лих" (т. е. влажная жара), „не так варно" и т. п. С интересом отметил Никитин и некоторые особенности звездного неба в Индии, иное расположение звезд.

Время пребывания Афанасия Никитина в Индии совпало с периодом завоевательных войн „Меликтучара" — т. е. „малик-уттужара", первого везира и главного военачальника султана Бедерского (Бахманидского царства). Его борьба с отдельными племенами Индии продолжалась уже 20 лет, с переменным успехом: по словам Никитина, „то его побиють, то он побиваеть их многажды".

Пышный двор Меликтучара поразил русского купца: „на всяк день" у него „садятся за суфрею по 5 сот человек", на конюшне у него „коней 2 тысящи да тысяча оседланных и день и ночь стоят готовых, да 100 слонов на конюшне; да на всякую ночь двор его стерегут 100 человек в доспесех, да 20 трубников, да 10 нагар, да по 10 бубнов великых по два человека биють". На русского читателя должны были производить впечатление цифры войск, приводимые в „Хожении", здесь наш путешественник не удержался от преувеличения: „на 20 тъмах" (200 000) „седит" Меликтучар, да 70 000 было у хана Чюнерского, десятки тысяч вели с собой и другие ханы. Терпеливо перечисляет Никитин состав каждого войска: пеших, конных воинов, везирей, „слонов наряженых", „слонов с городкы да в доспесех", „лютых зверей о двою чепех . . ." Несмотря на многолюдное и хорошо вооруженное войско, „война ся им не удала", — замечает Никитин, описывая последний при нем поход Меликтучара с ханами; „один город взяли индейской, а людей много изгыбло, а казны много истеряли", — прибавляет вдумчивый гость, по мнению которого добыча, полученная при взятии города „Бичинегера" (Биджьнагура), не возместила потерь: „рати его изгыбло 5 тысячь люду добраго", а в городе „высекли 20 тысячь поголовия мужескаго и женьскаго, а 20 тысячь полону взяли и великаго и малаго, а продавали полону голову по 10 тенек, а иную

по 5 тенек, а робята по 2 теньки, а казны же не было ничево, а большаго града не взял". Самая осада Биджьнагура выразительно, хотя кратко и без литературных прикрас, описана в „Хожении": „Под городом же стояла рать месяць, и люди померли с безводия, да голов много велми изгыбло с голода да с безводицы; а на воду смотрить, а взять некуды. Град же взял... силою, день и ночь бился с городом 20 дни, рать ни пила, ни яла, под городом стояла с пушками".

Ценность деловитого, обильного фактическими сведениями рассказа Афанасия Никитина об Индии, а частично и об Иране становится особенно ощутительной при сравнении его с описаниями тех же мест у современных ему западноевропейских путешественников. Их было немного в XV в. В первой половине XV в. венецианский купец Николо ди Конти через Аравию добрался до Ормуза и оттуда, по маршруту Никитина, проник в глубь Индии, побывав и в тех местностях, которые Никитин описал лишь по рассказам. Ди Конти более 20 лет провел в странствованиях, и потому его описание во многом подробнее, но русский гость оказался менее доверчивым к россказням местных жителей, чем итальянский торговец, и не включил тех баснословных преданий, какие читаются нередко в записках ди Конти. Вместе с тем Никитин сообщил сведения о таких сторонах жизни Индии, на которые не обратил внимания ди Конти: он познакомил с устройством войска у отдельных племен, с управлением, подметил разницу в положении господствующих („хоросан") и подвластных им „гундустанцев".

Морским путем проник в Индию через 25 лет после отъезда оттуда Никитина португальский путешественник Васко де Гама (1497—1499 гг.), но его целью был не столько осмотр самой Индии, сколько решение вопроса о возможности сообщения с ней морем. В описании этого морского пути и заключается главное значение записок об экспедиции Васко де Гама; в Индии он описал подробно только город Колекот (у Никитина „Келекот"), нынешний Каликут, краткие заметки о котором

дал и русский путешественник, оценивший значение Колекота как морской пристани.

Некоторый материал для сопоставления с „Хожением“ Афанасия Никитина заключается в записках об Иране венецианца Иосафата Барбаро. В 1471 г. он ездил в Иран в качестве посла Венецианской республики и оставил много интересных рассказов об Узун-Хасане, в орде которого побывал и Никитин и о походах которого он передал ряд слухов. О том же Узун-Хасане рассказал и дневник А. Контарини, с 1473 по 1477 г. путешествовавшего через русские земли в Иран.

На фоне этих немногочисленных записок западноевропейских путешественников описание Индии Афанасия Никитина приобретает международное значение, испытывая в этом отношении судьбу старших русских описаний Палестины и Константинополя, историческая и археологическая ценность которых давно признана в мировой науке.

Заканчивая свое трудное путешествие, вспоминая все — и хорошее и дурное, что ему пришлось наблюдать в чужих странах, Афанасий Никитин мысленно обращается к своей родине, и всю тоску, накопленную за годы оторванности от Русской земли, он изливает в горячем призыве патриота: „Русскую землю бог да сохранит! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи русской земли несправедливы. Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость“. Этот призыв характерен для передового русского человека времени, когда действительно „устраивалось“ могущественное централизованное Русское государство, через восемь лет после смерти Афанасия Никитина скинувшее цепи татаро-монгольского ига и снова ставшее суверенной державой, союза с которой искали сильнейшие государства тогдашней Западной Европы.

В. П. Адрианова-Перетц

КОММЕНТАРИЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ

„Хожение за три моря“ Афанасия Никитина было найдено Н. М. Карамзиным в библиотеке Троице-Сергиевой лавры в составе исторического сборника XVI в., названного им Троицкой летописью. Сделав оценку открытому памятнику, Карамзин в примечаниях к VI тому „Истории государства Российского“[1] издал начало „Хожения“.

Вскоре было обнаружено еще два списка „Хожения“, относящихся к XVI и XVII вв. Число известных текстов путевых записок Афанасия Никитина к началу XX в. дошло до шести. Во время подготовки настоящего издания была найдена еще копия с так называемого Архивского списка XVI в., сделанная в конце XIX в. для академика В. И. Ламанского.

Для данного издания использованы следующие рукописные тексты „Хожения“.

1. Троицкий список, найденный Н. М. Карамзиным в собрании Троице-Сергиевой лавры, М 8665 (ныне Государственной Публичной библиотеки им. В. И. Ленина). В историческом сборнике XVI в. на лл. 369—392 об. помещено „Хожение“ Афанасия Никитина, начинающееся словами: „За молитву святых отец наших, господи Исусе Христе сыне божий, помилуй мя, раба своего грешнаго Афонасья Микитина сына. Се написах грешное свое хожение за три моря“. Копия с этого списка, сделанная для Карамзина, находится в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (F.IV.328).

По Троицкому списку „Хожение“ было издано в „Полном собрании русских летописей“[2] с вариантами по Архивскому списку XVI в. и Воскресенскому XVII в.

2. Эттеров список, хранящийся в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, F.IV.144, XVI в. „Хожение“ введено в текст Львовской летописи под 1475 (6983) г. (лл. 441 об. — 458 об.). Тексту „Хожения“ пред-

[1] Том VI, СПб., 1842, гл. 7, прим. 629.

[2] Том VI, 1853, стр. 330—354.

послано следующее вступление: „Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца, что был в Ындее 4 годы, а ходил, сказываеть, с Васильем Папиным. Аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми, за год до Казанского похода пришел из Орды; коли княз Юрьи под Казанью был, тогды его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лето пошел, или в кое лето пришел из Ындея, умер, а сказывают, что деи Смоленьска не дошед умер. А писание своею рукою написал, иже его руки те тетрати привезли гости к Мамыреву Василью, к дияку великого князя на Москву".

По Эттерову списку „Хожение" издано в „Полном собрании русских летописей".[1] Исправления в текст „Хожения" внесены в это издание из текста, напечатанного в VI томе „Полного собрания русских летописей".

3. Архивский список, собрания б. Архива Министерства иностранных дел (ныне Центрального Государственного архива древних актов), № 4/371 (старый шифр № 187), XVI в. „Хожение" входит в текст Софийской II летописи под 1475(6983) г., со вступлением, дословно повторяющим приведенное выше из Эттерова списка. Копия с Архивского списка, сделанная в конце XIX в. для академика В. И. Ламанского, хранится в Архиве Академии Наук СССР, № 19.3.70.

По Архивскому списку „Хожение" опубликовано П. М. Строевым.[2]

4. Воскресенский список, собрания Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (ныне Государственного Исторического музея) № 54, XVII в. В тексте Софийской II летописи по этому списку, под 1475 г., находилось „Хожение", о чем свидетельствуют сохранившиеся фразы из начала и конца памятника. Начало: „того же году обретох написание Офонаса тферитина купца, что был в Индеи 4 годы: а ходил, сказывает, с Васильем с Папиным. Аз же опытах, коли Василей ходил с кречеты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до Казанского похода пришел...". Конец: „илелло акши ходо, иса рухолло ааликсолом олло акберь аилягяила иллелого, олло перводигерь ахамлу лилло шукур худо афатал обисмилиаги рахмам ррагым хувомугулези ля иляга ильлягуя алимул гяиби вашагадити хуарех ману рагыму хувомогулязи ля иляга илья хуяальмелику алакулосу асалому альмумину альмугамину альазизу альчебару альмутаканьбиру альхалику альбаріюу альмусавирю алькафару алькахару альвахаду альрязаку альфатагу альалиму альхабизу альбасуту альхафизу альрравию алмавизу альмузилю альсемилю албасарго альакаму альадюлю альлятуфу". Текст „Хожения"

[1] Том XX, первая половина, Львовская летопись, часть первая, СПб., 1910, стр. 302—313.

[2] Софийский временник, ч. II, М., 1821, стр. 145—164, с вариантами по Воскресенскому списку XVII в.

в Воскресенской рукописи вырван, что еще в XIX в. было отмечено при издании Софийского временника.[1]

Варианты из отрывков „Хожения", сохранившихся в Воскресенском списке, были использованы в изданиях П. М. Строева и в „Полном собрании русских летописей", т. VI.

5. Список Ундольского (ныне Государственной Публичной библиотеки им. В. И. Ленина) № 754, XVII в. В составе Краткого летописца под 1461(6969) г. на лл. 300—319 помещено „Хожение" со следующим предисловием: „В та же лета некто именем Афонасей Микитин сын тверитин ходил с послы от великого князя Михаила Борисовича тверскаго и от владыки тверскаго Генадия за море и тот тверитин Афонасей писал путь хожения своего сице".

Текст „Хожения" по списку Ундольского опубликован в „Полном собрании летописей", т. VI.

Список „Хожения", принадлежавший И. П. Сахарову и изданный им в „Сказаниях русского народа",[2] разыскать не удалось. Этот список, видимо, был близок к Архивскому (№ 4/371) и Эттерову (№ 754) спискам.

Сравнительное изучение текста всех сохранившихся списков „Хожения" дает возможность разбить их на три группы или редакции, отличающиеся друг от друга: 1) большим количеством разночтений — лексических, морфологических и фонетических; 2) определенной тенденцией в каждой из них; 3) наличием или отсутствием введения к тексту „Хожения" и различными его вариантами; 4) помещением „Хожения" в летописном тексте под разными годами: под 1461 г. (в Кратком летописце) или под 1475 г. (в Софийской II и Львовской).

Известные списки распределяются по группам следующим образом: Эттеров, Архивский и Воскресенский списки восходят к общему протографу, объединяясь, таким образом, в одну редакцию.[3] Троицкий список представляет другую редакцию, характеризующуюся наибольшей полнотой текста. Список Ундольского сокращает, а местами пересказывает оригинал, несомненно родственный или самому Троицкому списку, или его оригиналу, повторяя даже явные ошибки и описки Троицкого текста, отсутствующие в списках первой группы. Так, например, в Троицком и Ундольского списках одинаково читаем: Тукмерская вместо Туркменская, Орабаньская вместо Орапьская, Гестаньская — Гундустаньская, брату—Буту и т. п. С другой стороны, список Ундольского вместе с Троицким исправляет ряд неверных чтений списков первой группы.

---

[1] Софийский временник, ч. II, М., 1821, стр. 145, прим. 1.

[2] Том II, кн. VIII, 1849, стр. 170—182.

[3] К этой же редакции, вероятно, относился и список Сахарова.

В основу настоящего издания „Хожения“ положен Троицкий список (М 8665) ввиду наибольшей полноты и исправности его текста, а также большей древности рукописи. Варианты к основному тексту даются по спискам Архивскому № 4/371 и по Эттерову F.IV.144. Текст списка Ундольского издается полностью, ввиду своеобразия его. Редактор этого текста исключил из „Хожения“ все длинные эпизоды, а также все выражения, переданные Афанасием Никитиным на восточных языках, сохранив лишь отдельные слова, которые в единичных случаях попытался также заменить более понятными (например, вместо „в веру нашу в Махмет-дени“ — „в нашу веру бесерменскую“, вместо „булгак“ — „нестроение“ и т. п.); точные указания Троицкого списка кое-где передаются в более общей форме, например: вместо „дал им по однорятке да по полотну“ — „дали подарки“; вместо „да наложил есми у него 60 да 8 футунов“ — „и наложил много“ и т. п. Но изредка список Ундольского помогает исправить чтения обеих групп текстов — типа Архивского и Троицкого. Так, например, рассказ о добывании мускуса в списке Ундольского заканчивается вполне ясным чтением: „а дикие олени пупы сами из себя ронят по полям и по лесу, и та воня не столь благоуханна, не свеж бо есть“. Ср. в Троицком списке: „...ино из тех воня выходить, да ест, то тот не свеж“, а в первой группе списков вместо „да ест“ — „да и съест“.

Таким образом текст „тетратей“ Афанасия Никитина, привезенных в Москву, может быть восстановлен, в пределах имеющегося материала, лишь с помощью изучения всех списков „Хожения“, не исключая и индивидуального списка Ундольского.

Явно искаженные и испорченные места Троицкого списка исправлены в соответствии с показаниями других рукописей. В вариантах такие поправки оговариваются и приводятся чтения Троицкой рукописи. В прямых скобках добавляются пропущенные буквы, без соответствующих примечаний. Дополнения, имеющиеся в списках Архивском и Эттеровом, приведены в вариантах под литерой А (Архивский список) и Б (Эттеров список), после слова „далее“; пропущенные же в этих списках отдельные слова или целые фразы поставлены в Троицком списке между двумя звездочками.

Текст „Хожения“ печатается с соблюдением орфографии подлинников XVI и XVII вв. — лишь *ѳ* и *оу* передаются через *ф* и *у*.

В списках Троицком и Ундольского надстрочные буквы обозначают ссылки на варианты из других списков „Хожения“ и исправления текстов (стр. 135—139); надстрочные цифры в списке Троицком и в переводе „Хожения“ — ссылки на „Комментарий географический и исторический“ (стр. 140).

К. Н. Сербина

ВАРИАНТЫ

I. К Троицкому списку

К стр. 9. [а] *Испр., в ркп.* горд. [б] *А* Стебельская. *Б* Стебольская. [в] *АБ далее* отъ государя своего. [г] *Б далее* Тверскаго. [д] *Б* Тверскаго. *АБ далее* и Бориса Захарьича. [е]*Б* вниз. [ж]*Б далее* Колязинъ. [з]*АБ далее* и святыа. [и]*АБ далее* отпустили мя доброволно, и оттолѣ поидохъ съ Углеча, и пріѣхалъ есми. [к]*АБ далее* пріѣхалъ есми доброволно, и пріѣхалъ есми. [л]*АБ далее* и они мя. [м]*АБ* отпустили. [н]*АБ* мимо городъ двѣ недѣли. [о]*АБ далее* в Нижнемъ. [п]*АБ* ширваншина Асанбѣга. [р] *АБ* пріѣхалъ есми съ ними. [с]*АБ далее* проѣхали доброволно, не видали никого. [т]*АБ далее* есмя проѣхали. [у]*АБ далее* есмя проѣхали.

К стр. 10. [а]*Б* Хазтархань. [б]*Б далее* поганые татарове. *А* Мимо Азътарханъ. И они *нет.* [в]*Б далее* своими [г] *доб. из АБ.* [д—д]а мѣсяцъ свѣтить. [е]*А далее* а мы того не слыхали ничего. *Б далее* а мы того не слыхали ничего, а бѣжали есмя парусомъ по нашимъ грехомъ. [ж—ж]*АБ далее* и учали насъ стреляти и у насъ застрелили человѣка, а у нихъ дву татариновъ застрѣлили. [з]*АБ далее* была мелкая. [и]*АБ далее* велѣли тянути вверхъ по ѣзу, и туть судно наше меншее пограбили. [к]*АБ* В Дербент *далее* заплакавши. [л]*АБ далее* да коровы, да корм нашь. [м]*АБ далее* А тут есть городокъ Тархи, а люди вышли на берегъ. [н]*АБ* били семя. [о]*АБ* съ ними. [п]*АБ далее* господине.

К стр. 11. [а]*Т повторено дважды.* [б—б]*АБ* бороню; а тѣ люди пошли на мое имя. [в]*АБ далее* ко мнѣ.

К стр. 12. [а]*Испр., в ркп.* горы. [б]*АБ* въ Радуницу. [в]*АБ* Кузряту. [г] *А Ошибочно* головы. [д]*АБ* заплетены. [е]*АБ далее* наги, а всѣ. [ж]*АБ* дивуются. [з]*АБ* гузне. [и]*АБ* на плещѣ. [к]*АБ далее* а волосовъ не брѣють. [л]*АБ* сосцы. [м]*Испр., в ркп.* до. [н]*АБ* 7 дни.

К стр. 13. [а]*АБ* гобивають. [б]*АБ далее* у него, [в]*А далее* добрыхъ

[г] *Испр. в ркп.* Орабаньскыя. [д]*Испр., в ркп.* Тукърмескыя. [е]*АБ* Чеботайской. [ж]*АБ* шешни. [з]*АБ* Чюнерей. [и]*АБ* не одѣланъ. [к]*АБ далее* а двемы. [л] *А* осподарыни. *Б* государыни. [м]*А далее* осподарыни. *Б далее* на гости государыни. [н]*АБ* шитель. [о]*АБ* илимесь. [п]*АБ ошибочно* ходить любо. [р] *АБ* гузне.

К стр. 14. [а]*АБ* увертить. [б]*АБ* олло керемь. [в]*АБ* въ Госпожино говѣйно. [г]*Испр., в ркп.* Густаньскую. [д]*А* ины. *Б* ни. [е]*АБ далее* ни Махмета не знаютъ. [ж] *АБ* Оспожинъ день. [з]*АБ далее* до Бедеря.

К стр. 15. [а—а]*АБ* А все черные люди, а все злодѣи, а женки все бляди да вѣдми, да тать, да ложь, да зелье, осподаревъ морять зеліемъ. [б]*АБ далее* перед хоросаньцы на конехъ, а иные всѣ пѣши ходятъ. [в]*АБ* доспѣхи булатные. [г—г] *АБ* до 20 коней тысящь продавати. [д]*АБ* кунь-кунь. [е]*АБ* мамоны.

К стр. 16. [а—а]*АБ* а языкъу нихъ есть свой. [б]*АБ* они. [в]*АБ* бѣжати. [г] *АБ* казы. [д]*АБ* с похвалы. [е]*АБ* Бедерь же. [ж]*АБ* невеликъ. [з]*АБ* хоросанцы. [и]*Испр., в ркп.* рокши. *АБ* рати своей. [к]*АБ* Фаратхана. [л—л]*АБ* на кровати своей. [м]*АБ ошибочно* санехъ. [н]*АБ* варганниковъ. [о]*АБ* человѣкъ. [п]*АБ* въ санехъ. [р]*АБ* гауроки. [с—с]*АБ* в салтановѣ же дворѣ.

К стр. 17. [а] *Б* все *нет.*

К стр. 18. [а]*АБ* не брѣются. [б]*АБ далее* и молодые. [в]*АБ* дѣвочки. [г]*АБ далее* и хвосты. [д]*АБ* шешькени. [е] *Испр., в ркп.,* Бухану. [ж]*АБ* бысты. [з]*АБ* вахъ. [и]*АБ далее* ис чернаго. [к]*АБ далее* ее. [л] *Б* и на Бута сыплют цвѣты *нет.* [м]*Испр., в ркп.* пиры были. [н]*АБ* въ день. [о] *попр. АБ; в ркп.* сыдны. [п]*АБ далее* а варятъ съ масломъ да съ молокомъ, а ядятъ. [р—р]*АБ* а только посмотрить, ино тое ѣствы и не ядятъ. [с]*Б* иные *нет.* [т]*Испр., в ркп.* по-урьскы.

К стр. 19. [а] *Испр., в ркп.* все. [б] *АБ* и оны. [в]*АБ* и они. [г]*АБ* добровта. [д] *доб. из АБ* [е—е]*АБ* къ своему ихъ туто Іерусалимъ. [ж]*Испр., в ркп.* брату. [з—з]*А* бесерменски Кока. *Б* бесерменски. Икока. [и—и]*АБ* жемчюгу много, да яхонтов. [к]*А* ачьчѣи. *Б* аччеи. [л]*АБ* какомъ. [м]*АБ* однова. [н—н]*А* пачектуръ аучксьдерь секишь илирсень икижитель акичаны иллагарсынь алтыжетелберъ буларадостуръ акулкоравешъ учюз гярфуна хубъемъ фуна-ху-беснакапъ караамч чюкъкичи хошь. *Б* пачекъ туръ, а учюсь дерь: секишь илирсень ики житель;

акичаны или атарсынъ алты жетелъ берь; булара достууъ; акрль коравашь учюзь; чярь фуна хубъ; бемь фуна хубъ есла кара амь чюнь кичи хошь. [о] *АБ* баграмъ.

К стр. 20. [а] *АБ* забылъ. [б] *АБ* тань гресень. [в] *АБ* урусъ. [г—г] *АБ* да говѣлъ есми мѣсяць, мяса есми не ѣлъ и ничего. [д] *АБ* а вратыйля. [е] *АБ* Христу. [ж] *А* хоздо. *Б* хосдо. [з] *АБ* Голаты. [и] *АБ далее* 6 дни, а отъ Мошката. [к] *АБ далее* 10 дни, а отъ Кучьзрята. [л] *АБ далее* дни. [м] *АБ* Келекота. [н] *АБ* Шаибата. [о] *АБ* Шабата. [п] *А* Кита. *Б* Китаа. [р] *А* арастъхъ. *Б* араст ходы. [с] *АБ* емлютъ.

К стр, 21. [а] *АБ* киндяки. [б] *АБ* а приводятъ. [в] *Испр. в ркп.* Рабада. [г] *АБ* костяку. [д] *Б* приидет. [е] *АБ* каланеруръ. [ж] *АБ* гвоздники. [з] *АБ* писааръ. [и] *АБ далее* лежитъ. [к] *АБ* ее. [л] *АБ* бабугуры. [м] *А* сумбамда [н] *АБ* Шабатское. [о] *А* по денге. [п—п] *АБ* да алафу дастъна всякый мѣсяць по пятидесятъ тенекъ. [р] *А* Певгу.

К стр. 22. [а] *АБ далее* спати. [б] *Б ошибочно* ихъ. [в-в] *Б ошибочно* мужи даютъ. [г] *АБ далее* дитя. [д] *АБ* 300. [е] *А* Шабаитъ. [ж] *Б* Шабатъ. [з] *Б далее* а до Келекота мѣсяць итти. [и] *АБ* Шаибатѣ. [к] *АБ* червьцы. [л] *АБ далее* да хрусталь, да бабдгури. [м] *АБ* Камбояти. [н] *Испр., в ркп.* посыку. [о] *АБ* чарашенше кень. [п] *АБ* локать. [р] *АБ* Амеликхановы. [с] *АБ* шаибатене. [т] *АБ* крестьяне.

К стр. 23. [а] *АБ* ходятъ. [б] *Б* Шабата. [в] *АБ* аукіиков. [г-г] *А* а отъ оленей кормленыхъ, *Б* а у оленей кормленыхъ. [д] *Б* мускусъ. [е] *АБ* да и съѣстъ. [ж] *АБ далее* 1 день. [з] *А* Гундустанѣ. *Б ошибочно.* Гупстанѣ. [и] *А далее* русьтіи. *Б далее* рубстии. [к] *А начинается пропуск текста вследствие утраты листа.* [л] *Б* бѣды. [м—м] *Б* лишаютъ крестьянские. [н-н] *Б* божій Афанасій сжалихся. [о] *Б* великъ. [п] *Б* не знаю. [р] *Б далее* у меня. [с] *Б далее* взялъ есми. [т] *Б* крестьянской. [у—у] *Б* ты намазъ каларъсень менды, намазъ кыларъсизъ менда 3 каларъ мень асень ингай.

К стр. 24. [а] *Б* крестьянства. [б] *Б* камо. [в] *А кончается пропуск текста.* [г—г] *АБ* яко въ скорби есмь. [д] *Б* твой *нет,* [е] *АБ* не сотворихъ. [ж] *АБ далее* боже. [з] *Испр., в ркп.* отмо. [и] *АБ* ахамдулимо. [к] *АБ* Бесерменскомъ. [л] *Испр., в ркп.* соль. [м] *АБ* шеферичь. [н] *Б* слонѣ *нет.* [о] *Б* къ рылу. [п] *АБ* санехъ. [р] *АБ далее* да снасть золота да все золото.

К стр. 25. [а] *Б ошибочно* въ камнѣ. [б] *Б* чтобы *нет.* [в] *АБ* Махмутъ. [г] *АБ*

в санехъ. [д]*АБ* силенъ. [е]*АБ* Мярѣ. [ж]*АБ* Гурмызской. [з]*Испр., в ркп.* Торьскаа. [и—и] *А* урусьерътангрыдъ сакласынъ; олло сакла, дубонья-да муку кыбить ерь ектуръ нечикъ урусьери бегъляри окойтугиль; урусь ерь абаданъ больсын расткамъ даретъ. Олло худо богъ данъ иры. *Б* а русь еръ тангрыдъ сакласынь, олло сакла; будаина да мунукибить еръ аньтуръ; нечикъ урусь ери, бегляри акай тугиль; урусь ерь абоданъ болсынъ; растъ камъ даретъ. Олло худо богъ данъ ирн.

К стр. 26. [а]*АБ* а изъ. [б] *АБ далее* ни въ Бодату пути нѣтъ. [в]*АБ далее* ни на Робостань пути нѣтъ. [г]*АБ* по. [д] *АБ* выбили, Яншу. [е]*Б* Узоасанбегъ. [ж]*Б* Султа-мусяитя. [з]*АБ* Узоасанбегъ. [и]*АБ* не окрѣпила. [к]*Испр., в ркп.* атъ. [л]*АБ* итти. [м] *АБ* занеже крестьяне. [н]*так АБ, в ркп.* сынды. [о] *АБ* андийскыхъ. [п]*Испр., в ркп.* Миктучара. [р]*АБ* софрею. [с]*АБ* готовы.

К стр. 27. [а]*АБ* Хафаратханъ. [б]*АБ* тѣ. [в]*АБ далее* человѣкъ. [г] *АБ далее* а тѣ взяли безчислено яхонтовъ. [д] *Испр., в окп.* Камениктучара. [е]*АБ далее* пришие. [ж]*АБ* не продавати. [з] *Испр. в ркп.* от Оспожина. [и]*АБ* выезжають. [к—к]*АБ* да на кроватехъ на золоченыхъ. [л]*АБ* ними.[м]*АБ* в доспѣсехъ. [н]*АБ* сидить. [о]*АБ* индѣянинъ [п] *Испр., в ркп.* Иладина.

К стр. 28. [а]*А* 7 тысячь. [б]*А* Бездерханомъ. [в] *А ошибочно* сгорты. [г] *В ркп.* конных *переправлено из* кованныхь; *АБ* конныхъ. [д]*АБ* съ Кутовалханомъ. [е]*В ркп.* конныхъ *переправлено из* кованныхъ.[ж]*АБ* них. [з]*АБ далее* рати своей, и пѣшихъ 20 тысячь. [и]*А* индѣйскихъ. *Б* индѣйскии. [к]*Далее в ркп., зачеркнутая фраза* мало вышло съ нимъ. [л]*Испр., в ркп.* двѣ. [м]*АБ* донотъ. [н]*АБ* чисто. [о]*АБ* великъ. [п]*АБ* възмыслихся. [р]*АБ* идохъ. [с]*АБ* розсулялъ. [т]*АБ* крестьянского [у]*АБ* разговѣхся. [ф] *АБ* Кельбери. [х]*АБ* 10

К стр. 29. [а] *АБ* да Меликътучаръ. [б]*АБ* улебаграмѣ. [в—в]*АБ* а въ. [г]*АБ* взялъ. [д] *АБ далее* их. [е]*АБ* Биченегере.[ж]*Испр., в ркп.* рогы. [з]*АБ* ону. [и] *АБ* безводны. [к]*АБ* хозя. [л]*А ошибочно* не изгибло. [м]*АБ* взял. [н]*А* денги. [о]*АБ* Кулури. [п] *АБ* оттуду. [р]*Испр., в ркп.* Конакельберга. [с]*АБ* ко Аменьдріе

К стр. 30. [а]*АБ* крестьянской. [б]*Испр., в ркп.* умъ. [в]*АБ ошибочно* от колѣна. [г]*АБ* доити. [д]*Испр., в ркп.* Ефимьскыя. [е]*АБ* воскричаша. [ж]*Испр., в ркп.* бервогыдярь. [з]*Испр., в ркп.* издела. [и]*АБ* пограбили. [к]*В повторено дважды.* [л]*АБ* идохъ. [м]*АБ* великъ. [н]*АБ далее* в Лари. [о] *АБ* Вергу. [п]*АБ далее* дни. [р]*АБ* Велергу. [с]*АБ* Пагани.[т]*АБ* Кашини.

К стр. 31. [а]*Испр., в ркп.* турьскавъ. [б—б]*АБ* рати двора своево.

[в] *АБ* Тохатъ.[г] *АБ* караманского. [д] *АБ* Арцыцану. [е] *АБ* изъ Орцыцаны. [ж] *Испр., в ркп.* золото. [з] *Испр., в ркп.* харнъ. *АБ* харчь *по подчищенному* харнъ. [и] *АБ далее* что мѣлочь добренкаа и они выграбили все. [к] *АБ* 10. [л] *А ошибочно* излюбившему. [м] *АБ* переодигерь. [н] *АБ* знаю. [о] *АБ* Токэразовv. [п] *АБ* пере-водигерь. [р] дигерь. [с] *АБ* дано. [т] *АБ* милна. [у] *АБ* рухоало. [ф] *АБ* хубомогулязи. [х] *А* ляляса. [ц] *АБ* хубомогулязи.

К ст): 32. [а] *АБ* имину. [б] *АБ* альмумусаварю. [в] *АБ* ань вазаху. [г] *АБ* алльрравию. [д] *АБ* альмавизу. [е] *АБ* альсемилю. [ж] *АБ* албасирю [з] *АБ* альадюлю.

II. К списку Ундольского

К стр. 35. [а] *Испр., в ркп.* спасахъ [б] *Испр., в ркп.* горы.

К стр. 36. [а] *Испр., в ркп.* кантаки. [б] *Испр., в ркп.* Дiесъ.

К стр. 37. [а] *Испр., в ркп.* до. [б] *Испр. в ркп.* горы.

К стр. 38 [а] *Испр., в ркп.* Орабанския. [б] *Испр., в ркп.* Тукмерския.

К стр. 40. [а] *Испр., в ркп.* Гостустанцы.

К стр. 42. [а] *Испр., в ркп.* брату.

К стр. 43. [а] *Испр., в ркп.* по. [б] *Испр., в ркп.* Бабыля. [в] *Испр., в ркп.* Камблят. [г] *Испр., в ркп.* было.

К стр. 44. [а] *Испр., в ркп.* Нѣгу. [б] *Испр., в ркп.* жилове.

К стр. 46. [а] *В ркп. повторено дважды.*

К стр. 47. [а] *Испр., в ркп.* Торская.

КОММЕНТАРИЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ

1 Море Дербеньское, дория Хвалитьскаа — Каспийское море. В странах Передней и Средней Азии в XIII—XV вв. это море все еще чаще называли архаическим именем моря Хазарского, как и в IX—X вв.; однако наряду с этим в ходу были и другие названия, образованные от имен лежавших на побережье этого моря областей и городов: море Дербендское, море Гилянское, море Табариттанское, море Джурджанское, море Хорасанское, море Абескунское. Название моря Хорезмийского давалось Каспийскому морю вследствие распространенного в средние века среди многих мнения, будто „море Хорезмийское“ в собственном смысле (т. е. Аральское море) соединяется с Каспийским. Персидский географ и историк первой половины XIV в. Хамдаллах Казвини отмечает ошибочность этого мнения. Тот же автор указывает, что „чернь называет его [Хазарское, т. е. Каспийское море] морем Кульзумским, но они ошибаются“: географы называли морем Кульзумским (по имени древней гавани Клизма) Красное море. Со времени монгольского владычества Каспийское море начинают именовать также морем Бакинским (mar di Bachu — Контарини, Барбаро) вследствие роста значения Баку как морского порта (см. ниже прим. 31). Последнее название было известно в XV в. и на Руси, как видно из приводимого И. И. Срезневским отрывка из сборника „От книг божественных чтения“. Афанасий Никитин приводит два известных ему названия Каспия: „море Дербен[д]ское“ и „дория Хвалитьская“, т. е. „море Хорезмское“, в известной руссифицированной форме „Хвалынское“, образованной от арабизованной формы „Хваризм“ имени „Хваразм“, „Хорезм“. О плавании по Каспийскому морю см. прим. 22. — Дория — перс. „дарья“ — „море“, „большая река“.

2 Море Индейское, дория Гондустаньскаа — обычное в то время у мусульман название Индийского океана — бахр-и Хинд, бахр-и Хиндустан, дарья-и Хиндустан (= „Гондустань“ нашего автора). О термине дория = дарья см. прим. 1.

[3] Море Черное, дория Стемъбольскаа — Черное море. В XIII—XV вв. персидские и арабские географы обычно называли его морем Румским (от „Рум“ — „[Восточно]-Римская империя“, т. е. Византия, „Малая Азия“), морем Костантинийэ, т. е. Константинопольским, морем Бонтус („Понт Эвксинский“ греков), иногда морем Франкским (бахр-и Ференг). Последнее название, впрочем, чаще давалось Средиземному морю; Черное море нередко рассматривалось восточными географами как часть Средиземного или его залив. Выражение „море [= дория] Стемъбольское“ (= Стамбульское) идентично названию „море Костантинийэ“ — „бахр-и Константинийэ“. „Стамбул“, „Истанбул“ — тюркизованная форма греческого народного названия Константинополя „Истимполи“ (греч. εἰς τὴν πόλιν), известного задолго до завоевания Константинополя турками в 1453 г. как мусульманам (استانبول, чаще اصطنبول, наряду с литературной формой قسطنطينية), так и европейцам. Оно встречается в XIII в. у авторов Ибн ал-Асира и Якута, в XIV в. у историка Рашид-ад-дина, у географов Абу-л-Фиды и Димашки, у путешественника Ибн Батуты, в начале XV в. у путешественника Клавихо (в форме Escomboli) и др.

[4] Спаса златоверхого — кафедральный собор в Твери, по имени которого Тверь и Тверская земля именовались иногда в документах „домом святого Спаса“.

[5] Михаил Борисович — великий князь тверской (1461—1485 гг.), сын великого князя тверского Бориса Александровича (1427—1461 гг.), помогал великому князю московскому и всея Руси Ивану III Васильевичу в борьбе за освобождение от татарского ига, позже боролся с Иваном III; изгнанный из Твери, бежал в Литву.

[6] Геннадий владыка — епископ тверской.

[7] Троицы монастырь в Калязине на Волге, основанный в 1459 г. известным в то время игуменом Макарием и именовавшийся чаще Макарьевским Троицким монастырем. Этого-то игумена Макария Калязинского, впоследствии канонизованного церковью (в 1521 г.), и посетил Афанасий Никитин.

[8] Святым мученикам Борису и Глебу... — Борис и Глеб — юные сыновья великого князя киевского Владимира Святого. После смерти отца (1015 г.) были вероломно умерщвлены убийцами, подосланными их братом Святополком, захватившим великокняжеский престол. В 1071 г. Борис и Глеб были канонизованы русской церковью. Им было посвящено множество церквей, в частности была церковь их имени и в Калязинском монастыре. Память их праздновалась 2 мая.

[9] Ко князю Александру... — Александр Васильевич, князь тверской.

[10] Князь великий... всея Руси — Иван III Васильевич, правил в 1462—1505 гг.

[11] Василий Папин — посол, отправленный великим князем московским Иваном III ко двору ширваншаха Фаррух-Ясара.

[12] Посол татарский ширвашин Асамбег — Хасан-бек, посол, отправленный ширваншахом („ширваша", „ширванша", см. прим. 28, под этим словом) Фаррух-Ясаром ко двору Ивана III в Москву (раньше 1466 г.). Ответом московского великого князя на это посольство и было отправление Василия Папина ко двору ширваншаха. Несколько позднее, около 1475 г., венецианский посол при дворе Узун-Хасана белобаранного, Контарини, упоминает о другом после Ивана III, посетившем дворы Узун-Хасана и ширваншаха Фаррух-Ясара; Контарини называет этого посла Марко Россо.

[13] Орда — от монг. „орду" — ставка, стан, становище хана или царевича, со всеми людьми, там находящимися.

[14] Сарай. В наши дни установлен факт существования двух столиц государства Джучидов (Золотой Орды), носивших название Сарай. Один из них был основан внуком Чингис-хана, Бату (Батыем, 1224—1255 гг.), у нынешнего Селитренного города на р. Ахтубе, другой — его братом, ханом Беркаем или Берке (1255—1266 гг.), близ нынешнего города Ленинска (до 1917 г. — Царев) на Ахтубе. Соответственно этому, в исследованиях XIX—XX вв. первый из упомянутых городов именуется Сараем Бату, второй — Сараем Берке. На монетах упоминается „Новый Сарай", повидимому, соответствующий Сараю Берке; древнейшая монета с таким чеканом датируется 710 г. х. (1310/11 г. н. э.). В описаниях хронистов, географов и путешественников XIII—XV вв. чаще всего упоминается просто Сарай; благодаря этому, нередко бывает трудно установить, идет ли речь о Сарае Бату или Сарае Берке. Неясно, о каком из этих двух городов говорит и Афанасий Никитин, вероятнее, о Сарае Берке. Столица золотоордынских ханов была перенесена из Сарая Бату в Сарай Берке при хане Узбеке (1312—1340 гг.). Сарай Берке описан рядом историков, особенно ал-Омари, и путешественников, особенно Ибн Батута. По этим описаниям, Сарай Берке, не защищенный стенами, был расположен на ровном месте, на солончаковой земле и считался одним из красивейших городов Востока. Это был большой торгово-ремесленный город, очень тесно застроенный сплошными рядами домов, без садов и пустопорожних мест, с рынками, банями и культовыми зданиями; среди последних числилось 13 одних только соборных мечетей. Здесь же находился дворец, служивший зимней резиденцией хана. В Сарае Берке были особые кварталы купцов и ремесленников разных народностей — осов (осéтин), кыпчаков (половцев), черкесов, русских, греков, выходцев из Ирана, Ирака арабского, Сирии, Египта и других стран, не считая татар, составлявших основное население города. Здесь

было много русских и других христиан; существовало и православное (русское) епископство. Помимо описаний путешественников, богатые сведения по топографии, ремесленному производству и материальной культуре Сарая Берке дают раскопки А. Терещенко. В 1395 г. Сарай Берке был разрушен среднеазиатскими (чагатайскими) войсками Тимура; в 1472 г. город был взят и разорен русскими отрядами из Вятки, в 1480 г. был окончательно разрушен союзными войсками русского великого князя Ивана III и крымско-татарского хана Менгли-Гирея.

15 Берекезаны — местность в дельте Волги, к северу от Астрахани.

16 Бузан-река — Бузань, рукав р. Волги в низовье ее, у Красного Яра впадает в р. Ахтубу.

17 Каисым солтан — султан Касим, внук золотоордынского хана Кучук-Мухаммеда (1423—1460 гг.) из династии Джучидов, ветви потомков Орды и Уруса, первый хан астраханский (с 1466 г.).

18 Азътархан, Хазъторохань — Астрахань, руссифицированная форма, собственно Хаджжи-Тархан; под этим последним именем город и был известен у восточных авторов. По объяснению Ибн Батуты, город получил свое имя от жившего здесь некоего мусульманского святого — паломника („хаджжи") в Мекку. Город, лежавший на левом берегу главного русла Волги, под 46°20′ с. ш. и 48° в. д., был основан в эпоху монгольского владычества. Первые упоминания о нем относятся к первой половине XIV в. В XV в. к Астрахани отчасти перешло торговое значение падавшего Сарая, особенно после распада Золотой Орды и образования самостоятельного Крымского ханства (1466 г.). Судя по сообщениям Барбаро и Контарини, Астрахань в XV в. играла известную посредническую роль в торговле России с прикаспийскими странами, торговала также с Россией солью. Однако ни по величине, ни по хозяйственному значению город не мог сравниться с обоими Сараями.

19 Качьма — тюрк. — „не бегите".

20 Бугун — возможно, нынешний Бегунский полоз, одна из мелей в устье Волги.

21 Ез, яз — заграждения для рыбной ловли.

22 Дербенть — Дербенд, город и гавань на западном берегу Каспийского моря, под 42° с. ш. и 48°15′ в. д. Город известен с VI в. н. э. При сасанидском царе Ирана Хосрове I Анушарване (531—579 гг. н. э.) здесь были возведены мощные укрепления (стены между морем и отрогом Главного Кавказского хребта) для защиты ведущего в страны Закавказья прохода, известного под именем Каспийских ворот, от вторжений варварских народов Восточной Европы (гунны, тюрки и др.). В VIII—IX вв. укрепления Дербенда не раз перестраивались арабами для защиты от набегов

хазар. Стратегическое значение города определило разные названия его: перс. „Дербенд“ — „затвор двери, преграда“, араб. „Баб-ал-абваб“ — „ворота ворот“, тюрк. „Демир-капы“ — „железные ворота“. До монгольского завоевания Дербенд был главной гаванью на Каспийском море и важным перегрузочным пунктом торговли стран Передней Азии с Восточной Европой, в частности с Русью. С XIII в. роль главной гавани на Каспии стала переходить к Баку, а в XV в. значение Дербенда как морского порта окончательно упало. Причинами этого упадка были крайнее сокращение торговли стран Передней Азии со странами Восточной Европы и захирение пролегавшего через Дербенд торгового пути, отчасти вследствие почти непрерывных войн между монгольскими ханами Ирана — Хулагуидами (с половины XIV в. — их преемниками) и золотоордынскими монгольскими ханами — Джучидами. Слабые местные владетели Дербенда не в состоянии были поддерживать укрепления города и порта, и купеческие корабли из Ирана и Средней Азии стали предпочитать прекрасную естественную гавань Баку открытому и незащищенному теперь дербендскому порту. В начале XV в. в Дербенде правил особый местный владетель. В 1428 г. Джованни делла Валле построил для дербендского владетеля небольшой корабль, на котором тот выходил в открытое море, занимаясь морским разбоем, нападая на суда, шедшие в Астерабад. Но позднее город принадлежал ширваншаху (см. прим. 28), в руках которого находился и во время путешествия Афанасия Никитина, бывшего здесь в конце 1466 или начале 1467 г. Во время пребывания Афанасия Никитина в Дербенде, судя по сообщению венецианского посла Контарини (1475—1476 гг.), только $^1/_6$ часть городской площади была обитаема, остальные кварталы были пусты. Среди населения Дербенда преобладали тюркоязычные элементы и „черкесы“; последним именем на мусульманском Востоке тогда называли все вообще северокавказские, иногда и дагестанские народности (не тюркские). В это время через Дербенд в Астрахань вывозили еще морским путем рис и шелковые ткани для обмена в Астрахани у русских и татарских купцов на меха и иные предметы. Контарини описывает суда, совершавшие рейсы между Дербендом и Астраханью и обратно, в которых плавал и Афанасий Никитин: „Они имеют совершенно форму рыбы и носят даже это название, ибо узки в корме, а на боках очень выпуклы. Их сколачивают деревянными гвоздями и смолят весьма крепко; для управления же имеют они 2 мачты и большой шест, служащий им вместо руля. Каспийские мореходцы плавают на авось, без компаса, наблюдая течение звезд, и вообще держатся берегов, от которых никогда не удаляются на большое расстояние. В дурную погоду они прибегают к парусам, иногда же употребляют и весла, которыми, как и рулем, управляют весьма дурно“. Зимою плавание прекращалось. В пути суда подвергались нападениям пиратов.

[23] Тезикы, т. е. тазики, в данном значении, вероятно, купцы из Ирана.

[24] Фуртовина, фурстовина — морская буря, возможно, от лат. fortuna, букв. „судьба“, в значении „непогода“, „буря“; последнее значение встречалось в итальянском и новогреческом языках, у моряков Леванта; ср. украинск. „фуртовина“ — „буря“.

[25] Тархы — Тарки, Тарку, Тарху — крепость на дагестанском побережье Каспийского моря.

[26] Кайтаки — кайтаги, кайтагцы — жители области и княжества Кайтак, Кайтаг, в западном Дагестане, к северо-западу от Дербенда. Впервые кайтаки упоминаются у историографа Тимура, Низам-ад-дина Шами, в связи с рассказом о походе Тимура через Азербайджан и Дербенд против Тохтамыш-хана золотоордынского (1395 г.). По словам упомянутого автора, в то время кайтаки были еще „людьми без веры“, т. е. язычниками. Во второй половине XV в., по словам венецианца Барбаро, среди кайтаков было также немало христиан греческого (грузинского, православного), армянского и католического исповеданий. Наличие католиков здесь объяснялось, без сомнения, деятельностью многочисленных католических миссий, утвердившихся на Кавказе в XIV—XV вв. Однако в этот период среди кайтаков распространялся уже и ислам, по крайней мере современный Афанасию Никитину князь кайтагский был мусульманином и носил мусульманское имя Халил-бека. Кайтаки — термин скорее географический, строго определенного этнического значения не имеет. Среди жителей области Кайтак были и поселившиеся здесь (не ранее XIII в.) монголы. Еще в 1647 г. турецкий путешественник Эвлийя Челеби описывает под именем кайтаков, приходивших из Дагестана для торговли в азербайджанские города Ареш, Шеки и Махмудабад, типичных потомков монголов, сохранявших отчасти свой язык; Эвлийя Челеби приводит 41 „кайтакское“ слово, из них по меньшей мере 16 слов чисто монгольских; остальные слова — большею частью общие в монгольских и тюркских языках или чисто тюркские. В настоящее время Кайтак населяют две различных этническо-лингвистических группы: одна из них говорит на особом наречии даргинского языка, одного из дагестанской группы кавказских яфетических языков, другая группа — тюркское племя, известное под именем терекеме (т. е. туркмены), — возможно, потомки тюркизованных монголов; язык их в наши дни близок к азербайджанскому.

[27] Алильбег кайтачский князь — Халил-бек, князь кайтакский, шурин ширваншаха Фаррух-Ясара. Годы правления не известны. Князья Кайтака носили титул уцмия, который дагестанские мусульманские книжники-арабисты выводили из арабского „исми“ (от ар. „исм“ — „имя“), в чисто местном значении „именитый“. Однако акад. В. В. Бартольд считает такое толкование поздней попыткой осмысления архаического термина местного

происхождения. Содержащиеся в компиляции XIX в. „Асар-и Дагестан“ („Памятники Дагестана“) сведения о существовавших будто бы с VIII в. уцмиях кайтакских основаны на легендах позднего происхождения. Точные сведения об уцмиях кайтакских сохранились в источниках лишь со времен уцмия Султан-Ахмед-хана, умершего в 1587/88 г. У Афанасия Никитина мы находим одно из наиболее ранних упоминаний о князьях (уцмиях) Кайтака.

28 Ширванша, ширваша-бек — перс. „ширваншах“, т. е. царь (шах) Ширвана, в X—XVI вв. титул государей Ширвана, в северо-восточной части северного (ныне советского) Азербайджана. В живой речи конечное „х“ в слове „ширваншах“ почти не слышится, отсюда те формы этого слова, которые встречаются у путешественников: у Афанасия Никитина — ширванша, у Барбаро — siruansa, у Контарини — sivansa, у грузинских авторов — „шарванша“. Упоминаемый у нашего автора ширваншах Фаррух-Ясар (1462—1500 гг.),— сын Халилаллаха I (1417—1462 гг.), из так называемой дербендской династии (1382—1538 гг.) ширваншахов. При Фаррух-Ясаре территория Ширвана простиралась от р. Куры на юге до р. Самура на севере, включая города Шемаху, Баку и Дербенд. В XV в. Ширван был независимым государством и переживал период экономического и политического расцвета.

29 В Орду его койтул — Орда (т.-монг. „орду“ — „ставка“); койтул — т. „ставка“, „становище“, „стан“ государя или какого-либо эмира. Синоним термина „орду“ (см. прим. 13). Термин „койтул“ в XV в. встречается у Абд-ар-реззака Самарканди и других авторов. Определить точнее местоположение становища (орду, койтул) ширваншаха Фаррух-Ясара не представляется возможным. Обычные резиденции ширваншахов в XV в. — города Баку и Шемаха, крепости Гюлистан и Бугурд (у персидских авторов — Бикурд) — не подходят под понятия „орду“ или „койтул“. Возможно, это гора Фит-даг; повидимому, ее как укрепленный лагерь (перс. „лешкергах“ — синоним т. „койтул“) ширваншаха описывает анонимный персидский географ конца X в., автор „Худуд ал-алем“ (изд. рукописи Туманского, 1930, л. 33а).

30 Шемахея — Шемаха, Шамаха или Шемахи — город в Ширване, ныне районный центр Азербайджанской ССР под 40°36′ с. ш. и 48°30′ в. д. В XV в. Шемаха, по описаниям путешественников, была значительным городом, хотя и много меньше Тебриза (см. прим. 34). Вывоз шелка-сырца из Шемахи в Италию отмечается еще в XII в. В XV же веке, по словам Контарини, из Шемахи вывозили шелк, известный под именем таламанского (т. е. дейлемского-гилянского, который в Италии смешивали с ширванским). Здесь вырабатывали также шелковые ткани. Шемаха была одной из резиденций ширваншахов. Согласно Барбаро, в Шемахе в 70-х годах

XV в. было от 4 до 5 тысяч домов (семейств), т. е. от 18 до 22.5 тыс жителей.

31 Бака, где огнь горит неугасимы — город Баку, в наши дни столица Азербайджанской ССР, под 40°21′ с. ш. и 49°54′ в. д. Наиболее ранние известия о Баку и бакинской нефти мы находим у географов X в. — арабских (Истахри, Мас'уди, Макдиси) и персидских (авонимный автор „Худуд-ал-алем"). Бакинское месторождение нефти считалось самым крупным в странах Передней и Средней Азии и в X в. (Худуд-ал-алем, л. 33б), и в послемонгольский период (Хамдаллах Казвини). До XIII в. Баку был небольшим городком. В XIII—XV вв. он стал главной гаванью на Каспийском море. Подробное описание Баку в начале XV в. дает арабоязычный географ, происходивший сам из Баку, Абд-ар-рашид ал-Бакуви, т. е. Бакинский. Город был выстроен из камня, как и в наши дни. Море в то время доходило до башен и стен, невдалеке от которых находилась соборная (пятничная) мечеть (джум'а-масджид). В городе было 2 крепости: одна у самого моря, столь сильная, что и монголы в 30-х годах XIII в. не могли ее взять, другая на горе (нынешний Чемберекенд), лежавшая в развалинах. Местность вокруг города была бесплодна; как и сейчас, плодовые сады находились на северном берегу Апшеронского полуострова (в 30—35 км от города) и производили инжир (фиги), виноград и гранаты. Предметы продовольствия доставлялись в Баку из Шемахи и с Мугани. Близ Баку добывалось ежедневно 200 харваров (ослиных вьюков) нефти, ее вывозили из Баку на судах. В соляных озерах Апшерона добывалась прекрасная соль, ее также вывозили. Баку вел крупную торговлю шелком высокого качества (привозным). Жители города занимались также тюленьим промыслом. Горожане были исключительно мусульманами, принадлежали к „правоверному" (суннитскому) толку шафиитов. В 1 фарсанге (несколько более 6 км) от города было христианское (армянское) селение, производившее известь. В XV в. значение Баку сильно выросло. Он стал одной из резиденций ширваншахов, которые построили здесь в XV в. высокохудожественный дворцовый комплекс, известный в наши дни под именем „ханского дворца" (хан-сарай), с дворцовой мечетью, мавзолеем и судилищем — диван-ханэ. По словам персидского историка Хондемира, Баку был обнесен тремя линиями крепких стен. В порт приходили суда из прикаспийских портов северного Ирана и Средней Азии. По словам Хамдаллаха Казвини, лежавший против гавани остров (Нарген) был населен. Выходов горючих газов близ Баку было много; о них говорит и Афанасий Никитин: „огнь горит неугасимы". Сообщение Абд-ар-рашида Бакуви о фонтане огня, который будто бы был виден на расстоянии дня пути, как и сообщение об источнике „белой" нефти, дававшем ежедневно 1000 дирхемов дохода, заимствовано этим автором у арабского географа X в. ал-Мас'уди и для

XV в. является анахронизмом. Арабские и персидские источники XIII—XV вв. называют город Баку — Бакуйя (Бакуйэ), итальянские путешественники XV в. — Bachu, Bacu.

32 Чебокар — повидимому Чапакур, поселение в Мазандаране, на южном берегу Каспийского моря, к западу от Сари.

33 Сара — Сари, иначе Сарийэ и Сарави — город в Мазандаране, ныне лежит в 25 км к югу от Каспийского моря, в X в. это расстояние было около 18—20 км. Древняя столица Табаристана — Мазандарана (до X в.). В послемонгольский период Сари был городом средней величины с площадью в 4 тысячи шагов в окружности; селения округа Сари производили плоды, пшеницу и хлопок.

34 Маздраньская земля — Мазандаран, область в северном Иране, к востоку от Гиляна, занимающая узкую полосу между южным берегом Каспийского моря и горным хребтом Альбурз, отделяющим область от внутреннего Ирана. В Мазандаране влажный субтропический климат с обильными осадками; предгорья и нижние склоны гор покрыты густыми лесными чащами (перс. „дженгель", отсюда „джунгли"), выше их лежат горные пастбища. Население говорит на особом языке — мазандаранском, относящемся к системе иранских языков, но заметно отличающемся от персидского. У арабов область именовалась Табаристаном (Тапуристан в сасанидский период) от имени древнего народа тапуров, известного греческим географам. Сведения источников о времени появления названия „Мазандаран" противоречивы. Якут (начало XIII в.) считает его новым названием. Арабоязычный географ XIII в. Закария Казвини говорит, что Мазандаран — персидское название Табаристана. Некоторые исследователи (Юсти) признают название „Мазандаран" древним. Чаще всего в источниках названия Мазандаран и Табаристан употребляются как синонимы. Но некоторые авторы XIV—XV вв. различают Мазандаран и Табаристан. По описанию Хамдаллаха Казвини (1340 г.) область (вилайет) Мазандаран делилась на 7 туменов; Табаристан тот же автор рассматривает как особую область (вилайет), лежавшую к югу от Мазандарана, за хребтом Альбурз. Такую же терминологию мы находим и у Хандемира, автора начала XV в. В XIV—XV вв. Мазандаран производил пшеницу, хлопок, шелк и плоды, в частности цитрусовые. Жители были шиитами. Массовая резня во время монгольского завоевания (20—30-е годы XIII в.), а затем нашествия Тимура (1392 г.) сильно уменьшили численность населения. По словам Хамдаллаха Казвини, еще в XIV в. корабли русские прибывали в Мазандаран. Во время путешествия Афанасия Никитина Мазандаран не зависел ни от одного из двух крупных государств Ирана — Тимуридского в Хорасане и Туркменского Ак-койюнлу (см. прим. 295) в западном и южном Иране и За авказье. Мазандаран в то

время был раздроблен на ряд (не менее 12) феодальных владений.

35 Амиль — Амуль, Амоль, самый большой город в Мазандаране, под 36° с. ш. и 52° в. д., в 20 км от побережья. В XIII—XV вв. здесь производились шелковые ткани, ковры и молитвенные коврики. По словам Хамдаллаха Казвини, местные сады давали столь обильные урожаи всевозможных плодов, что если бы город был осажден, он мог бы обойтись без ввоза продовольствия извне.

36 Димовант — Демавенд, Дамаванд. Этим именем обозначался горный массив — высшая точка хребта Альбура; абсолютную высоту Демавенда разные авторы определяют неодинаково — от 5465 м (Свен Гедин) до 6800 м (де Морган). Вершина покрыта вечным снегом и обычно окутана тучами. Вулканическая деятельность массива в средние века (X—XV вв.) не была вполне угасшей, — вершина постоянно курилась. На вершине и склонах насчитывают до 70 кратеров; на склонах много серных источников; добывается сера, лучшая в Иране. У подошвы горного массива существовали в XIV—XV вв. свинцовый рудник и местечко (касаба) Демавенд. Его-то очевидно, и имел в виду Афанасий Никитин.

37 Рей, один из величайших городов средневекового Ирана и всей Передней Азии. Развалины в 5 км к юго-востоку от Техрана (Тегерана), под 35°30′ с. ш. и 51°40′ в. д. Под именем Раги, города древней Мидии, Рей упоминается еще в надписях древнеперсидского царя Дария I Гистаспа в начале VI в. до н. э. Период процветания города относится к IX — первой половине XII в. Рей был одним из центров ремесленной промышленности Ирана; славилась рейская расписная глазурованная керамика. Обострение классовой борьбы в Рейе вызвало гражданские войны, происходившие под оболочкой борьбы религиозных течений. В 1220 г. Рей был окончательно разрушен монголами, которые частью истребили, частью угнали в неволю жителей города и всего округа. Город оставался в развалинах и необитаемым. При монгольском государе Ирана Газан-хане (1295—1304 гг.) была сделана попытка восстановления Рейя, но она не была доведена до конца и город не был заселен. Хамдаллах Казвини (1340 г.) говорит о Рейе как о городе, находившемся в развалинах и запустении. Он не был восстановлен и позднее. Местный феодальный владетель жил в горах. В источниках XIII—XV вв. Рей часто упоминается но при этом речь идет не о городе, а о военно-административном округе (тумен), носившем то же имя; центром Рейского округа с конца XIII в. было местечко (касаба) Верамин. Без сомнения, Афанасий Никитин, говоря о Рейе также имеет в виду не город, а всю местность. В Рейском округе около 1340 г. числилось 360 селений.

[38] Ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучат Махметевых. Как известно, третий имам шиитов Хусейн (у персов „шах Хусейн", что в живой речи слышится почти как „Шаусен", „Шаусень" Афанасия Никитина), младший сын халифа Али и Фатимы, внук Мухаммеда, был умерщвлен после неудачной борьбы с „нечестивым" омейядским халифом Йезидом I в 680 г. н. э. Это событие произошло в Кербеле, в Ираке арабском (Месопотамии), а не в Рейе. Однако существовало предание, сохраненное и источниками (Якут), что Омейядами было обещано отдать богатый и доходный Рей с зависимыми городами и областью в управление Омару ибн-Са'ду ибн Абу-Ваккасу (внуку известного соратника пророка Мухаммеда), если Омар примет на себя командование войском, посланным против имама Хусейна. Соблазнившись этим предложением, Омар согласился и стал затем палачом имама Хусейна. Таким образом, набожные шииты смотрели на город Рей и соседние города как на „цену крови" Хусейна, данную его убийце, как на причину гибели святого имама. Шестому шиитскому имаму Джафару Садыку (умер в 765 г.) приписывали слова: „Рей, Казвин и Сава — города проклятые и осужденные на гибель". Рей действительно пришел в запустение, сначала в результате гражданской войны (XII в.), потом монгольского нашествия. Разрушение Рея и соседних городов и местечек шииты рассматривали как божескую кару за мученичество имама Хусейна. Это-то предание и передает несколько неточно Афанасий Никитин.

[39] Дрей — Рей, см. прим. 37.

[40] Кашень — Кашан, город на иранском нагорье, к юго-востоку от Кума и в 3 днях пути к северу от Исфахана, под 34° с. ш. и 51°10′ в. д., на высоте 1100 м. над у. м. Кашан, вблизи которого находились залежи каолина, был главным центром производства художественной керамики в Иране — фаянсовой посуды, покрытой глазурью с разноцветной поливой, а также архитектурной керамики — глазурованных плиток для декоративной облицовки фасадов и внутренности зданий (изделия, известные под именем „каши"). Особенно славились такие изделия из прозрачной бирюзовой глазури, также фаянсы с надглазурной росписью эмалями и особенно с росписью люстром различных цветов с золотистым металлическим отблеском. Рецепт изготовления люстра, основанного на обжиге сложного состава из минеральных красок, приведен в „Книге о камнях и благовониях" Абу-л-Касима Абдаллаха Кашани (XIII в.), жителя Кашана. По словам Барбаро, посетившего Кашан в 1474 г., здесь изготовляли шелковые ткани и бумазею в таком огромном количестве, что купец, желавший закупить этих тканей на 10 тысяч дукатов, мог бы сделать эту закупку в один день. В то время город имел 4 мили в окружности и был очень населен. О кашанской керамике см.: Э. Кверфельд. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947 (там же см. библиографию).

41 Наин — Найин, на полпути между Кашаном и Йездом, несколько южнее 33° с. ш. и под 53°12′ в. д., на западной окраине Большой Иранской солончаковой пустыни (Дешт-и-Кевир). В конце XV в. Найин был городом средней величины, его цитадель имела 4 тысячи шагов в окружности.

42 Ездей — Йезд, город на Иранском нагорье, несколько южнее 32° с. ш. и под 54°25′ в. д., на высоте свыше 1300 м над у. м., в оазисе того же имени среди пустыни. Оазис орошался сложной системой каналов и каризов (подземных галерей для вывода подпочвенной воды наружу) и производил хлопок, шелк, плоды (особенно гранаты) и пшеницу. В XIV—XV вв. оазис не мог прокормиться своим хлебом, его ввозили. Йезд служил узловым пунктом двух караванных магистралей; одна соединяла северо-западный Иран с Керманом и портом Ормуз, другая — Хорасан с Фарсом и Басрой. Большая часть жителей Йезда состояла из ремесленников-шелкоткачей. В XV в. Йезд был одним из главных центров шелкоткачества на Ближнем Востоке. Согласно персидскому географу Хафиз-и Абру (начало XV в.), Барбаро (1474 г.) и анонимному венецианскому купцу (1514 г.), шелковые ткани из Йезда вывозились в Турцию (в Бруссу), в Сирию, в Среднюю Азию, Индию и Китай. Барбаро дает подробное описание ткацкого производства и торговли в особых зданиях (фундук) по словам этого автора, в Йезде производились шелковые ткани двух сортов, ежедневно выбрасывали на рынок до 10 тысяч вьюков каждого сорта; в конце XV в. город был окружен валом в 5 миль в окружности и предместьями. Дома в Йезде, как и почти во всем безлесном восточном Иране, строились из глины с куполообразными сводчатыми кровлями, без деревянных перекрытий. Во второй половине XV в. Йезд управлялся царевичами из одной ветви туркменской белобаранной (Ак-Койюнлу) династии Байяндура.

43 Из Диес — повидимому следует читать „из Йездеи“ или „Йезда“.

44 Сырчан — Сирджан, город на юго-востоке Ирана, в области Керман. Во время арабского владычества (VII — X вв.) был главным городом области, позднее уступил свое значение городу Керману. Оазис Сирджан в XIII—XV вв. производил пшеницу, хлопок, финики. Тогда же здесь была сильная крепость. Ныне город не существует. Местоположение его может быть определено лишь приблизительно в северо-восточной области Керман, между Зеренджом и Шехр-и Бабек („город Бабека“, названный так по имени отца Ардешира Бабегана, основателя династии Сасанидов). По словам Хамдаллаха Казвини, Сирджан находился в 16 фарсангах (около 100 км) от Шехр-и Бабек.

45 Таром, Тором — Тарум, Таром, город на юго-востоке иранской области Фарс, на большом караванном пути из Кашана и Исфахана к побережью Персидского залива. Город именовался иногда Тарумом фарсским, в отличие от округа Тарум (или Тарумейн — „оба Тарума“) в нагорной части

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ в 1466 г.

Объяснения к карте „Передняя Азия в 1466 г.“

Мусульманские государства

(Римские цифры без кружков)

I Государство чернобаранных туркмен (Кара-Койюнлу)
II Государство белобаранных туркмен (Ак-Койюнлу)
III Османская (Турецкая) держава
IV Эмирство Караман
V Египетско-сирийский султанат Мамлюков
VI Эмирство Зулкадар
VII Независимые княжества Мазандарана
VIII Ханство Ближнего Гиляна (Бийя Пиш)
XI Ханство Дальнего Гиля на (Бийя Пас)
X Ханство Талышское
XI Духовное княжество ардебильских шейхов Сефевидов
XII Владения Ширваншаха
XIII Эмирство Шеки
XIV Княжество Кайтак

Христианские государства

(Римские цифры в кружках)

I Царство Кахетия
II Царство Картлия
III Царство Имеретия
IV Княжество Мингрелия
V Княжество Абхазия
VI Княжество Гурия
VII Атабекство Месхетия (Самдхе-саатабаго)
VIII Королевство Кипр

● Пункты, через которые проходил Афанасий Никитин

Гиляна. Из Тарума во множестве вывозились финики („фуники“ Афанасия Никитина). — Батман — перс. — мера веса, различная для разных местностей, от 3 кг до нескольких пудов.

46 Лар — главный город округа Ларистан, в юго-восточной части области Фарс под 27°40′ с. ш. и 54°04′ в. д. В XIII—XV вв. он играл видную роль в транзитной торговле с Индией (Якут, Ибн Батута). По словам Хамдаллаха Казвини, большая часть горожан состояла из купцов занимавшихся морской торговлей. Ларистан находился во владении местной династии, бывшей во второй половине XV в. в вассальной зависимости от туркменских государей Ак-Койюнлу (династия Байяндури). Владетели Лара пользовались правом чеканить свою монету. Афанасий Никитин был в Ларе дважды: в 1469 г. и во время обратного пути в 1472 г. В это время в г. Ларе насчитывалось, по данным Барбаро, 2 тысячи домов (семейств), т. е. до 9 тысяч жителей.

47 Бендерь — перс. „бендер“, „бандар“, — гавань, порт. В данном случае имеется в виду Старый Хормуз (см. прим. 48), который Абд-ар-реззак Самарканди называет Бендер-и Хормуз, т. е. „Гавань Хормузская“.

48 Пристанище Гурмызское, Гурмыз — Хормуз, Хурмуз, у европейцев Ормуз. Старый Хормуз находился на материке, на побережье Персидского залива, близ его выхода в океан, несколько севернее 27° с. ш. и под 56°25′ в. д. Уже в X в. н. э. Хормуз, по данным арабских географов (Истахри, Макдиси), служил портом для области Керман и вообще для юго-востока Ирана. Уже в начале XIII в. Якут отмечает большую роль Хормуза в торговле с Индией. Суда, прибывшие из Индии, выгружали здесь товары, предназначенные для восточных областей Ирана — Кермана, Систана и Хорасана. После 1100 г. здесь правила династия арабского происхождения, представители которой носили титул „меликов“, а в XV в. — иногда „султанов“. Город пострадал во время монгольского нашествия. С 1262 г. хормузский мелик стал вассалом и данником монгольских ханов Ирана — Хулагуидов. Повидимому, однако, зависимость хормузского мелика от Хулагуидов была довольна слаба, так как уплачиваемая им дань, по словам Хамдаллаха Казвини, равнялась 6 туманам в год, — сумма незначительная по сравнению с огромными размерами товарооборота Хормуза. В XIII в торговое значение Хормуза сильно выросло. Он стал главной биржей и перегрузочным пунктом торговли между странами Передней и Средней Азии (отчасти и европейскими странами), Индией и Китаем. При монгольском государе Ирана Аргун-хане (1284—1291 гг.) генуэзцы представили этому хану проект направить всю индийско-европейскую торговлю через Хормуз и далее через Иран — Малую Азию; монгольские военные суда должны были перехватывать торговые суда, шедшие из Индии, препятствуя им двигаться через Красное море в Египет и направляя их в Хормуз.

Важными объектами торговли Хормуза были индиго и лошади; последние вывозились в Индию. Старый Хормуз на материке дважды (1272 и 1293 гг.) посетил Марко Поло. В начале XIV в., по некоторым данным около 1315 г., хормузский мелик Кутб-ад-дин, из-за нападений соседних разбойничьих банд (монгольских кочевников), перенес город с портом и рынком на скалистый, бесплодный и знойный остров Джераун, по одним данным — в 3 фарсангах, по другим, более точным данным (Хамдаллах Казвини) — в 1 фарсанге от Старого Хормуза. Так возник Новый Хормуз на острове, в XIV—XV вв. полностью унаследовавший торговое значение старого города. Описание Нового Хормуза дано Ибн Батутой (1331 г.) и Абд-ар-реззаком Самарканди (1442 г.). Из европейских путешественников описание Нового Хормуза, в котором был и Афанасий Никитин, дано Одорико из Порденоне (1321 г.), Барбаро (1474 г.) и др. В XIV в. хормузский мелик Туранштах (приблизительно 1348—1378 гг.) составил не дошедшую до нас историю Хормуза; очень подробные сведения по истории Хормуза конца XIV — первой половины XV в. сообщает недавно открытый В. В. Бартольдом персидский источник XV в. Джа'фари. По данным этого автора, мелик Хормуза в это время, благодаря доходам от морской торговли с Индией и Китаем и от жемчужной ловли, располагал большими денежными средствами, флотом и наемными войсками. Он уплачивал (с 1396 г.) Тимуру ежегодную дань в 30 туманов — деньгами, жемчугом и тканями. Мелик хормузский в то время подчинил себе все острова Персидского залива и арабский берег его, вплоть до Омана. Против одного из непокорных вассалов мелик Мухаммед-шах мог послать флот из 300 кораблей. При мелике Сейф-ад-дине Махаре (1417—1437 гг.) „несколько раз приходило со стороны Китая [Чин] много джонок с китайскими изделиями и многими тканями. Он [мелик] продал им жемчуг и «царский жемчуг» и взял за это много добра, состоявшего из золота, серебра, тканей и китайских изделий, и наполнил свою казну" (Джа'фари). Из этого и других рассказов видно, что: 1) владетель Хормуза, — как и везде владетельные феодалы Передней и Средней Азии,— сам принимал активное участие во внешней торговле и был главным ее организатором; 2) торговля эта лишь отчасти велась на деньги, частью же была меновой, как везде в Иране. Персоязычный историк Абд-ар-реззак Самарканди, отправленный Шахрухом с посольством в Индию, побывал в Хормузе проездом в 1442 г. Этот автор нашел здесь купцов из Египта, Сирии, Рума (Малой Азии), Азербайджана, Ирака арабского (Месопотамии), разных областей Ирана, Средней Азии, Дешт-и Кыпчака (Золотая Орда), Чина и Мачина (Китай), Бенгалии, Малабара, Виджаянагара и других областей Индии, Адена, Джидды и других местностей Аравии. В Хормузе продавались всякие товары, какие только можно было доставить морским путем. Со всех видов товаров, кроме золота и серебра, взималась пошлина в размере $^1/_{10}$ стоимости товаров. Торговля велась, по словам этого автора,

Объяснения к карте „Индия в 1472 г.“

Мусульманские государства
(Римские цифры без кружков)

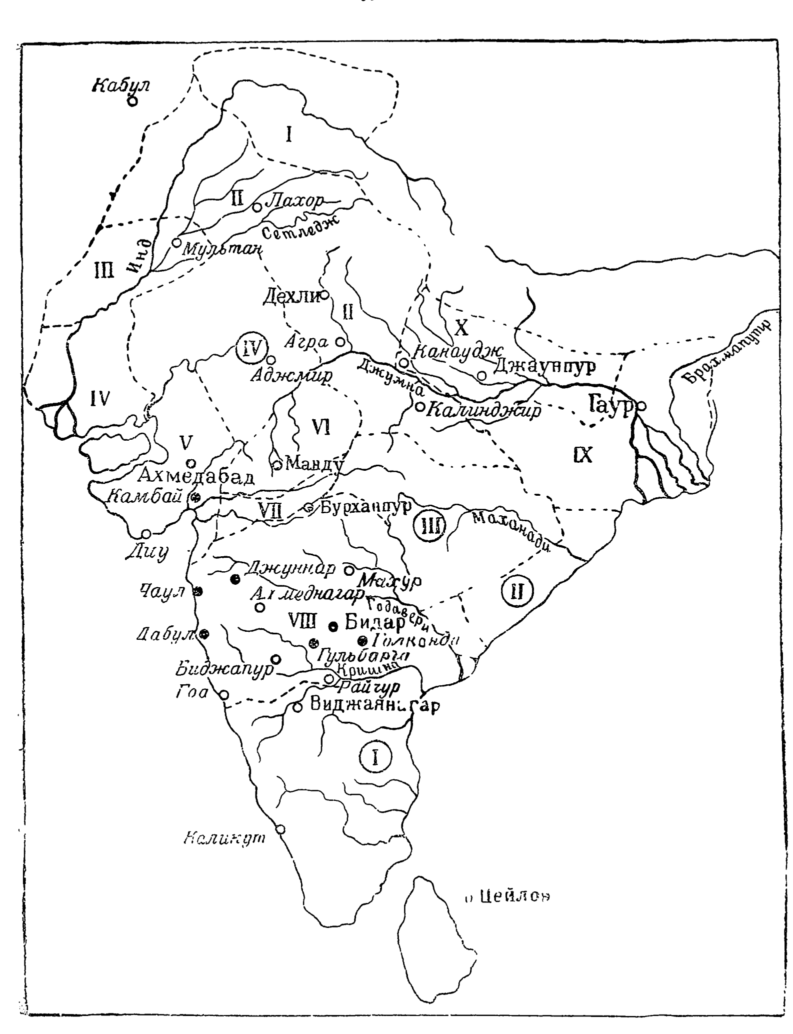
I Кашмир
II Дехлийский султанат
III Мультан
IV Синд
V Царство Гуджерат
VI Царство Мальва
VII Царство Хандеш
VIII Царство Бахманидов
IX Царство Бенгалия
X Царство Джаунпур

Индийские государства
(Римские цифры в кружках)

I Царство Виджаянагар
II Ориса
III Гондвана
IV Раджпутана

● Пункты, через которые проходил Афанасий Никитин

ИНДИЯ в 1472 г.



частью на деньги, частью в порядке обмена. Купцы и путешественники всех стран, народов и религий находили в Хормузе покровительство и защиту властей, почему и городу присваивали эпитет „Дар ал-аман“ — „Обитель безопасности“. Во время путешествия Афанасия Никитина хормузский мелик платил дань Узун-Хасану Ак-Койюнлу (см. прим. 342).

49 Море Индейское, а парьсейским языком дория Гондустаньская — Индийский океан, см. прим. 2. — Парьсейский язык — персидский.

50 Тава — местное название морского судна (на одном из индийских языков — маратхи — „даба“). По известиям путешественников XIII—XV вв., суда, плававшие из Хормуза в Индию, были примитивной стройки и небезопасные. Марко Поло, Одорико из Порденоне, а в начале XV в. Клавихо (писавший с чужих слов) уверяют, что эти корабли строились вовсе без железа, с деревянными гвоздями, ввиду существовавшего среди моряков поверья, согласно которому Персидский залив будто бы изобиловал магнитными скалами, при приближении к которым все железные части кораблей притягивались, а суда разбивались. По описанию Абд-ар-реззака Самарканди, плавание на этих судах было крайне тягостным. В пути суда подвергались опасности нападений со стороны пиратов. Сезон плавания оканчивался с наступлением периода муссонов (май — август), приносивших бури и грозы.

51 В таву с коньми. Различные авторы сообщают о массовом вывозе в XIII—XV вв. из стран Восточной Европы и Передней Азии верховых лошадей, особенно из стран кочевых народов, где лошади были дешевы, через Хормуз в Индию, где они были дороги. Подробности об этом импорте лошадей в Индию сообщает Ибн-Батута (XIV в.). По его рассказу, верховых лошадей для путешествий и быстрой езды в Индию ввозили из южной Аравии (Йемена и Омана) и Фарса, боевых же коней (которых покрывали кольчугами) доставляли из золотоордынских степей. Этих татарских лошадей на их родине купцы покупали по 50—60 дирхемов (по 8—10 динаров; 1 динар содержал 13 грамм серебра) за голову. Затем лошадей гнали караванными путями к Хормузу, причем с одним караваном нередко перегоняли до 6 тысяч коней и больше; на каждого купца в среднем приходилось по 100—200 коней. Из Хормуза лошади морем доставлялись в Индию, где с купцов взимали пошлину: с мусульман „закат“ (2.5%), а с не-мусульман — 10% стоимости коней. В Индии же малоценные татарские лошади продавались по 100 динаров (600 дирхемов) за голову; на лучших лошадей цена доходила до 500 динаров и выше. Таким образом, доходы купцов были очень велики. Афанасий Никитин, как видно из его рассказа, повез из Хормуза в Индию жеребца, рассчитывая на большую прибыль. Подобные же данные о ввозе коней в Индию сообщают другие писатели. По словам персидского историка Вассафа (начало XIV в.), во времена фарсского ата-

бека Абу-Бекра (1226—1260 гг.) в Индию из Фарса ежегодно вывозилось до 10 тысяч коней; средняя стоимость коня там определялась в 220 золотых динаров (2200 дирхемов). То же было и в XVI в., когда, по данным Вартемы и Цезаря Фредерика, привозной конь в Индии стоил от 300 до 1000 дукатов. Индийские цари Виджаянагара временами старались, при помощи морских разбойников, препятствовать ввозу боевых коней в порты, принадлежавшие мусульманским царям Бахманидам (Чаул, Дабул и др.). О причинах, препятствовавших развитию коневодства в Индии, см. прим. 80.

[52] Мошкат — Маскат, порт на Оманском берегу Аравийского полуострова, под 23°37′ с. ш. и 58°30′ в. д. Уже в IX—X вв. Маскат был известен как пункт отправления кораблей в Индию. Был местом кораблестроения. Во второй половине XIV в. и в XV в. находился под властью хормузского мелика, хотя здесь были и местные вассальные владетели.

[53] Дега. Неясно, какой пункт называет этим именем Афанасий Никитин. Можно было бы предположить, как это делает Срезневский, Диу (Двипа) — порт на острове у полуострова Катхиавар под 20°42′ с. ш. и 71° в. д. в Гуджератской области в Индии. Во время Афанасия Никитина Диу был крупным портом, куда прибывали корабли из Хормуза, Маската и других пунктов. Однако сообщение Никитина о том, что путь „от Мошката до Дегу 4 дни“, — невероятно. В другом месте Афанасий Никитин дает такие подробности относительно своего маршрута: „А от Гурмыза ити морем до Голат 10 дни, а от Галата до Дегу 6 дни, а от Дега до Машката 6 дни, а от Мошката до Кучьзрята 10 днии“. Галат — без сомнения упоминаемый у Абд-ар-реззака Самарканди, а также у Марко Поло и Ибн Батуты Калхат (быстро произносимое это слово звучит как Галат), лежавший также в Оманской области. Данные двух приведенных в „Хожении“ маршрутов Афанасия Никитина (второй маршрут приведен ниже) противоречат друг другу: в одном случае расстояние Маскат-Дега — 4 дня, в другом — 6 дней. То и другое невероятно, если Дега = Диу. Минаев предполагает, что „Дега Аф. Никитина есть то же, что Дехач (или Dezat), местность на персидском берегу, принадлежавший гормузскому царю и упоминаемый Барбосой“. Но такой вывод не объясняет другого противоречия у Афанасия Никитина. В одном случае Афанасий Никитин приводит маршрут Хормуз — Маскат — Дега, в другом же — Хормуз — Калхат — Дега — Маскат. Следовательно, неясно, заезжал ли Афанасий Никитин в Дегу, уже миновав Маскат, или, напротив, еще не доезжая Маската. Повидимому, здесь память изменила нашему путешественнику, и сделать какой-либо категорический вывод относительно местоположения Дега трудно. Можно лишь допустить, что Дега — не индийский город Диу, а один из пунктов на оманском или иранском берегу Персидского залива Неясно, сколько времени занял у Афанасия Никитина морской путь от Хор-

муза до Гуджерата. Согласно приведенному выше маршруту, этот путь должен был бы составить 32 дня. Минаев предлагает поправку в чтении текста: вместо „а от Дега до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучьэрята — 10 дни“ читать „а от Дега до Кучьэрята 10 дни“; тогда путь от Хормуза составил бы 26 дней, а путь от Калхата до Гуджерата составил бы 16 дней. Такой расчет близко подходит к сообщению Абд-ар-реззака Самарканди о том, что путь от Калхата до Каликута он совершил в 18 дней.

[54] Кужэрят, Кучьэрят, Кузрят — Гуджерат, иначе Гузерат. В XV в. эта область западной Индии заключала в себе Суратский полуостров с Диу, район Бомбея и ряд районов к востоку. Походы мусульман в Гуджерат начались при Махмуде Газневиде (998—1030 гг.), но прочно покорена была область дехлийским султаном Ала-ад-дином лишь в конце XIII в. В 1396 г. наместник дехлийского султана Зафар-хан, мусульманин, стал независимым, государем Гуджерата, приняв имя Музаффар-шаха. Основанная им династия мусульманских царей (шахов) Гуджерата правила здесь с 1396 по 1572 г. Во время Афанасия Никитина, при Махмуд-шахе I Байкара (1458—1511 гг.), Гуджерат был сильным государством. Личность и правление этого шаха гуджератского, храброго воина, фанатичного мусульманина, вместе с тем крутого, своенравного и подозрительного деспота, часто отравлявшего своих сановников и жен, подробно описаны в начале XVI в. путешественниками — итальянцем Вартемой и португальцем Дуарте Барбосой.

[55] Краска ниль — ар. „ниль“ — синяя краска индиго, один из главных предметов индо-иранской торговли.

[56] Лек — по предположению Минаева, — лакх, продукт coccus lacca, красильное вещество.

[57] Конбат, Канбат — Камбаят, Камбай, индийский порт у одноименного залива, в области Гуджерат, под 22°17′ с. ш. и 72°34′ в. д. Во второй половине XV в. был одним из крупнейших индийских портов, вывозивших в страны Передней Азии хлопчатобумажные и шелковые ткани местного производства, индиго, соль, сердолики и другие товары. По словам Вартемы, в начале XVI в. гавань Камбая ежегодно посещали 300—350 кораблей. Камбай входил в состав владений шаха гуджератского.

[58] Чивиль, Чювиль — Чаул, Чавул, Шийул, Chaul de Cima португальских хроник, Συμύλλα Птоломея (II в. н. э.) — гавань на малабарском побережье Индии, к югу от Бомбея, под 18°30′ с. ш. и 72°55′ в. д. Близ него некогда находился древний город Чампавати. Чаул служил пунктом посреднической торговли между северо-западной и южной Индией. По словам португальца Дуарте Барбосы (начало XVI в.), с севера (из Камбая) в Чаул привозили ткани, с юга (из Каликута) — пряности, тростниковый сахар, кокосовые орехи, изумруды. Из внутренней Индии (Декана) в Чаул при-

возили сельскохозяйственную продукцию. Чаул был также портом для вывоза индийских товаров в Иран и Аравию, но менее значительным, нежели Камбай. Вывозная торговля находилась в руках мусульманских купцов. Население города состояло из мусульман и индуистов, здесь были также небольшие общины индийских христиан (несторианского и монофизитского толка), о которых Афанасий Никитин, вероятно, не слышал, евреев и персов-зороастрийцев (гебров), эмигрантов из Ирана. С половины XIV в. Чаул входил в состав владений династии Бахманидов. Сообщение нашего путешественника о местном „князе" в Чауле, повидимому, относится к наместнику бахманидского султана. Об этом наместнике, собиравшем здесь пошлины и подати для султана, упоминает Барбоса. Слова Афанасия Никитина о морском путешествии до Чаула в течение 6 недель надо думать, означают весь морской путь от Хормуза до Чаула, поскольку остановка Афанасия в Камбае была кратковременна; в другом месте „Хожения" автор говорит, что путь от Камбая до „Чивеля" (Чаула) равняется 12 дням.

59 И тут есть Индейская страна, и люди ходят нагы все... Легкая одежда индийцев, у сельчан и городской бедноты сводившаяся к куску ткани вокруг бедер, описана многими средневековыми путешественниками. Марко Поло (XIII в.) говорит, — впрочем, с преувеличением, — что во всей области Маабар нет ни одного портного, ибо все ходят обнаженными. Ибн Батута с удивлением отмечает, что в южной Индии не только мужчины не имеют иной одежды, кроме повязки вокруг бедер, но и женщины надевают только юбки, оставляя верхнюю часть тела (выше пояса) открытой. Знатные люди, по словам путешественников (Марко Поло, XIII в., Николо Конти XV в., Вартема XVI в.), одевались хоть и в легкие, но дорогие ткани, причем и мужчины и женщины носили много золотых и серебряных украшений с драгоценными камнями. Мусульманские цари в Индии, по словам индо-персидского историка XVI в. Фериштэ, носили золотые короны, осыпанные драгоценными камнями.

60 Фота — перс.-ар. „фута", инд. „фота", иначе „дхоти" — кусок ткани, повязанный на голое тело вокруг бедер; также легкая ткань, из которой приготовлялись чалмы, повязываемые мусульманами на голову.

61 Пали — город к востоку от Чаула, под 18°31′ с. ш. и 73°18′ в. д.

62 Умри — по предположению Минаева, „Умра", местечко к северу от Пали. Однако при таком толковании трудно допустить, чтобы Афанасий Никитин мог затратить на путь от Пали до Умри 10 дней.

63 Чюнейрь, Чюнерь — Джунейр, Джунир, Джуннар, Жуннар, старинный город к востоку от Бомбея и к северу от Пуны, под 19°12′ с. ш. и 73°50′ в. д. К юго-востоку от города находилась крепкая цитадель на скале, в окрестностях было много пещерных храмов, созданных в свое

время буддистами. Город входил в состав владений династии Бахманидов.

64 Асатхан... холоп меликтучяров — Асад-хан, вероятно, джуннарский наместник (согласно Фериштэ — военачальник) Мухаммед-шаха III. В 1347 г. в Декане создалось особое мусульманское государство во главе с династией Бахманидов (см. прим. 107). Современным Афанасию Никитину представителем династии Бахманидов был Мухаммед-шах III (1463—1482 гг.). Так как от имени этого юного шаха государством фактически управлял министр (везир) Мухаммед-Гаван, носивший титул (лакаб) мелик-ат-туджжар „князь купцов“ (см. прим. 109), то Афанасий Никитин и называет Асад-хана „холоп меликтучяров“; мелик-ат-туджжар у Афанасия Никитина везде именуется меликтучар, меликтучяр.

65 Тма, тьма — монг. „тумен“ — „десять тысяч“. Отсюда перс. „туман“, русск. „тьма“. Термин этот в монгольских государствах XIII—XIV вв., а вслед за ними и в ряде других мусульманских государств XIV—XV вв. имел двоякое значение: 1) десятитысячный корпус войска (точнее, феодального ополчения); 2) военно-административный округ, поставлявший десятитысячное (эта официальная цифра обычно значительно превышала действительную) феодальное ополчение. Данные Афанасия Никитина о числе туменов, находившихся под началом мелик-ат-туджжара и Асад-хана, сильно преувеличены.

66 Кафары, кофары — от араб. „кафир“, множ. ч. „кафирун“ или „куффар“, в первоначальном значении „неблагодарный“ (по отношению к богу, за ниспосланное им откровение — Коран), позднее — „неверующий“, „неверный“ — „не мусульманин“. В мусульманской богословско-юридической литературе вопрос о кафирах и об отношении к ним трактуется весьма подробно. Различаются отдельные виды „неверия“ и разные категории кафиров. Более снисходительно мусульманские законоведы относятся к „людям писания“ (ар. „ахл ал-китаб“) — евреям и христианам — как обладающим „писанием“, переданным через пророков (Моисея, Иисуса), хотя позже и извращенным. По отношению к вере и культу „людей писания“ допускается терпимость, однако лишь при условии, если они являются зиммиями, т. е. признают себя подданными мусульманского государства и уплачивают установленную для них подушную подать (джизья). По отношению к „идолопоклонникам“ веротерпимость, по крайней мере в теории, не допускается. К этой категории кафиров мусульмане относили и последователей религии индуизма. Такие кафиры, если были ими от рождения, попадая в плен к мусульманам, подлежали смерти или обращению в рабство (мужчины), женщины и дети во всяком случае обрекались на рабство. Отступники от мусульманства (муртадд), попадая в руки мусульман, осуждались на смерть. Осуждение душ кафиров на вечные муки в аду — прочно

установленный догмат ислама. У Афанасия Никитина „кафарами“ или „кофарами“ (эта форма образована от арабск. множ. ч. „куффар“, „коффар“) называются исключительно индуисты; он тщательно отличает их от „бесерман“, т. е. мусульман, как и от христиан и евреев. Религиозная политика мусульманских государей в Индии по отношению к „идолопоклонникам“ — индуистам — не отличалась последовательностью. Некоторые из мусульманских правителей Индии, строго придерживаясь буквы мусульмнского права, не допускали никакой терпимости по отношению к индуистам и подвергали их жестоким гонениям. Особенно фанатичными гонителями индуизма были дехлийские султаны Ала-ад-дин Мухаммед-шах Хальджи (1296—1316 гг.) и Фируз-шах (1351—1388 гг.); другие правители терпели индуистов, облагая их лишь податью для иноверцев (джизья). С термином „кафир“ не следует смешивать термин „гяур“, употребительный у османских турков, имеющий то же значение, но иное происхождение: слово „гяур“ происходит от перс. „гебр“, последний термин означает в точном смысле зороастрийцев, но издавна прилагается также и к прочим „неверующим“. Войны с индийскими „идолопоклонниками“, о которых говорит Афанасий Никитин („Меликтучар... бьется с кофары 20 лет...“), — с царством Виджаянагар и другими немусульманскими государствами Индии, рассматривались индийскими мусульманами как „войны за веру“ и обычно принимали характер организованной охоты за рабами-пленниками, о чем также Афанасий Никитин упоминает несколько раз.

67 Хан же ездит на людях... — имеется в виду часто практиковавшийся у знатных людей в Индии способ передвижения на носилках, несомых рабами и наемными слугами.

68 Хорозанцы, хоросанцы — выходцы из Хорасана.

69 Хоросаньская земля — Хорасан, северо-восточная область Ирана. В средние века к Хорасану причисляли всю территорию от Большой Иранской солончаковой пустыни (Дешт-и Кевир) на западе до р. Амударьи и гор Бадахшана на востоке и от Хорезмийской пустыни (ныне пустыня Кара-кум) на севере до южной цепи Хиндукушских гор и до области Систан (Сеистан) на юге. В XV в. Хорасан входил в состав владений державы Тимуридов и делился на 4 области с центрами в Херате, Балхе, Мерве и Нишапуре. Хорасан был населен ираноязычными народностями (персы, таджики, афганцы), частью и кочевыми тюркскими племенами.

70 Орапская земля — Аравийский полуостров, особенно южные его области (Йемен, Хадрамаут и Оман), ведшие в средние века систематическую морскую торговлю с Индией.

71 Чеготаньская земля — собственно Чагатайская земля, в XIII—XV вв. обычное название Средней Азии. Чагатайское государство, в составе

Мавераннахра (нынешние Узбекистан и Таджикистан), Семиречья (юго-восточная часть нынешнего Казахстана) и Восточного Туркестана (Кашгарии), образовалось после монгольского завоевания и смерти Чингис-хана (1227 г.), когда эти области были выделены в удел (улус) его второму сыну Чагатаю (или Чаадаю, правил в 1227—1242 гг.) и его потомкам (до 1370 г.). По имени Чагатая страна продолжала именоваться Чагатайским улусом даже после прекращения там династии Чагатаидов, при династии Тимуридов (1370—1500 гг.), в руках которых страна находилась и во времена Афанасия Никитина.

72 Индѣйская земля — Индостан, Индия.

73 Зима же у них стала с тройцына дни... Зимою здесь Афанасий Никитин называет период муссонов в Индии, сопровождающийся обильными дождями и грозами и продолжающийся с июня до октября.

74 Орють да сеють пшеницу, да тутурган, да ногут... имеются в виду приготовления ко второму севу и ко второй осенней жатве в Индии. „Нугут" — перс. „нухуд" — горох. Сомнения вызывает термин „тутурган", быть может искаженный переписчиками.

75 Вино... чинят в великих оресех... — повидимому, вино кокосовой пальмы.

76 Коза гундустаньская — по мнению Минаева, „коса" (на языке гуджерати), кожаный мех для хранения напитков.

77 Брагу чинят в татну — согласно Минаеву, речь идет об изготовлении опьяняющего напитка из пальмовой коры.

78 Кичирис — см. прим. 131.

79 Шьшени — шешни, рисовые лепешки.

80 Во Индейской земле кони ся у них не родят. Согласно распространенному в средние века мнению (см. у Марко Поло), климат Индии считался губительным для лошадей. Вероятно, частый падеж лошадей здесь вызывался неблагоприятными условиями корма их. По словам французского путешественника купца Тавернье (XVII в.), уход за лошадьми в Индии труден, их кормят моченым горохом и мучными шариками с сахарным тростником. Об огромных размерах ввоза верховых и боевых коней в Индию и их дороговизне см. прим. 51.

81 Чюнер — см. прим. 63.

82 Подворье. Подробное описание даровых приютов для путников в старой Индии, а также аналогичных убежищ для странников, построенных мусульманами, дано И. П. Минаевым (стр. 32—33); приведем его здесь: „Помещения в некоторых дхарма-салах, виденных нами, например, в Насике, отличаются необыкновенною чистотой, прохладой и, конечно, неизмеримо выше тех грязных приютов, которые известны в Индии под именем «дак-

бангалоу» и содержатся британским правительством на пользу европейских путешественников. «Дхарма-сала» — «дом благочестия» или «пантха-сала»— «приют для путников» в старой Индии строились частными лицами, а также правителями. В одном позднем санскритском памятнике, однако пользующемся некоторою популярностью в Махратской стране, описано несложное хозяйство такого приюта для путников. Царю вменялось в обязанность построение таковых приютов между каждыми двумя деревнями. Деревенские старосты (грамапа) должны были наблюдать за чистотою в этих домах. Пришедшего в этот дом путника староста должен был допрашивать: «Откуда и куда идешь? По какому делу? Есть ли у тебя товарищи или нет? Какое у тебя оружие? На чем приехал? Какой касты? Где постоянно живешь?» Ответы на эти вопросы записывались, а оружие отбиралось на ночь. Пересчитав путешественников, староста запирал их в доме на ночь и сторожил. На утро они выпускались из дому, и им возвращалось отобранное оружие". И при мусульманских государях Индии строились подобные же приюты, иногда с отдельными помещениями для мусульман и индуистов. При подобном доме строилась мечеть, к ней определялись имам и муэззин. Шир-шах, султан дехлийский (1539—1545 гг.), построил до 1700 подобных подворий по дорогам северной Индии. Афанасий Никитин сообщает об этих подворьях любопытную подробность, которой нет у других авторов: там „есть варят на гости господарыни („хозяйки"; не рабыни ли? — *И. П.*), и постелю стелють, и спять с гостьми". Странноприимные дома были во множестве и в мусульманских странах — Иране и др. Ибн Батута постоянно останавливался в таких подворьях (завийя) и описывает их подробно. Мусульманские странноприимные дома находились в ведении духовных лиц (шейхов), на содержание их отписывались завещанные имущества (вакфы), при них находились рабы и рабыни, прислуживавшие путникам и готовившие для них пищу, но при этом проституция, подобная описанной Афанасием Никитиным в Индии, не допускалась. Путника там не спрашивали, кто он и откуда, ему предоставляли бесплатно помещение и пищу по крайней мере на 3 дня. Вероятно, в таких подворьях в Иране останавливался и Афанасий Никитин.

[83] Сикиш иляресен... сикиш муфут — одна из тюркских фраз, часто дальше вкрапленных в текст „Хожения", см. перевод, стр. 57; о тюркском языке Афанасия Никитина см. прим. 329.

[84] Оло, оло, абрь, оло ак, оло керим, оло рагым — (ар.) „Аллах, аллах акбар, аллах хакк, аллах керим, аллах рахим" — „Бог, бог величайший, бог-истина, бог благой, бог милосердный" — обычные эпитеты бога у мусульман.

[85] Бесерменин — искаженное „мусульманин".

[86] Махмет-дени — ар.-т. „Мухаммед-дини" — „мухаммедова вера", т. е. ислам, мусульманство.

[87] А стань в веру нашу, в Махмет-дени. Согласно мусульманскому праву, иноверцы из категории „людей писания" (христиане и евреи, см. прим. 66) пользовались свободой культа и постоянным покровительством закона только в том случае, если они были зиммиями — подданными мусульманского государства — и платили установленную для иноверцев подушную подать (джизья). Мустаминн, т. е. иноверец, прибывший из „стран кафиров" в мусульманское государство ради торговли или иных дел, пользовался там покровительством закона в течение года, после чего он должен был либо уехать, либо принять ислам, либо перейти в категорию зиммиев; в противном случае он подлежал обращению в рабство. Очевидно, на основании этого права Асад-хан и добивался у Афанасия Никитина его перехода в ислам.

[88] Хозяйочи — повидимому, искаженное слово; возможно, следует „хазиначи" (ар.-т.) — „казначей". Можно здесь также предполагать какую-либо форму, производную от перс. „ходжа" — „старец", „господин", „министр", „сановник" — эпитет, присваивавшийся в XV в. гражданским чиновникам, духовным лицам, уважаемым купцам. Из перс. „ходжа" (в искаженной татарской форме „хозя") произошло русское „хозяин".

[89] Кофары, ни крестьяне, ни бесерьмана — индуисты (см. прим. 65).

[90] Бедерь — Бидар, большой индийский старинный город под 17°55′ с. ш. и 77°32′ в. д., в 100 км на северо-запад от Хайдарабада, на высоте 700 м над у. м., в центре страны Декан (на яз. хинди Dakkhan, санскритск. Dakshina, пракритск. Dakkhinabadha — „южная страна"), т. е. области от гор Виндхья и р. Годавери на севере до р. Кришны (Кистны) на юге. Население Декана на севере говорит на языках индийской системы (маратхи на северо-западе, урья на северо-востоке), в центре и на юге — на языках дравидийской системы. Бидар лежит в области языка маратхи. Завоевание Декана мусульманами началось с 1294 г., с походов Ала-ад-дина Хальджи дехлийского. В XIV в. Декан, а вместе с ним и Бидар вошли в состав владений шахов Декана из династии Бахманидов (1347—1526 гг.), девятый представитель которой, Ахмед-шах I (1422—1435 гг.), перестроил Бидар и перенес сюда свою столицу из Гульбарги. И при Афанасии Никитине Бидар оставался столицей Бахманидов, которых Афанасий Никитин ошибочно считал верховными государями всей мусульманской Индии („в Бедери же их стол Гундустану бесерменьскому"), каковыми считались (номинально в то время) дехлийские султаны из династии Лоди (1451—1526 гг.). Бидар оставался во владении Бахманидов до

1490 г. В XV в. Бидар был крупным торговым центром; здесь продавались, между прочим, шелковые ткани, камка (кимха или кимхаб, персидская шелковая златотканная ткань), кони (из стран Передней Азии, главным образом арабские и татарские), индийские и привозные рабы. Подробности о вывозе коней в Индию (из Хормуза), о торге ими, помимо Ибн Батуты (см. прим. 51), сообщают персидский историк Вассаф и путешественники Марко Поло (XIII в.), Вартема, Цезарь Фредерик (XVI в.). Под черными рабами Афанасий Никитин, повидимому, подразумевает не привозных негров из Африки, а местных невольников, быть может из дравидийских народностей южной Индии. Бидар был известен также своими металлическими изделиями (чаши, подсвечники, трубки и др.). В городе XV в. была цитадель („султанов двор", с 7 воротами, — у Афанасия Никитина), развалины которой сохранились до настоящего времени. В цитадели несколько дворцов, из которых лучший — Ран-Махал — был извне облицован разноцветными фаянсовыми плитками. В цитадели находится мечеть, известная теперь под именем Сола-Кхамб Месджид — „Шестнадцатиколонная мечеть". Махмуд Гаваном Мелик-ат-туджжаром (см. прим. 109) в Бидаре построено в 1478 г. большое медресэ (высшее училище). Индо-персидский историк Фериштэ (XVI в.) подробно описывает медресэ Махмуд Гавана в Бидаре. Медресэ, занимавшее пространство в 60 м длиною и свыше 50 м шириною, выходило на площадь, называемую перекрестком Гавана. С восточной стороны в медресэ входили через арку высокого портала, с 2 минаретами, высотою до 30 м, по сторонам. Кельи для студентов (худжры) выходили в 3 этажа, на квадратный двор, занимавший середину комплекса зданий медресэ. В середине каждой из 3 сторон двора (в четвертой находилась входная арка) была высокая, во все 3 этажа, зала под куполом (аудитория). Куполы и наружные стены медресэ были облицованы цветными глазурованными изразцами, покрытыми по зеленому и золотому полю стихами из Корана и другими надписями. При медресэ была библиотека из 3 тысяч рукописей.

91 Кулонгерь, Кулонкерь — Кулунгир, город в Декане, в 90 км от Гульбарги.

92 Келуберг, Кельберг, Кельберх, — Гульбарга или (на языке маратхи) Кульбарга — город в Декане под 17°23′ с. ш. и 76°48′ в. д., в 90 км к юго-западу от Бидара. До половины XIV в. был небольшим городом, но значение его сильно выросло после того, как с 1347 г. он стал столицею деканских мусульманских царей Бахманидов; в 1429 г. столица их была перенесена в Бидар. В Гульбарге сохранились великолепные мавзолеи бахманидских царей и соборная мечеть. От Гульбарги начинается область населения, говорящего на дравидийских языках (ближайший из них язык канари).

[93] Ков — гав, в индийских языках мера длины, различная для разных областей Индии, от 6.5 до 15 км. Афанасий Никитин считает „в кове по 10 верст“ в среднем.

[94] Камка — перс. „кимха“, „кимхаб“ — шитая золотая шелковая ткань, парча.

[95] Бояре все хоросанци... Понимать это выражение Афанасия Никитина буквально было бы неправильно; его можно понять лишь в том смысле, что среди мусульманских феодалов Индии (в частности и Декана) преобладал пришлый, неиндийский элемент. Большинство мусульманских феодалов и чиновников в Индии состояло из тюрков, афганцев и персов; среди последних выходцы из Хорасана занимали видное место, особенно среди гражданской бюрократии и связанного с нею крупного купечества. Индусы — не-мусульмане („гундустанци“) под владычеством мусульман занимали бесправное и приниженное положение, отмеченное нашим автором.

[96] А к слоном вяжут к рылу... — см. прим. 113. — Кентарь — см. прим. 250.

[97] Пушки. Первое упоминание об огнестрельном оружии на мусульманском Востоке проф. А. М. Беленицкий встретил у персидского историка Муин-ад-дина Натанзи („аноним Искендера“, XV в.), под 780 г. хиджры — 1378 г. н. э. (рассказ об осаде Тимуром Ургенча в Средней Азии). В 60—70-х годах XV в. пушки были уже в повсеместном употреблении не только у османских турков, но и, хотя и в очень небольшом количестве, у крупных государей Ирана, Средней Азии (в государствах Ак-Койюнлу и Тимуридов), а также мусульманской Индии. Пушки доставлялись из Западной Европы, большей частью венецианцами, морским и караванным путем (в государство Тимуридов — через Крым, Астрахань, Каспийское море и Астрабад). Есть известие, что в конце XV в. пушки грубой работы изготовлялись в Херате, столице тимуридских султанов (в Хорасане).

[98] Шихб Алудин — шейх Ала-ад-дин, местный (близ Гульбарги) мусульманский святой, гробница („пир“) которого находилась, по описанию Афанасия Никитина, в Алланде. Этого Ала-ад-дина позднее отожествляли с дехлийским султаном Ала-ад-дином Хальджи (1296—1316 гг.). В настоящее время около Гульбарги есть мавзолей мусульманского святого Банда-Наваз. — Ших, шихб — искаженное ар. шейх. — Пир — перс. — „старец“, „суфийско-дервишеский наставник“ (синоним ар. „шейх“), „святой“, также (вульгарное) „гробница святого“, „мавзолей“.

[99] Алядинанд (искажение), Алянд — Алланд, город в 45 км к северо-востоку от Гульбарги, под 17°30′ с. ш. и 76°41′ в. д. В XV в. здесь про-

исходила ежегодно значительная ярмарка (базар) с конским рынком, собиравшаяся к празднику шейха Ала-ад-дина.

[100] Птица гукук — по индийским поверьям, ночная зловещая птица, возможно сова.

[101] Мамон, мамонь. Скорее всего Афанасий Никитин имеет в виду обезьян или некоторые их породы (от ар. „маймун“ — „обезьяна“); Минаев (стр. 126—127) предполагает значение „змей“ (на языке хинди „мамун“ — „змей“), что, однако, противоречит контексту в других местах у Афанасия Никитина. В английском переводе Афанасия Никитина „мамоны“ переведены „дикие кошки“ — перевод, не имеющий никакого основания.

[102] Князь обезьянский, да ходит ратию своею... Эти слова Афанасия Никитина, без сомнения, основаны на слышанном им широко известном в Индии сказании, из цикла мифов, обработанных в героическом эпосе „Рамаяна“, о царе обезьян Сугриве и его полководце Ханумане, союзниках героя эпоса, царевича Рамы; у индуистов Хануман почитается как одно из низших божеств. В дальнейшем в рассказах Афанасия Никитина об обезьянах (мамунах) смешаны слышанные им легендарные рассказы с впечатлениями действительности.

[103] Базы миканет — перс. „бази микунед“ — „играет“, „ведет игру“. Под „бази“ в средние века понимались рыцарские игры, вроде поло и иных, также народный театр.

[104] Весна же у них стала с Покрова. „Весною“ в данном случае Афанасий Никитин называет сухое время года в Индии, время второй жатвы, начиная с октября.

[105] Ших Аладин — см. прим. 98.

[106] В Бедери стол Гундустану бесерменьскому. В действительности Бидар был столицей только царства Бахманидов, а не всей мусульманской Индии, каковой (в XV в. — номинально) признавался город Дехли.

[107] Салтан велик двадцати лет... Султан — юный деканский мусульманский царь Мухаммед-шах III (1463—1482 гг.) из династии Бахманидов (1347—1525/26 гг.); Мухаммед-шаху при вступлении на престол было 9 лет, следовательно, во время пребывания Афанасия Никитина в Индии (1469—1472 гг.) Мухаммед-шаху было не 20, а от 15 до 18 лет. От имени юного султана фактически правил государством везир (министр) Махмуд Гаван, по прозвищу Мелик-ат-туджжар (см. прим. 109). Государство Бахманидов (Бахманиев) образовалось при следующих обстоятельствах. Завоевание Декана (см. прим. 90) мусульманами началось в конце XIII в. Племянник дехлийского султана Джелал-ад-дина Фируз-шаха (1290—1296), воинственный Ала-ад-дин Мухаммед (впоследствии султан дехлийский, 1296—1316 гг), завоевал большую часть Декана, овладев, между прочим, важным

и богатым городом Деогири, позднее переименованным мусульманами в Даулетабад. Завоевание сопровождалось сожжением городов и селений, резней, захватом богатой военной добычи, уводом больших масс жителей в рабство, разрушением множества индуистских храмов и уничтожением их „идолов“. Завоевание Декана мусульманами было закончено при дехлийском султане Мухаммеде II ибн Тоглуке (1325—1351 гг.), но жестокая эксплоатация и религиозные гонения вызвали массовые восстания индусов в Декане и усиление сопротивления жителей еще не покоренных областей южной Индии. К югу от р. Кистны сложилось индийское (немусульманское) царство Виджаянагарское (см. прим. 315), а севернее, в Декане, народными восстаниями и ослаблением Дехлийского султаната воспользовалась осевшая в Декане новая мусульманская военно-феодальная знать из пришлых тюрков, афганцев и хорасанских персов. Они отложились от дехлийского султаната и провозгласили царем Декана афганца, полководца Хасана Гангу, известного под именем Зафар-хана и воцарившегося под именем шаха Ала-ад-дина. Последний, дабы заставить забыть свое социальное происхождение (из вольноотпущенников), стал возводить происхождение своих предков к полумифическому древнеперсидскому царю Ардаширу Бахману, сыну Исфендийяра, одному из героев иранских эпических сказаний. Благодаря этой легенде, новая династия и получила фамильное имя Бахманидов (Бахманиев). Феодальное, с рабовладельческим укладом, царство Бахманидов просуществовало с 1347 до 1525 г. Столицей была сначала Гульбарга, а с 1429 г. Бидар (Бедерь Афанасия Никитина, см. прим. 90). Царство делилось на 4 главных области: Даулетабад, Гульбарга, Берар и Бидар. Руководящей политической силой в царстве была мусульманская военная знать, наделенная феодальными владениями (так называемые „икта“ и „джагир“) и тесно связанная с верхушкой купечества. Эта военно-феодальная знать сложилась из двух основных групп: 1) пришельцев-иноземцев — тюрков, афганцев, персов, реже арабов и абиссинцев, продолжавших и в XV в. прибывать морем, иногда целыми племенными группами, в Декан, на службу к бахманидским царям; 2) из знати местного происхождения. Между этими двумя группами в XV в. велась упорная борьба за влияние при дворе и власть в государстве (см. прим. 109). Царство Бахманидов вело постоянные войны с индийскими. немусульманскими государствами — Виджаянагаром, Телинганой, Ориссой. Эти войны, сопровождавшиеся захватом военной добычи и рабов-пленников, обогащали военно-феодальную знать, но ложились тяжелым бременем на крестьянство, обложенное высокими налогами, разоренное и страдавшее от неурожаев и голодовок. При Мухаммед-шахе III были проведены административная реформа (см. прим. 109) и значительные завоевания в Телингане и на Малабарском берегу (см. карту V, также прим. 151). На рубеже XV и XVI вв. Бахманидское царство стало распадаться; на его территории

ЦАРСТВО БАХМАНИДОВ ПРИ МУХАММЕД-ШАХЕ III

образовалось пять мусульманских феодальных государств: Берар, Биджапур Ахмеднагар, Бидар и Голконда.

108 Фарасанци — хорасанцы (искажение), см. прим. 95.

109 Хоросанец Меликтучар боярин — Мелик-ат-туджжар, собственно ходжа Махмуд Гаван, перс, потомок старинной чиновной фамилии, занимавшей наследственно высокие гражданские посты при дворе владетеля восточного Гиляна (династия Каркийя). Родился около 1405 г. После того как семья его оказалась в опале, Махмуд Гаван занялся караванной торговлей и много путешествовал; являясь в то же время широко образованным человеком, он повсюду старался сближаться с учеными и поэтами. Прибыв в Индию (в порт Дабул) по торговым делам в 1455 г., Махмуд Гаван, посетив Бидар, снискал милость деканского царя — Бахманида Ала-ад-дина Ахмед-шаха II (1435—1457 гг,), получив придворный пост. При преемниках Ахмед-шаха II — сыне его Ала-ад-дине Хумайюн-шахе (1457—1461 гг.) и внуке Низам-шахе (1461—1463 гг.) — Махмуд Гаван занимал разные высокие посты. От Хумайюна Махмуд получил почетный титул (лакаб) „Мелик-ат-туджжар" (ар.) — „князь (или „старшина") купцов"; Афанасий Никитин принимает этот титул, в искаженной форме „Меликтучар", за собственное имя. Титул этот указывает на обычную в мусульманских феодальных государствах тесную связь государя и главы его финансового ведомства с крупными оптовыми купцами, участниками компаний караванной и морской торговли, так называемыми уртаками; последние нередко торговали за границей не только от своего имени, но и от имени и на средства своего государя и его финансового ведомства, являясь его контрагентами. В короткое правление юного Низам-шаха его мать — регентша поручила управление двум везирам (министрам): тюрку Ходжа-и Джехану и персу Махмуду Гавану. Последний успешно руководил военными действиями против неприятелей, в частности против царя Ориссы. После вступления на престол в 1463 г. брата Низам-шаха, Мухаммед-шаха III, Махмуд Гаван отделался путем убийства от своего сотоварища по везирату Ходжа-и Джехана с помощью царицы-матери, а затем заставил и ее удалиться в частную жизнь и все управление государством сосредоточил в своих руках, получив от юного государя титул „Ходжа-и Джехан" (что приблизительно может быть переведено как „Министр мира"). Под его руководством было восстановлено владычество бахманидского царя в Телингане и закончено покорение этой страны; были завоеваны Конкан и индийские княжества Малабарского берега, пиратские флоты которых наносили большой ущерб морской торговле мусульманских государств Индии с Ираном, Аравией и Египтом; от царства Виджаянагарского были отняты важный порт Гоа (на Малабарском берегу) и крепость Бельгаум. В целях укрепления центральной власти и ограничения власти наместников и местных феодальных владе-

телей Махмуд Гаван провел административную реформу. Раньше государство было разделено на 4 наместничества (перс. „тараф“, букв. „сторона“); наместники — „тарафдары“ (перс. „владетели тарафов“), из крупных феодалов, соединяли в своих руках военное, административное и финансовое управление, сами назначали всех чиновников и вносили в центральное казначейство только часть собираемых ими налоговых средств, остальные присваивая себе. Вместо прежних тарафов Махмуд Гавад образовал 8 новых: Гавиль, Махур, Даулетабад, Джуннар (Чунейр), Гульбарга, Биджапур, Варангал и Раджамундри (последние два в Телингане); они делились на округа („паргана“). Область Бидара находилась под непосредственным управлением самого везира. Таким образом, подвластные тарафдарам территории и самые пределы их власти были уменьшены. Махмуд Гаван опирался главным образом на сановников, придворных и военачальников из пришлых иноземцев — афганцев, персов и тюрков, поддерживавших централистическую политику везира. Напротив, мусульманская знать местного, деканского происхождения стремилась к ослаблению центральной власти в лице везира и к укреплению власти феодалов на местах. Между этими двумя группами знати еще раньше велась борьба, внешне прикрытая религиозными разногласиями двух основных течений ислама: первая группа придерживалась шиитского течения, вторая — суннитского. Вторая группа была особенно недовольна административной реформой Махмуда Гавана. Во главе этой группы местной деканской знати стоял мелик Хасан Бахри, носивший титул „Низам-ал-мулькъ“ (ар. „Устроение царства“); раньше он был тарафдаром всей Телинганы, после реформы же ему осталось только наместничество Раджамундри. Он и его сторонники, воспользовавшись тем, что возмужавший Мухаммед-шах III стал тяготиться опекой Махмуда Гавана, составили против него заговор. Ими было составлено подложное письмо от имени Махмуда Гавана к „неверному“ царю Ориссы, которому предлагалось вторгнуться в Бахманидское царство и обещалось тайное содействие Махмуда Гавана. Письмо было составлено на чистой бумаге, на которую заранее озаботились наложить личную печать с монограммой (тугра) Махмуда Гавана (такие печати в мусульманских государствах заменяли подписи), подпоив и подкупив секретаря последнего, у которого хранилась эта печать. Подложное письмо было представлено Мухаммед-шаху, который, не слушая оправданий Махмуда Гавана, велел обезглавить его (6 апреля 1481 г); имущество везира было конфисковано, дворец его разграблен, приверженцы его были разогнаны. Подробности биографии его переданы индо-персидским историком XVI в. Фериштэ. Последний рисует Махмуда Гавана умным, бескорыстным и преданным своему долгу администратором, щедрым благотворителем, покровителем ученых, поэтов и духовенства. Известия Афанасия Никитина позволяют нам видеть Махмуда Гавана и в другом аспекте: это был властолюбивый и жадный правитель, собравший огромные богат-

ства, — частью от доходов со своих поместий и должностей, частью от военной добычи, скопленной во время многих завоевательных походов. Став феодалом и везиром, он не переставал заниматься торговлей в крупных размерах, при помощи других купцов-контрагентов, торгуя, между прочим, рабами-пленниками. При всем том он был одним из наиболее талантливых политических деятелей мусульманской Индии. Его падение и казнь и последовавшая за этим неудача его административной реформы привели к усилению феодальной раздробленности и к распаду Бахманидского государства.

110 Мелик-хан и Харат-хан (Фарат-хан) — военачальники Мухаммед-шаха III Бахманида; в последнем имени можно видеть иранское имя Фархад. По мнению Минаева, Фарат-хан Афанасия Никитина — один из тарафдаров (перс. „обладатели стран", „правители областей"), наместников областей в Декане. Приведенные Афанасием Никитиным цифры „рати" (феодального ополчения) деканских царей-Бахманидов и их полководцев, судя по данным Фериштэ и других хроник, сильно преувеличены.

111 Сельскыя люди голы вельми, а бояре силны добре и пышны вельми. Тяжелое положение крестьян в государстве Бахманидов не осталось незамеченным Афанасием Никитиным. XIII—XV вв. были временем роста закрепощения и ухудшения положения крестьян во всех государствах как Передней и Средней Азии, так и Индии. Наш путешественник верно подметил контраст между роскошной жизнью султанского двора и мусульманской военно-феодальной знати и бедностью эксплоатируемой крестьянской массы.

112 Нагарники — литаврщики (от ар. „накара" — „литавры").

113 А слонов водят наряженых в доспесех золоченых... — слон для выезда султана покрывался парчею (кимха), боевые слоны облачались в булатные доспехи или стальные латы (иногда золоченые). Железная цепь во рту царского слона препятствовала коням и людям приблизиться к царю. Сбруя слона, так называемая „тайя", описана в „Айин-и Акбари", персидском официальном памятнике времен султана Индостана Акбара Великого (1556—1605 гг.): „Тайя состоит из 5 железных листов, каждый в пядь длиною и в 4 пальца шириною, прикрепленных друг к другу кольцами. С обеих сторон тайи есть по 2 цепи, каждая в гез (около 100 см,— *И. П.*) длиною: одна из них проходит над ухом слона, другая под ним, к калава — головному убору (ленте слона), к которому обе привязаны. Между ними есть другая цепь, которая проходит над головой и привязана к калава, а под ними крест на крест 4 острия, искривленных на концах, украшенных шишками. Кутас (хвост тибетского яка) привязан здесь. От нижнего конца его — 3 цепи, украшенные подобным образом. Кроме того, 4 других цепи привязаны к шишке; 2 из них, подобно первым, кончаются шишкою, а 2 остальных привязаны к клыкам (бивням). К этой шишке привязаны еще 3 цепи, из коих 2 проходят вокруг туловища слона, а средняя свисает вниз

кутас и мечи привязаны к первым шишкам, а последняя находится над лбом. Все это — частью ради украшения, частью для отпугивания других животных (верховых лошадей, — *И. П.*). К кутасу прикреплялось знамя, джханда. Между ушей слона сидел погонщик в доспехах. На спине слона воздвигался городок, в котором помещалось от 4 до 6, редко до 12 воинов".

114 Гаурыкы. Можно считать убедительным объяснение Минаева, согласно которому это слово, как и в другом месте непонятное „ковре", — искажение санскритского „гаурика" — „юная дева", т. е. рабыня-наложница султана. Неприемлемо объяснение Срезневского: „гауръки, гауроки — гаурыки, гаурки — неверные".

115 Гарип — ар. „гариб" — „чужестранец", „чужеземец", „странник".

116 Человеки кутоваловы — военные слуги коменданта крепости или военного правителя города с прилегающим округом (т. „кутувал").

117 Футун, фута, фуна — возможно от „панам", „фанам" (на тамильском яз.) — южноиндийская монета разной ценности в разных местностях, золотая и серебряная.

118 Исаядениени — искаженное ар.-т. „Иса-дини", „Иисусова вера" — христианство.

119 Хозя Исуф Хоросани — Ходжа Юсуф Хорасани — „бесерменьское" (= мусульманское) имя, принятое Афанасием Никитиным. Нисба (прозвище по месту происхождения или постоянного жительства) „Хорасани" — „Хорасанский",— принятая при этом Афанасием Никитиным, заставляет предполагать существование некоторых связей, завязанных нашим путешественником с хорасанскими купцами, побуждавших его назвать себя в Индии хорасанцем. В пользу такого предположения говорит и заступничество „хозяйочи Махмета хоросанца" (см. прим. 88) за Афанасия Никитина перед местным правителем — ханом в Джуннаре, и частые упоминания Афанасия Никитина о хорасанцах в Индии.

120 Маназ — искаженное „намаз" (ар.) — мусульманская уставная обязательная молитва. Намазы полагается совершать 5 раз в день, на арабском языке, по установленным формулам и по возможности в мечети. Намазам противополагаются мунаджжат (ар.) — добровольные молитвы, которые можно творить в любое время, в любом месте, на любом языке и в каких угодно выражениях. У Афанасия Никитина слово „намаз" употреблено в значении всякой молитвы вообще.

121 Веруем в Адама — см. прим. 124, 153, 186.

122 Буты — см. прим. 124.

123 А вер в Индии всех 80 и 4 веры... Повидимому, Афанасий Никитин имеет в виду многочисленные секты и ответвления индуизма;

число их, слышанное нашим автором, верно лишь приблизительно. Судя по приведенным ниже словам: „а вера с верою ни пиеть, ни яст, ни женится",— видно, что Афанасий Никитин смешивал с религиозными сектами индийские касты и подразделения каст, насчитывавшиеся сотнями.

124 А все веруютъ в Бута. Невозможно допустить, чтобы выражение „Бут" означало у Афанасия Никитина Будду: как известно, в результате ряда жестоких гонений и реакции со стороны брахманизма, трансформировавшегося постепенно в свою позднюю фазу — индуизм, буддизм был совершенно вытеснен из Индии между VIII и XI вв. н. э. В XV в. Афанасий Никитин не мог найти в Индии (кроме пригималайских районов, о. Цейлона и Бирмы, где он не был) ни буддистов, ни буддийского культа; старинные храмы буддийской стройки (чайтья) давно были посвящены божествам брахманизма (индуизма). Со словом „бут", как и со словом „кафир", Афанасий Никитин познакомился в мусульманской среде. Слово „бут" — персидская форма арабского „будд" и имеет разные значения: 1) Будда или его изображение (первоначальное значение), 2) пагода, 3) всякий вообще идол, отнюдь не непременно буддийский. В первом значении это слово встречается у ряда арабоязычных авторов X—XII вв. — Мас'уди, Бируни, Шахристани. В значении идола вообще слово „бут" было широко известно на всем мусульманском Востоке и до и после XV в. В космография Димашки приведено описание знаменитого индуистского храма в Сомнате (Соманатха), разрушенного в первой четверти XI в. Махмудом Газневидом, с идолом, который назван „бутом". Этот идол, согласно описанию, состоял из двух камней, являвшихся символом органов размножения; следовательно, это был известный в Индии фетиш (линга), почитаемый шиваитскими сектами индуизма (секта лингаитов), не имевший никакого отношения к буддийскому культу. Отсюда персидское выражение „бутпараст" имело двоякое значение — и „буддист", и — чаще — „идолопоклонник", „язычник" вообще. Этим же именем — „бутпараст" — мусульмане Индии постоянно называли индуистов, считая их „язычниками". Выражением „бутхана", „бутханэ" (перс., букв. „идольский дом", „храм идолопоклонников", „капище") обычно обозначался всякий „языческий храм." Афанасий Никитин употребляет выражения „бут" и „бутхана" в тех же значениях, в каких они употреблялись всеми мусульманами: „идол" (или „кумир", „истукан", „языческий бог") и „капище идолопоклонников". Культ и изображения, виденные нашим путешественником в „бутхане" в Парвате, — явно индуистские, а не буддийские. Слова Афанасия Никитина „а все веруютъ в Бута" следует понимать в том смысле, что все индийские „кафиры" поклоняются идолам. Слова Афанасия Никитина „и оны [индусы] сказывают: веруем в Адама..." основаны, повидимому, на плохо понятых путешественником объяснениях индуистов, у которых не было культа Адама и которые не заимствовали этого культа от мусульман. Повидимому, Афанасий Никитин отожествил

с Адамом Атман, который, по учению брахманизма (индуизма), представляет первооснову всего существующего, мировую душу или божество (эпитет Брахмы), понятое в пантеистическом аспекте. Подобное мнение высказано Минаевым (стр. 133—134). Возможно, впрочем, что здесь почитание индийского мифического первочеловека Ману отожествлено с еврейско-христианско-мусульманским почитанием первочеловека Адама.

125 Поити к Первоти, то их Ерусалим, а по бесерменьскы Мягъкат, де их бутхана. Святыню (бутхана) индуистов, приравниваемую по значению ее Афанасием Никитиным к христианскому Иерусалиму и мусульманской Мекке (Мягъкат), наш путешественник называет Первоть. По всей вероятности, это — Парвата (Шрипарвата), храмовый комплекс, расположенный на южном берегу р. Кистны, около 175 км к юго-востоку от Хайдарабада. В XV в. Парвата находилась вне пределов мусульманских владений. Парвата была посвящена шиваитскому культу, здесь находился один из двенадцати наиболее священных символов органа плодородия (линга). Парвата описана Мекензи (1794 г.). Согласно его описанию, Парвата представляла храмовый комплекс, обнесенный оградой, длиною около 190 м и шириною около 150 м. Внутри ограды находилось несколько храмов и других зданий, тенистый сад и пруд. Ограда была сложена из больших каменных плит, длиною до 2 м и шириною до 1 м каждая, правильно обточенных, серого цвета; высота ограды была от $3^1/_2$ до 4 м. Каменная ограда была украшена резными изображениями, в которых, повидимому, следует видеть упомянутые Афанасием Никитиным 12 „венцов“ с изображениями „чудес бутовых“. Среди этих „образов“ некоторые легко узнаются: „человек, а нос слонов“ — бог Ганеша, „человек, а виденье обезьанино“ — бог Хануман. Упомянутый Афанасием Никитиным пятидневный торг у бутханы, повидимому, совпадал с важным у индуистов праздником Шива-ратри (ночь Шивы). Не ясно, изображением какого божества был виденный Афанасием Никитиным главный „Бут“ („Бут вырезан ис камени вельми велик“). Можно предположить здесь искаженное описание статуи бога Шивы. Стоявшее перед этой статуей изображение быка „вол велми велик“ — Нанди, бык Шивы.

126 По 2 шекшени пошлины. Шекшень — шешкани (перс.), мелкая серебряная монета, равнялась трем четвертям $^1/_8$ части (хаштканп) танги (тенгэ) — серебряной монеты, равной 2 динарам.

127 Всех людей бысть азар лек, вахт башет сад азаре лек — в последней части искаженная персидская фраза, следует читать „хазар лек, вакти башед сад хазарэ лек“, т. е. „всех людей было тысячу леков, временами бывает сто тысяч леков“.—Лак, лек, — счетная единица — „сто тысяч“. Афанасий Никитин хотел сказать, что в Парвату собиралось несметное число паломников.

[128] Устьян царь цареградскы. Сравнение статуи („Бута") в парватском храме по положению руки со статуей византийского императора Юстиниана I (527—565 гг.) в Константинополе могло быть навеяно описаниями последней статуи у русских паломников Стефана Новгородца (1350 г.) и Зосимы диакона (1420 г.). Стефан Новгородец говорит: „Стоит столп чуден велми..., а по верху стоит Устиниан велик на коне, велми чуден, аки жив, в доспесех одеян срацинских, грозно видети его, а в руце держит яблоко злато велико, а на блюде крест, а правую руку от себя простер буйно на Срацинску землю (по направлению к сарацинским, т. е. мусульманским землям, — *И. П.*) к Иерусалиму". Это положение руки конной статуи Юстиниана и подало Афанасию Никитину повод к сравнению с „Бутом" в Парвате. Также по словам иеродиакона Зосимы Юстиниан „правую руку держит распростерту". И Клавихо (1404 г.) говорит: „Всадник (Юстиниан, — *И. П.*), который сидит на ней (лошади, — *И. П.*), держит правую руку высоко, с кистью открытою". Об этой конной статуе упоминают и другие западноевропейские путешественники (подробное описание у Вильгельма де Бальдензель). Афанасий Никитин в Константинополе не был и не мог сам видеть этой статуи, так как до завоевания Константинополя османскими турками этой статуи уже не было на месте, оставалась только служившая для нее пьедесталом порфировая колонна („столп чуден").

[129] Один с одним не пиет, ни яст... Религиозные законы индуистов запрещают есть друг с другом мужу с женою, членам различных каст, всем вообще индуистам с мусульманами и другими иноверцами.

[130] Брынец — из перс. „бириндж" — рис.

[131] Кичири, кичирис — кхичри, индийское блюдо из риса с маслом и приправами. По словам Абд-ар-реззака Самарканди (40-е годы XV в.), блюдом кичри при дворе виджаянагарского царя кормили, между прочим, царских слонов: сварив кичри, его выливали из котла, посыпав солью и подмешав свежего сахару, давали в пищу.

[132] Мякъка — Мекка, религиозный центр мусульман со святилищем Ка'ба („Месджид ал-харам" — „Заповедная мечеть"); паломничество в Мекку в принципе признается религиозным долгом для всех мусульман, кроме бедняков, немощных и женщин, для которых оно не обязательно.

[133] Яхонт — „якут"; этим термином на мусульманском Востоке в XIII—XV вв. чаще обозначался сапфир, реже рубин; последний чаще называли „ла'л".

[134] Олло оак — искаженное ар. „Аллаху хакк" — „бог-истина"; здесь употреблено в смысле „ей-богу".

[135] Индеяне же вола зовут отцем, а корову матерью — культ вола и коровы как священного и неприкосновенного животного — одна из старинных и прочных особенностей брахманизма (индуизма).

[136] Пеплом мажутся по лицу... — пеплом наносят знаки кастовых различий на лицо.

[137] Пачектур а учюзедер и т. д. — см. перевод текста, стр. 62.

[138] Шитель, житель — шитель, серебряная монета. „Ики шитель“ — (т.) „два шетеля“; „атле шитель“ — искаженное т., вместо „алты шитель“,— „шесть шителей“.

[139] Кул — т., раб, невольник.

[140] Караваш — т., рабыня, невольница. В другом месте Афанасий Никитин приводит цены на рабов-пленников в мусульманской Индии от 5 до 10 танга (см. прим. 197) за „голову“, за ребенка — по 2 танга. О дешевизне индийских рабов и рабынь, вследствие постоянного огромного притока пленников, угоняемых мусульманскими войсками из „кафирских государств“ Индии, говорят многие авторы: по словам Шихаб-ад-дина, в Дехли платили за рабыню-служанку по 8 танга, за рабыню-наложницу по 15 танга. При дехлийском султане Ала-ад-дине Хальджи (1296—1316 гг.) была введена такса на индийских рабов-пленников: за служанку от 5 до 12 танга, за наложницу от 20 до 40 танга, за раба-работника от 10 до 15 танга, за красивого юношу от 20 до 30 танга. Ибн Батута (30—40-е годы XIV в.) говорит, что индийские рабыни в Дехли продавались почти за бесценок. О размерах рабства в Индии XIV—XV вв. можно судить по тому, что Фируз-шах дехлийский (1351—1388 гг.) при набеге только на один непокорный район Катер увел оттуда 23 тысячи пленников. По словам историка Шемс-и Сираджа Афифа, у Фируз-шаха дехлийского было 180 тысяч рабов, из которых многие работали в 36 султанских больших ремесленных мастерских „карханэ“ (перс. „дом работ“).

[141] Улубагрь, улубаграм, багрим — искаженное т. „улу байрам“ — „великий праздник“, т. е. „праздник жертвоприношения“ Авраамом богу сына своего Исмаила, согласно Корану — „Курбан байрам“ (ар.), один из двух главных мусульманских праздников.

[142] Велик день — христианская пасха.

[143] Тангрыдан истремень... и т. д. — см. перевод, стр. 63. „Тангры“— в тюркских языках — бог; „Худо“, точнее „Худа“ — перс. „бог“, синонимы арабского „Аллах“ (из „ал-илах“).

[144] Кетмышгыр имень... см. перевод, стр. 63.

[145] Гурмыз — см. прим. 48.

[146] Голат, Калат, Дега — см. прим. 53.

[147] Мошкат — см. прим. 52.

[148] Кучьзрят — см. прим. 54.

[149] Камбат — см. прим. 57.

150 Чивель, Чивиль — см. прим. 58.

151 Дабыль, Дабяль — Дабул, Дабхол, в XV в. важный торговый порт на Малабарском берегу Индии, в 136 км к югу от Бомбея, под 17°46′ с. ш. и 73°16′ в. д. Был большим укрепленным городом, каким описывают его путешественники Барбоса и Вартема. Ко времени приезда Афанасия Никитина в Индию в 1469 г. Дабул находился под властью Бахманидов и лежал недалеко от рубежа мусульманских владений („области веры") и „области неверия", т. е. владений индийских немусульманских князей городов Мангалор, Коулон, Каннанур и др., занимавшихся, между прочим, грабежом кораблей, направлявшихся в мусульманские порты. Но к 1472 г. эти княжества, вплоть до города Гоа, были покорены войсками бахманидского султана, и граница „области веры" была отодвинута к югу. Эти завоевания закончились уже после отъезда Афанасия Никитина из Индии, чем и объясняются его слова, что Дабул — „пристанище в Гундустани последнее бесерменьству" (мусульманству). Несколько позднее, в 1508 г., Дабул был захвачен и разрушен португальским адмиралом Альмейдой. Окончательный упадок его относится к концу XVII в.

152 Колекот, Келекот, Лекот, Селекот — Каликут, знаменитый в XIII—XVI вв. порт на юге Малабарского побережья, под 11°15′ с. ш. и 74°40′ в. д. Он подробно описан в XIV в. побывавшим там Ибн Батутой, по словам которого Каликут был одним из самых больших портов мира. Сюда приезжали морем купцы из Китая, Цейлона, Мальдивских островов, с Явы, из Йемена, Фарса и других стран. Ибн Батута подробно описывает прибывавшие сюда из Кантона и других мест китайские суда трех типов: большие (джонк), имевшие до 12 парусов, средние (зау) и малые (какам). По словам Абд-ар-реззака Самарканди (первая половина XV в.), в Каликут приходило много торговых судов из Абиссинии и Зинджа (Занзибар, западная Африка), также с берегов Красного моря. Иностранные купцы чувствовали себя здесь в полной безопасности. Торговое значение Каликута, по словам названного автора, было подобно значению Хормуза. По словам Дуарте Барбосы, до перехода морской вывозной торговли из Индии в руки португальцев (начало XVI в.) вывоз из Каликута находился в руках мусульманских купцов; как из Камбая и Чаула корабли чаще всего шли в Хормуз, так из Каликута корабли во множестве отправлялись в аравийские порты Красного моря и в Египет, игравший посредническую роль в торговле индийскими товарами с Западной Европой. Предметами вывоза были пряности, амбра, ревень, жемчуг, драгоценные камни, хлопчатобумажные ткани, китайский фарфор, ценное дерево. Предметами ввоза (из стран Передней Азии) — медь, киноварь, серебро, золото, розовая вода, кожи, сафьян, боевые кони. После захвата опорных пунктов на Малабарском берегу Индии португальцами и перехода в их руки индийского вывоза

торговля индийскими пряностями стала приносить португальцам ежегодный доход до 3 миллионов флоринов.

153 Силян — остров Цейлон, к югу от Индостанского полуострова, между 9°51′—5°55′ с. ш. и 79°41′—81°54′ в. д., площадью около 66 тыс. кв. км. У арабских географов раннего средневековья остров известен под именем Сарандиб (Серендиб, имя известное и Косме Индикоплову и другим греческим авторам, искажение санскритского Sinhaladvipa), встречается также название Таброубани (искаженное Ταπροβάνη античных географов), у арабских географов позднего средневековья — Сийялан (Закария Казвини XIII в., Ибн Батута XIV в.), отсюда Силян Афанасия Никитина и Цейлон европейцев. Цейлон во времена Афанасия Никитина был буддийской страною; буддизм был здесь государственной религией. Однако вся обширная торговля острова со странами Передней Азии и с Китаем находилась до появления на Цейлоне португальцев (в начале XVI в.) в руках мусульманских купцов, большею частью арабов. С Цейлона вывозили драгоценные камни (рубины, сапфиры, топазы), жемчуг, пряности, тростниковый сахар. Гора Серендиб (ныне Пик Адама, 2262 м высоты) в XIII—XV вв. служила местом паломничества для буддистов, индийских христиан Малабарского берега (несториан и монофизитов) и мусульман; христиане и мусульмане, согласно легенде, почитали гору как первый пункт в мире, куда ступила нога первочеловека Адама после изгнания из рая. В XIV в. Ибн Батута совершил паломничество на Пик Адама и поклонился „следу ноги Адама“. Буддисты же верили, что на этой горе находится „след Будды Шакьямуни“.

154 Шибаит, Шабаит, Шаибат, Шибат, Шабот, Сибат, Шабаитское пристанище. Остается неясным, какую страну Афанасий Никитин называет этим именем. Комментаторы Афанасия Никитина определяют Шабаит различно. Срезневский склонен был видеть в Шабаите Шабазпур, остров у устья р. Ганга, где водятся мускусные олени, тем более, что Афанасий Никитин ниже, после рассказа о Шабаите, говорит о мускусных оленях. Однако Афанасий Никитин описывает дальше Шабаит не как небольшой остров, а как большую богатую страну. Юль видит в Шабаите остров Саба (Saba), упомянутый у Мариньолли (Ява). Форма „Шабат“ напоминает, впрочем, арабскую форму „Джава“, „Джават“ имени о. Ява. Ява в то время была наполовину буддийской, наполовину брахманистской страной и лишь позднее (в XVI—XVII вв.) превратилась в страну мусульманскую. И. Минаев, как и другой русский автор более новой работы А. Любимов (Загадочная страна Шабот в путевых заметках Аф. Никитина. СПб., 1916) отожествляют Шабаит (Шабот) Афанасия Никитина со страною Чамба (Chamba, Chomba, Chopa, Chanba западноевропейских путешественников (Марко Поло XIII в., Одорик из Порденоне XIV в. и др.), Санф

арабских путешественников, Сань-Фо-цзи китайских авторов. Эта страна находилась где-то в Индо-Китае, возможно в Анname.

155 Певгу — Пегу, область в южной Бирме, по нижнему течению р. Иравади.

156 Чин и Мачин — обычное у мусульманских народов средневековья название Китая. Термин „Чин" (Син, Сина античных авторов) и „Мачин" не имели строго определенного географического значения. Иногда под Чином (Сином) понимался северный, а под Мачином — южный Китай, а выражение „Чин и Мачин" означало Китай вообще. Иногда, как у Ибн Батуты, под Сином („Чином и Мачином") понимался только южный Китай (области к югу от реки Хуай-хэ), а северный именовался Хатай. Повидимому, так же понимал эти термины и Афанасий Никитин.

157 Кытай — Хатай мусульманских авторов, — обычное у них название северного Китая. Название это было образовано от имени кочевого народа киданей или кара-хитаев (по мнению одних исследователей — тунгусского, по мнению других — монгольского происхождения), владевших в X — начале XII в. частью северного Китая (киданьская династия Ляо), почему их имя и было понято у мусульманских народов как название северного Китая. У Афанасия Никитина Кытай (= Хатай) — северный Китай и противопоставляется Чину и Мачину — южному Китаю,

158 Аросто хода чотом — вероятно перс. (вульг.) „арастэ худа чатум" — „да украсит (= устроит) бог покров мой".

159 Гурмыз — Хормуз, Ормуз, см. прим. 48.

160 Тамга — (монг.-тюрк.), в странах Передней Азии налог на ремесло и торговлю, пошлина с товаров.

161 Камбаят — Камбай, см. прим. 57.

162 Алача — ткань из сученых шелковых и бумажных ниток.

163 Пестредь — ткань из пестрых ниток, тафта или миткаль.

164 Кандак, киндяк — бумажная набойчатая ткань. Название ее И. Минаев выводит из тамильского „киндан" — род бумажной ткани.

165 Ниль — индиго, синяя краска.

166 Лек — лакх, продукт coccus lacca, у Николо Конти (XV в.) и Вартемы (XVI в.) упоминается как предмет вывоза из Камбая.

167 Ахык — ар. ахик — сердолик. Красные сердолики вывозились в большом количестве из Камбая.

168 Лон. По мнению Срезневского, это — lanha, кокосовый орех. Вернее мнение Минаева, согласно которому „лон" (от санскритского „лавана") в ряде индийских языков — соль; добычей и вывозом самосадочной соли Камбай был известен издавна.

169 Дабыло — Дабул, см. прим. 151.

170 Мисюр — ар. Миср — Египет.

171 Арабстан — Аравия. — Рабаст (в разночтении) — Арабстан.

172 Хоросань — см. прим. 69.

173 Туркустань — Туркестан, „страна тюрков" (перс.). В XV в. этим именем чаще называли нынешний Восточный Туркестан (Кашгарию, Син-Цзян китайцев) и восточную часть нынешнего Казахстана.

174 Негостань — повидимому, искаженное слово или неправильное чтение; возможно, следует „Испогань", т. е. Испахан (см. прим. 336).

175 Кельберг — см. прим. 92.

176 Колекот — см. прим. 152.

177 Кестяк — повидимому, от перс. „кешти" — корабль, барка.

178 Зеньзебиль — ар. зензебиль, зенджбиль (из лат. zenzebiris) — имбирь.

179 Мошкат — мускатный орех.

180 Калафур — цинаммон.

181 Гвозники — гвоздика.

182 Пряное коренье — один из видов пряностей.

183 Адряк — адрек, инбирь. Все перечисленные у Афанасия Никитина виды пряностей упоминаются как предмет вывоза из Каликута в страны Ближнего Востока и в Западную Европу у Вартемы (XVI в.) и у других европейских путешественников.

184 Кул да караваш письярь хуб сия. „Кул" — т. „раб"; караваш т. — „рабыня" (см. прим. 140); письярь хуб — искаженное перс. „бесйар хуб" — „очень хороший"; сия — перс. „сийях" (конечное „х" в произношении почти не слышится) — „черный". Вся фраза означает: „рабы и рабыни очень хорошие, черные". Иначе говоря, в Каликуте велась торговля темнокожими рабами, вероятно дравидийского происхождения. О работорговле см. прим. 140.

185 Силян — см. прим. 153.

186 Баба Адам на горе на высоце — „отец Адам на горе, на высокой", см. прим. 153 о горе Пик Адама, где, согласно верованиям мусульман, сохранялся след ноги праотца Адама.

187 Каменье драгое — драгоценные камни.

188 Червьци — рубины или гранаты, красные драгоценные камни.

189 Фатис — согласно Минаеву, фатик (от санскритского „спхатика") — кристалл.

190 Бабогурь — перс. „баба гури“ — белый агат.

191 Бинчай — смола из дерева, согласно Срезневскому и Минаеву.

192 Хрусталь — по мнению Срезневского, берилл.

193 Сумбала — согласно Срезневскому и Минаеву, наждак, камень, служивший для полировки драгоценных камней (Табари, X в., Идриси, XII в., Закария Казвини, XIII в.).

194 Девякуш — хорошо известное тюркское слово „девекуш“ — „страус“ (букв. „верблюжья птица“). Нет никакого основания полагать, подобно Минаеву, что „девякуш“ — „девакусума, слово санскритское, перешедшее и в пали, и в сингальский язык и употребляемое как эпитет корицы“ (стр. 149). Почему, по Афанасию Никитину, „девякуши“ продавались „в вес“, так же неясно, как то, что слоны продавались „в локоть“. Повидимому, здесь имеются в виду специальные технические выражения торговцев.

195 Шабаитское пристанище — см. прим. 154.

196 Алафа, олафа — ар., корм, жалованье или стипендия, фураж.

197 Тенка — танга, тенгэ (перс.) — серебряная монета разной ценности и веса в разных местностях (чаще всего 5—6 динаров).

198 Шабот — см. прим. 154.

199 Сандал — сандаловое дерево.

200 Пегу — см. прим. 155.

201 Дербыши... индейскыя в Пегу — буддийские монахи, следовавшие учению хинаяны, одному из двух больших разветвлений буддизма, господствующему на Цейлоне, в Бирме и Индо-Китае. — Дербыши — „дервиши“.

202 Маник — на языке хинди рубин.

203 Яхут — ар. „якут“ — яхонт, см. прим. 133.

204 Кырпук — рубин, у Барбосы carapuch.

205 Чиньское же да Мачиньское пристанище — см. прим. 156.

206 Чини — перс., от слова „Чин“ — Китай — в персидском языке китайская фарфоровая посуда, также фарфоровые изделия Ирана, сделанные в подражание китайским образцам, фарфор вообще.

207 Ночью жены их ходят к гарипам... — пережиточная архаическая форма проституции гостеприимства. — Гарип — ар. „гариб“ — „чужестранец“.

208 Олафа — алафа, см. прим. 196.

209 Халял — ар. — „дозволенное [религиозным законом]“.

210 Шаибат — см. прим. 154.

211 Бедерь — Бидар, см. прим. 90.

212 Мачим да Чим — искаженное Чин и Мачин, см. прим. 606.

213 Чими, инчи (искажение) — чини, см. прим. 206.

214 Силян — см. прим. 153.

215 Шабаит — см. прим. 154.

216 Аммон — согласно Срезневскому и Минаеву, искажение слова „мамон" из перс.-ар. „маймун" — обезьяна.

217 Лекот — Калекот, Каликут, см. прим. 152.

218 Фуфал — плод арековой пальмы.

219 Далюк — возможно „дал", phaseolus aconitifolius.

220 Ахик — см. прим. 167.

221 Рачюр — Райчур, город в 167 км к юго-западу от Хайдарабада. Вместе с областью того же имени составлял юго-западную область государства Бахманидов. Из-за обладания Райчуром в XV в. велись частые войны между Бахманидами и индийским государством Виджаянагар (см. прим. 315).

222 Алмаз биркона да новъкона (в Райчуре) — алмазы „старой" и „новой" копи (первые ценились гораздо дороже вторых), из знаменитых алмазных копей в Кулуре в области Райчур, подробно описанных французским путешественником купцом Тавернье в XVII в. „Биркона" (перс., от „пир" — „старый" и „кан" — „рудник") — „старая копь", „новкона" (перс.) — „новая копь".

223 Пенечь чекени — перс. „пендж кени" — 5 кени; кени — мелкая монета, 1/64 тенги.

224 Сия — перс. „сиях" — „черный" (алмаз новой копи).

225 Чаршешкени — перс. „чехар-шеш кени" — от 4 до 6 кени.

226 Сипит ек тенка — искаженное перс. „сепид йак тенга", т. е. „белый [алмаз новой копи] — одна тенга".

227 Продают же тую гору каменую... — имеется в виду отдача бахманидским правительством алмазных копей в аренду, причем разные пространства горы расценивались различно, смотря по тому, какие сорта алмазов („новой" или „старой" копи) в них водились. — Кона — из „кан" — „рудник", „копь", „каменоломня".

228 Мелик-хан — один из вассалов бахманидского царя („салтана") Мухаммед-шаха III.

229 Шабат, шабаитяне — см. прим. 154.

230 Худы — из ар. „йахуд" — иудеи, евреи.

231 Бесермена, бесермены — мусульмане.

232 Мамоны — см. прим. 101, 102.

233 Аукик — неясное выражение; возможно, деформация ар. „гунук" (из „джунук", форма множ. числа, в ед. числе „гунк" || „джунк") — джонки, большие суда, плававшие между Индией и Китаем (подробное описание их у Ибн Батуты, IV, 91—92).

234 Мускус был предметом вывоза в западные страны.

235 Великий день — праздник Пасхи (христианский).

236 Бедерь — Бидар, см. прим. 90.

237 Бограм — байрам, см. прим. 141.

238 Говейно — время говения (исповеди и причастия) в Великом посту.

239 «Книг у меня нет» ... — имеются в виду богослужебные книги, по которым можно было бы определить время наступления Великого поста, Пасхи и других христианских переходных праздников.

240 Каин. Остается неясным, какой пункт имеет в виду здесь Афанасий Никитин. Известен иранский город Каин, но он находится в Кухистане, в восточном Иране, далеко от маршрута нашего путешественника, который не мог быть там. Возможно было бы предположить здесь чтение „Наин" (вместо „Каин"), через который Афанасий Никитин проходил (см. прим. 41). Но здесь он не мог проводить первую Пасху своего большого путешествия. Между тем, согласно словам самого путешественника, рисуется следующая хронологическая последовательность его маршрута: 1) выезд из Руси — 1466 г.; 2) Пасха 1467 г. — в Каине(?); 3) Пасха 1468 г. — в Чебукаре (Чапакур в Мазандаране); 4) караванный путь от южного берега Каспийского моря через западный Иран (в частности, и через Наин) до берега Персидского залива — с весны 1468 до весны 1469 г.; 5) Пасха 1469 г. — в Хормузе; 6) морской путь Хормуз — Камбай и пребывание в Индии с весны 1469 г. до января или февраля 1472 г.; 7) морской путь Индия — Хормуз; и Пасха 1472 г. по пути в Маскате — весною 1472 г.; 8) караванный путь от берегов Персидского залива до Трапезунта на южн. берегу Черного моря — лето и осень 1472 г.; 9) возвращение на родину — осень 1472 г. Следовательно, относительно Каина возможны 2 гипотезы: 1) если Афанасий Никитин действительно здесь встретил первую Пасху в пути, то Каин — искаженное до неузнаваемости название одного из пунктов в Ширване или на берегах Каспийского моря; 2) если вместо „Каин" следует читать „Наин", придется допустить, что память изменила нашему путешественнику; тогда первую Пасху — 1467 г. — он должен был провести в Чапакуре, а в Наине мог встретить вторую Пасху — 1468 г.

241 Чебукар, Манздраньская земля — см. прим. 32, 34.

242 Гурмуз — см. прим. 48.

243 Бедерь — см. прим. 90.

244 Бесерменин же мелик... — мелик Асад-хан, см. прим. 64, 87.

245 Намаз кыларесен... — тюркск., см. перевод, стр. 66.

246 Олло перводигерь — ар.-перс. „Аллах (Худа) первердигар“ — „бог покровитель“ (букв. „воспитатель“). Дальше см. перевод, стр. 67.

247 Теферич — ар. „тафаррудж“ — прогулка, осмотр, объезд.

248 Възырь — перс. „везир“ — начальник отдельного ведомства, министр (гражданский, не военный чин).

249 Слонов наряженых в булатных в доспехах... — см. прим. 113.

250 Кентарь — ар. „кантар“ — мера веса, различная для разных местностей, от 50 кг и выше.

251 Нагары — от ар. „накара“ — литавры.

252 Ковре — искажение санскр. „гаурика“ — юная дева (см. прим. 114), т. е. дева харема, рабыня — наложница султана.

253 Чичак — тюркск., шишак, шлем.

254 Сагадак — монг. „сагадах“, тат.-волжск. „садак“, русск. „саадак“ — полный прибор вооружения конного воина, состоял из лука с налучьем, и стрел с колчаном.

255 Кофар — ар. „кафир“ — в данном контексте „индус“, см. прим. 66.

256 Камка — перс. «кимха», «кимхаб» — златотканная шелковая материя, парча.

257 Терем оксамитен — бархатный балдахин.

258 Махтум — ар. „махдум“ — господин, государь.

259 Терем шилян — шелковый балдахин.

260 Катобагряим — Бахрейн, группа островов у аравийского побережья Персидского залива; воды его в средние века славились богатыми жемчужными ловлями. Ловцы жемчуга обязаны были доставлять определенное количество его, в порядке повинности, в казну государя (в XV в. — мелика хормузского). В 1507 г. Бахрейн был захвачен португальцами.

261 Жида — Джидда, гавань в Аравии, на Красном море, под 21°28′ с. ш. и 39°17′ в. д., была известна жарким и нездоровым климатом. В XV в. сюда приходило много торговых судов из Индии, плативших пошлины шерифу священных городов — Мекки и Медины.

262 Бака — см. прим. 31.

263 Мисюр — ар. Миср — Египет, также его столица г. Каир.

264 Оробстан — Арабистан, в то время так называлась Аравия.

265 Ларь — см. прим. 46.

[266] Хоросаньская земля — см. прим. 69.

[267] Чеготань — Чагатай, Средняя Азия, см. прим. 71.

[268] Ширяз — см. прим. 333.

[269] Ездь — см. прим. 42.

[270] Кашин — Кашан, см. прим. 40.

[271] Гилянь — Гилян, область на северо-западе Ирана, между Каспийским морем (у юго-западного побережья его) и горной страной Дейлем. Гилян покрыт густыми лесами и известен жарким и влажным подтропическим климатом, с большим количеством осадков.

[272] Шамахея — см. прим. 30.

[273] Вавилон. В средние века (в христианских странах) Вавилоном обычно называли город Багдад.

[274] Хумит — вероятно Хумс, древняя Эмеса, город в Сирии.

[275] Шам — ар., Сирия, иногда также главный город ее Дамаск (Димашк аш-Шам).

[276] Ляп — ар, Халяб, Алеппо европейцев, город в северной Сирии.

[277] Севастея — см. прим. 344.

[278] Гурзыньская земля — Грузия (от сирийск. и средне-перс. „Гурзан", в арабизованной форме „Джурзан"); в XV в. была разделена на три царства (Кахетия, Картлия, Имеретия) и 5 княжеств (Самцхэ-саатабаго, т. е. атабекство Самцхийское, иначе Месхетия, Гурия, Мингрелия, Сванетия, Абхазия). В средние века Грузия известна была плодородием, вино и хлеб служили предметом вывоза.

[279] Турьская земля — османская Турция.

[280] Волоская земля — Валахия, ныне Румыния.

[281] Подольская земля — Подолия, русская область по верхнему течению р. Днестра.

[282] Молитва Афанасия Никитина о Русской земле, изложенная им по-тюркски, полнее и длиннее в Архивской рукописи, нежели в Троицкой. В полном виде (повторена два раза, один за другим) она гласит: „А урус ерь (следует „Урус йери", — *И. П.*) тангрыдь (следует „тангрыды", — *И. П.*) сакласынь (= сакласын, — *И. П.*); олло сакла! Будоньяда мунукыбить ерь ектур, нечик урус ери бегьляри окойтугиль (во второй раз — акайтугиль, след. „оигой тугиль", — *И. П.*). Урус ерь абадань больсын, расткамь дареть (следует „расткам даред" — персидское выражение, вкрапленное в тюркский текст, — *И. П.*). Олло, худо, бог, даньири!" (в разночтении „данъгры", следует „дангры" || „тангры"). „Тангры" — т. „бог". „Урус йери" — т. „Русская земля". „Бегляри" — т. „беги" (мн. ч. от „бег" || „бек" || „бей"); этим термином в мусульманских государствах XI—XV вв. обозначали высших

представителей военно-феодальной знати (арабск. синоним „эмир"(. Афанасий Никитин пользуется созвучием двух выражений — тюркского „бегляри" || „бейляри" и русского „бояре" || „боляре"; поэтому здесь допустим перевод „бояре Русской земли". — Персидское выражение „абадан" трудно поддается точному переводу; оно имеет ряд оттенков („населенный", „обработанный", „благоустроенный", „процветающий") и противоположно по значению выражению „хараб" („разрушенный", „разоренный", „запустевший"). — В заключительной фразе слово „бог" повторено на четырех языках: арабском (олло || аллах), персидском (худа), русском (бог) и тюркском (данъири || тангры). Перевод молитвы: „Русская земля да будет богом хранима; боже, сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей (буквально „такой, как эта"), хотя вельможи (или „бояре") Русской земли несправедливы (букв. „не добры"). Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость (букв. „да обладает справедливостью"). Боже, боже, боже боже!". — Таким образом, молитва Афанасия Никитина выражает пламенную любовь к родине — Руси и одновременно осуждение ее политического строя. Вероятно, это последнее обстоятельство и побудило нашего автора изложить свою молитву не по-русски, а по-тюркски. О тюркском языке Афанасия Никитина см. прим. 368.

283 Булгак — спор, крик, свалка, борьба.

284 Яйша-мурза — Мирза Джеханшах (тюркское вульгарное произношение — Джанша, Янша), государь „чернобаранных" туркмен (Кара-Койюнлу), правил с 1436 по 1467 гг.; первоначально владел только Азербайджаном и Арменией, но в 1453—1458 гг. завладел всем западным Ираном, в 1458 г. занял было и Хорасан, но должен был уступить его тимуридскому государю, султану Абу-Са'иду (1451—1469 гг.), с которым заключил затем военный союз. Джеханшах погиб в сражении с войсками своего старинного врага, государя „белобаранных" туркмен (Ак-Койюнлу) Узун-Хасана, в ноябре 1467 г. на Мушской равнине в южной Армении. Об этом факте и упоминает Афанасий Никитин.

285 Узуосанбек, Узуасан — Узун-Хасан-бек, см. прим. 342.

286 Солтамусаить — султан Абу-Са'ид, из династии Тимуридов, с 1451 г.— государь Средней Азии, с 1459 г. — также и Хорасана и всего восточного Ирана. В 1468 г., после победы Узун-Хасана белобаранного над Джеханшахом чернобаранным, под предлогом помощи сыновьям последнего Абу-Са'ид совершил поход в Азербайджан, но войско его было окружено и блокировано в Муганской степи войсками Узун-Хасана и его союзника, ширваншаха Фаррух-Ясара (у которого побывал Афанасий Никитин в 1466 г., см. прим. 28) и голодом доведено до сдачи. Пленный Абу-Са'ид, однако, не был окормлен, т. е. отравлен, как пишет Афанасий Никитин, а выдан своему сопернику и родичу, тимуридскому царевичу Мухаммед-Ядигару, которым и был обезглавлен (в начале 1469 г.).

287 Едигерь Махмет — Мухаммед-Ядигар, см. прим. 286.

288 Мякъка — Мекка, см. прим. 132. Доступ в Мекку был запрещен для немусульман.

289 Сында — сыта (русск.).

290 Меликтучар — см. прим. 109.

291 Юк — здесь вьюк. — Олмаз — алмаз.

292 Кирпук — см. прим. 204.

293 Султан — бахманидский государь, см. прим. 107.

294 Суфрея — перс. „суфрэ“ — скатерть, закуска, трапеза.

295 Нагар — см. прим. 251.

296 Мызамылк — Низам-ал-мульк (ар.) — „устроение царства“, титул мелика Хасана Бахри, одного из военачальников бахманидского султана Мухаммед-шаха III, тарафдара (наместника) области Телингана (по Фериштэ), индийского мусульманина, врага Мелик-ат-туджжара. О деятельности Низам-ал-мулька см. прим 109.

297 Мекхан — Мелик-хан, см. прим. 110.

298 Фаратхан — Фархат-хан, вассал бахманидского султана, см. прим. 110.

299 Госпожин день — христ. праздник успения девы Марии, 15 августа.

300 Ших Аладин — см. прим. 98.

301 Покров богородицы — христианский праздник, 1 октября.

302 Чюнедар и Бинедарь — по мнению Минаева, искажение вместо „Биченегир“, см. прим. 315.

303 Султан — бахманидский государь Мухаммед-шах III, см. прим. 107.

304 Бедерь — Бидар, см. прим. 90.

305 Малхан — неясно, какого из вассалов бахманидского султана имеет в виду Афанасий Никитин; возможно, Мелик-хан.

306 Бедерьхан — один из вассалов того же султана, возможно, бидарский градоначальник.

307 Возырхан — не ясно, кого имеет в виду наш автор.

308 Кутархан — согласно Минаеву, Кутувал-хан, комендант крепости Бидара.

309 Авдоном индейский — греч. „самодержец индийский“. Судя по контексту, — один из индийских (не мусульманских) вассалов бахманидского султана.

310 Раст дени худо доносит — перс. „раст дини [правильнее было бы „дин-и раст“] худа данест“ (вместо „данед“, прошедшее время употреблено вместо настоящего), „правую веру бог ведает“.

311 Улубаграм — см. прим. 141.

312 Маметь дени росолял — т.-ар. „Мухаммед динин расуль Аллах“ — „Мухаммедовой веры пророк божий“, Мухаммед.

313 Кульберг — см. прим. 92.

314 Султан кадам — индийский (не мусульманский) государь Виджаянагара. Кадам — не собственное его имя; царем Виджаянагара в то время мог быть Рам-Чандра-рао или Нарсинха-рао. Значение титула „кадам“ не ясно.

315 Биченегир — Виджаянагар (у мусульман — Биджанагар), большой город в южной Индии, на р. Тунгабхадре, под 15°20′ с. ш. и 76°28′ в. д., был столицей большого феодального индийского (не мусульманского) Виджаянагарского государства (см. ниже). Был основан около 1336 г. и в течение более двух столетий играл огромную политическую и экономическую роль. Согласно описанию Абд-ар-реззака Самарканди, приезжавшего в Виджаянагар с дипломатическими поручениями от тимуридского султана Шахруха в 1442/43 г., город был окружен семью линиями крепостных стен. Подступы к первой внешней стене защищали огромные камни, в рост человека, врытые в землю. В пространстве между первой и третьей стенами располагались предместья города, с садами и возделанными полями. В пространстве между третьей и седьмой стенами располагались торговые и ремесленные кварталы города, с 4 главными базарами, представлявшими крытые галереи под арками; на базарах Абд-ар-реззака поразило обилие роз и других цветов. Близ базара был дворец градоначальника и ряд пышных зданий государственных учреждений. Целая улица была занята публичными домами, приносившими виджаянагарскому царю огромный доход, шедший на содержание 12 тысяч гвардейцев, каждый из которых получал жалованье, коня, раба-конюха и рабыню-наложницу. Город был прорезан множеством каналов. В центре города, защищенная седьмою стеною, находилась внутренняя цитадель с царским дворцом. Абд-ар-реззак описывает роскошь дворца. Послов царь принимал в зале с 4 эстрадами по сторонам, в 10 гезов (гез — несколько более 1 метра) в длину и ширину каждая; стены и потолок их были украшены гирляндами листьев из золота. На передней эстраде возвышался грандиозный царский трон из чистого золота с драгоценными камнями. Царь восседал на троне, на подушке, обшитой жемчугом. Дуарте Барбоса также говорит о великолепии и многолюдстве Виджаянагара, в котором всегда было множество приезжих купцов разных вер и народностей. Всякий — мусульманин, христианин и индуист — мог здесь свободно исповедовать свою веру, купцы пользовались защитой со стороны царя. Из Пегу и Цейлона сюда привозили драгоценные камни, из Хормуза — жемчуг, из Китая и Египта — парчу и шелковые ткани, с Малабарского берега Индии — перец, из мусульманских стран — различные ткани, кораллы,

медь, ртуть, шафран, розовую воду и благовония. В обращении была золотая монета. От крайних южных до северных укреплений город растянулся на 20 км в длину, от западных до восточных — на 16 км; внутренняя цитадель имела в длину $3^{1}/_{2}$ км, в ширину — 2 км. В январе 1565 г. Виджаянагар был разрушен мусульманами, теперь не существует. Государство Виджаянагар было основано индийским феодалом Харихара (1336—1343 гг.) и просуществовало до 1565 г. Оно было особенно могущественно в XV в., включив в свои пределы всю южную Индию (к югу от р. Кришны или Кистны), с городами Мадура, Негапатам, Кочин, Каликут и др. Царь носил титул „махараджадхираджа" — „великий царь всех царей". Царь Део-Райя II (1419—1449 гг.) реорганизовал армию и с успехом боролся с государством Бахманидов. Вообще же вся история Виджаянагарского царства заполнена войнами с мусульманскими владетелями, особенно с государством Бахманидов (1347—1526 гг.), чаще всего с перевесом на стороне последних. Иногда эти войны велись из-за спорной территории Райчур (см. прим. 221—222) с алмазными копями, иногда же Бахманиды выставляли единственным предлогом для войны религиозный долг мусульман — вести войну с неверными идолопоклонниками. Со стороны мусульман их походы на территорию Виджаянагара обычно сопровождались массовым уводом пленников в рабство. Виджаянагарское царство было богаче Бахманидского и, со времени Део-Райи II, содержало более многочисленную (частью наемную) армию, однако ополчения мусульманских владетелей обладали более высокими боевыми качествами. Источником слабости Виджаянагарского, феодального с рабовладельческим укладом, государства были крайне обостренные классовые противоречия и бедственное положение народных масс. Поход бахманидского султана Мухаммеда III, о котором рассказывает Афанасий Никитин, по словам историка Фериштэ, окончился взятием крепости Белгаума; вассал виджаянагарского царя, Викрама-раджа, подчинился бахманидскому султану. После распада царства Бахманидов на несколько феодальных мусульманских государств (1526 г.) последние продолжали войны с виджаянагарскими „идолопоклонниками". В январе 1565 г. соединенные ополчения султанов Бидара, Голконды, Биджапура и Ахмеднагара разбили виджаянагарского царя Рама-раджу и разрушили его царство.

316 Женгиль — перс. „дженгелъ" (отсюда „джунгли") — лес, чаща.

317 Деберь зла, тикень. Деберь зла — „злая дебрь", т. е. густой лес. Тикень — неясное выражение; по предположению Минаева, это „тхикен" (на яз. маратхи) — поле.

318 Меликчан — Меликтучар, см. прим. 109. Ходя — ходжа, см. прим. 83.

319 Куруль — Кулур, см. прим. 222.

320 Акик — см. прим. 167.

321 Сулях микунет — перс. „салах микунед“ — „благое деяние совершает“.

322 Калика — Коилконда, Голконда, большой город в Декане, к юго-востоку от Гульбарги. В XV в. принадлежал Бахманидам, позже, в XVI—XVIII вв., был столицей самостоятельного феодального мусульманского государства, в XVII—XVIII вв. славился своим богатством.

323 Конаберга — вероятно то же, что Колуберга, т. е. Гульбарга, см. прим. 92.

324 Аминдрие, Камендрея, Кынаряс, Сури — местоположение этих мест неясно.

325 Дабыль — Дабул, см. прим. 151.

326 Тава — см. прим. 50.

327 Налон — плата за проезд на корабле, возможно от греческого ναύλον — „плата за проезд на судне“ (от греч. ναῦς — „корабль“), ср. франц naulage, итальянск. nolo, nuolo, испанск. nolito; ср. перс. „нав“, „нава“ — лодка, судно.

328 Горы Ефиопскыя — нагорный берег Эфиопии (Абиссинии).

329 Олло переводигерь — см. прим. 246. Дальше см. перевод, стр. 72.

330 Мошкат — см. прим. 52.

331 Гурмыз — см. прим. 48.

332 Ларь — см. прим. 46.

333 Ширяз — Шираз, главный город южноиранской области Фарс, под 29°35′ с. ш. и 52°30′ в. д., на высоте 1550 м над уровнем моря. Шираз в исламскую эпоху занял место древнего Истахра, прежней столицы Фарса. Долина Шираза славилась ровным умеренно теплым климатом, обилием воды и прекрасными плодовыми садами и виноградниками; особенно славился местный виноград сорта „мискали“. Ширазское вино было предметом вывоза. Долина орошалась каналами и каризами (см. прим. 42), лучшим из которых считался кариз Рукнабад. Кроме плодов и роз, в долине возделывали пшеницу и хлопок. К западу от Шираза находилась знаменитая долина Ша'б-Бavван, покрытая на протяжении 3 фарсангов (около 20 км) сплошными плодовыми садами, описываемыми арабскими и персидскими географами как одно из 4 „чудес“ мусульманского мира (наряду с садами районов Самарканда, Дамаска и Бавильруда близ Тебриза). Город и район сравнительно мало пострадали от монгольского нашествия. В 1393 г. Шираз вошел в состав державы Тимуридов, в 1452 г. — в состав Туркменской чернобаранной (Кара-Койюнлу) державы (см. прим. 284), в 1469 г. — в состав утвердившейся на развалинах последней туркменской белобаранной (Ак-Койюнлу) державы (см. прим. 342). Султан Узун-Хасан

Ак-Койюнлу (1453—1478 гг.) отдал в 1469 г. Фарс с Ширазом в удел одному из своих сыновей, Султан-Халилу, который и правил здесь во время путешествия Афанасия Никитина. Шираз лежал на караванном пути, соединявшем Исфахан с побережьем Персидского залива. В XIII—XV вв. Шираз был одним из крупнейших торговых центров в Иране. Город лежал на узле караванных путей, и почти вся торговля Ирана и Средней Азии с Индией велась через Шираз и Хормуз (Абд-ар-реззак Самарканди, Барбаро). Шираз был и крупным культурным центром; здесь провели большую часть жизни и погребены великие персидские поэты Са'ди (1186—1291 гг.) и Хафиз (умер около 1389 г.). В XV в. Шираз, вместе с Тебризом и Хератом, был одним из трех величайших городов Передней Азии. Согласно Барбаро (1474 г.), город с предместьями имел 20 миль в окружности (по Хамдаллаху Казвини 1340 г. — 12 500 шагов), в городе было 200 тысяч домов (=семейств, т. е. до 900 тысяч жителей). Эта цифра, возможно, ошибочна: более правдоподобной кажется цифра, приведенная Анджолелло (начало XVI в.) — 200 тысяч душ.

334 Верху, Вергу — Аберкух, город в северной части области Фарс, к юго-западу от Йезда и к юго-востоку от Йездихаста, под 31°10′ с. ш. и 53°30′ в. д. Во второй половине XV в. управлялся местной династией в вассальной зависимости от туркменской державы Ак-Койюнлу.

335 Ездь — Йезд, см. прим. 42.

336 Спагань, Испогань — Испахан или Исфахан, большой город в Ираке персидском (сев.-зап. Иран), под 32°42′ с. ш. и 51°42′ в. д., на высоте свыше 1600 м над у. м., на реке Зендэ-руд, на равнине, окруженной горами. Под именем 'Ασπαδάνα упоминается еще у античных географов. В X — начале XIII в. был одним из величайших городов Ближнего Востока; состоял из цитадели (шахристан) и торгово-ремесленного предместья (рабад), возникшего в эту эпоху на месте прежнего еврейского поселения (Йахудийя). В 1238 г. Исфахан был разрушен монголами, но быстро оправился. По описанию Хамдаллаха Казвини (1340 г.), окружность городских стен равнялась 21 тысяче шагов, в городе было 44 квартала, много базаров, сотни мечетей, медресэ и дервишеских обителей; Исфаханский округ насчитывал 400 селений и изобиловал плодами (лучшие в Иране дыни, служившие предметом вывоза). По словам автора „Истории Исфахана", составленной в 1329 г., город славился массовым производством хлопчатобумажных ниток и тканей высокого качества; 1 харвар (ослиный вьюк) таких тканей равнялся по цене 10 харварам египетских шелковых тканей. Ибн Батута (30-е годы XIV в.) сообщает об исфаханских ремесленных корпорациях. В XIII—XIV вв. в Исфахане происходила острая классовая борьба, часто принимавшая форму вооруженных столкновений между феодально-купеческой верхушкой и городскими низами, под оболочкой рели-

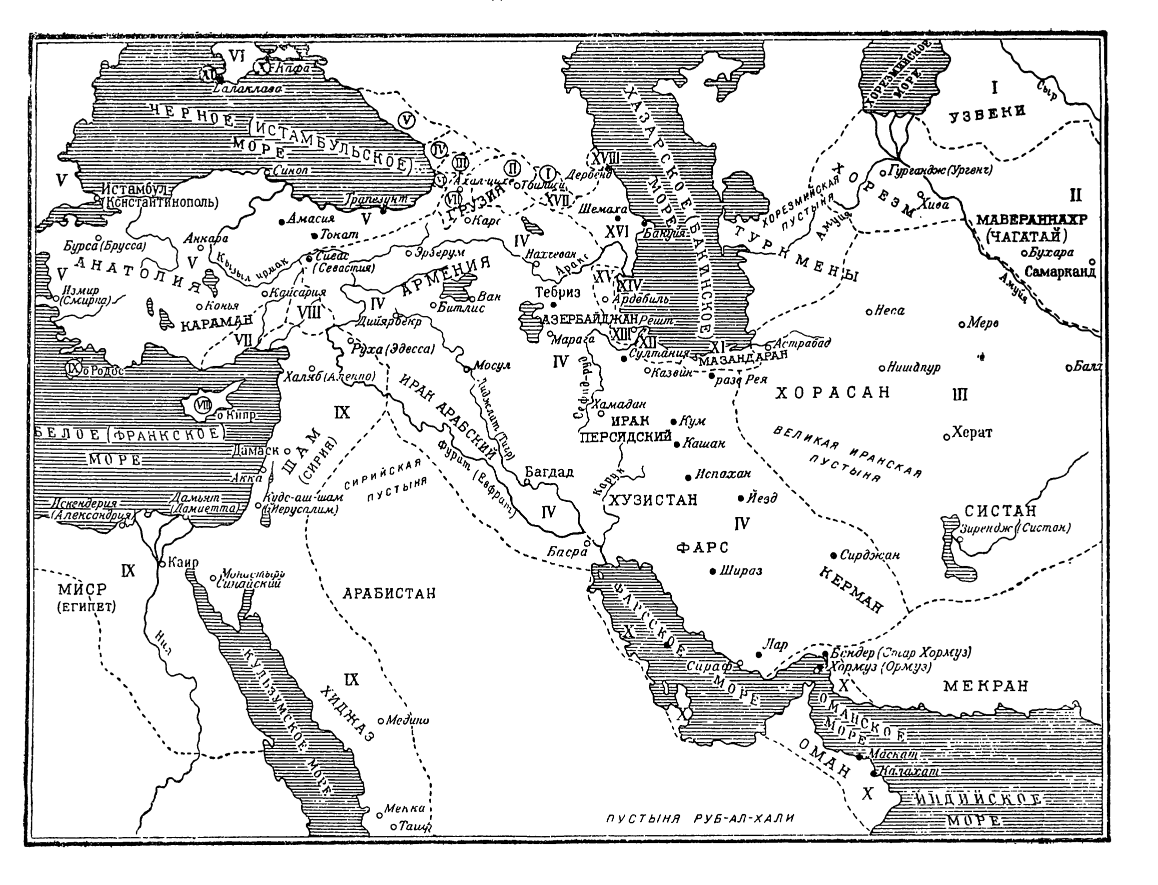
гиозной борьбы между суннитами и шиитами. В 1387 г. Исфахан был занят войсками Тимура, который подавил восстание городских низов, вырезав 70 тысяч человек, воздвигнув башни из черепов убитых и разорив город. Сын Тимура султан Шахрух в 1415 г. принял меры к возрождению города, уменьшив подати на $^1/_3$ и раздав городским низам пособий на сумму 100 тысяч динаров (Абд-ар-реззак Самарканди). В 1452 г. город был взят и опустошен Джеханшахом чернобаранным (Кара-Койюнлу), после чего находился в упадке до конца XVI в. По словам Барбаро (1474 г.), окружность стен Исфахана с предместьями равнялась 10 милям, но жителей оставалось всего 50 тысяч душ. Контарини (1474 г.) говорит об Исфахане как о большом и красивом городе, но отмечает печальное состояние сельской округи: весь путь от Тебриза до Исфахана (24 дня пути) имел вид бесплодной равнины, только местами орошенной и обработанной. Вероятно, этим объяснялась отмеченная Контарини дороговизна жизненных припасов: кварт ($2^1/_2$ ведра) вина стоил 3—4 червонца, верблюжий вьюк дров — 1 червонец, 7 штук кур — 1 червонец; прочие припасы были гораздо дороже, нежели в Италии. С 1469 г. Исфахан входил в состав владений туркменской „белобаранной" державы (Ак-Койюнлу).

337 Кашанъ — Кашан, см. прим. 40.

338 Кум, Ком, город в Ираке персидском под 34°35′ с. ш. и 50°48′ в. д. Город сильно пострадал во время монгольского завоевания, и, по словам Хамдаллаха Казвини, еще около 1340 г. большая часть города лежала в развалинах. Однако в городе была крепкая цитадель; окружность городского вала в тот же период равнялась 10 тысячам шагов. В Куме находилось одно из наиболее чтимых шиитами святилищ — мавзолей святой Фатимы, сестры восьмого шиитского имама Али Ризы (начало IX в.). Жители города в XIII—XV вв. считались крайне фанатичными шиитами толка имамитов (поклонников 12 имамов). В 1474 г. Кум посетил Контарини, по словам которого кумский рынок „изобиловал всякого рода туземными произведениями и мелкими товарами", иными словами, торговля города обслуживала преимущественно местный рынок. Во второй половине XV в. Кум вместе со всем Ираком персидским входил в состав владений туркменской державы Ак-Койюнлу. По словам Барбаро, в Куме было 20 тысяч домов (семейств), т. е. около 90 тысяч жителей.

339 Сава — Савэ, город в Ираке персидском, под 35° с. ш. и 50°15′ в. д. В 1220 г. Сава была разрушена монголами, которые, между прочим, сожгли находившуюся здесь прекрасную библиотеку и астрономические инструменты. В XIV—XV вв. город был невелик; окружающий сельскохозяйственный район производил хлопок, пшеницу и прекрасные плоды — фиги (инжир), яблоки, айву, груши и гранаты. Как во многих городах Ирана в XIII—XV вв., горожане Савы были суннитами шафиитского толка, а окрестные сельчане

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ 1472 Г.



Объяснения к карте „Передняя Азия в 1472 г.“

Мусульманские государства

(Римские цифры без кружков)

I Узбекское ханство
II Государство Тимуридов Мавераннахра (удел Султан-Ахмеда)
III Государство Тимуридов Хорасана (удел Султан-Хусейна)
IV Государство белобаранных туркмен (Ак-Койюнлу)
V Османская (Турецкая) держава
VI Крымское ханство
VII Эмирство Караман
VIII ЭмирствоЗулкадар
IX Египетско-сирийский султанат мамлюков
X Владения и вассалы мелика Хормузского
XI Независимые княжества Мазандерана
XII Ханство Бийя-Пиш
XIII Ханство Бийя-Пас
XIV Талышское ханство
XV Духовное княжество ардебильских шейхов Сефевидов
XVI Владения Ширваншаха
XVII Эмирство Шеки
XVIII Княжество Кайтак

Христианские государства

(Римские цифры в кружках)

I Царство Кахетия
II Царство Картлия
III Царство Имеретия
IV Княжество Мингрелия
V Княжество Абхазия
VI Княжество Гурия
VII Атабекство Месхетия (Самцхе — саатабаго)
VIII Королевство Кипр
IX Остров Родос (владение рыцарей-иоаннитов)
X Генуэзские колонии в Крыму
XI Греческое княжество Мангуп в Крыму

● Пункты, через которые проходил Афанасий Никитин

держались шиизма. Во второй половине XV в. Сава входила в состав туркменской державы Ак-Койюнлу. Развалины средневековой Савы находятся близ городка нашего времени. Сохранились художественные памятники — мечети и др.

340 Султания — Султанийэ, город в Ираке персидском под 36°25′ с. ш. и 48°36′ в. д., абсолютная высота местоположения, по определению разных авторов,— от 1650 до 1800 м, вследствие чего климат Султании характеризуется холодной зимой и прохладным летом. Строительство города было начато монгольским государем Ирана Аргун-ханом (1284—1291 гг.) и завершено в 1305 г. Ольджайту-ханом, который перенес сюда свою резиденцию. Выбор места новой резиденции обусловливался тем, что здесь, в прохладном высокогорье, находились прекрасные пастбища, служившие для летних кочевок монголов, и места охоты, изобиловавшие дичью и зверем. В XIV в. Султания была самым большим городом Ирака персидского. Хозяйственное значение Султании определялось тем, что она была узлом 5 больших караванных „царских дорог“ (шахрах): 1) „южной“ — Султания—Хамадан—Багдад—Мекка, 2) „восточной“ — Султания—Рей—Верамин—Нишапур (отсюда пути расходились на Балх — Среднюю Азию, на Хорезм и на Херат), 3) „северной“ — Султания—Ардебиль—Дербенд, 4) „западной“ — Султания—Тебриз—Арзан-ар-рум (Эрзерум) — Эрзинджан—Сивас—Конья в Малой Азии, 5) „между западом и югом“ — Султания—Сава—Кум—Кашан—Исфахан—Йездихаст—Шираз—Киш (остров Персидского залива); последним путем, временами отступая от него, и следовал Афанасий Никитин в 1472 г. Благодаря обилию купцов, население Султании было разноплеменным, хотя преобладали персы. О наличии здесь генуэзских и других итальянских купцов можно судить по тому, что в начале XIV в. сюда был назначен католическим архиепископом Вильгельм Адэ. Католическое архиепископство здесь существовало до начала XV в. При Ольджайту-хане окружность вала Султании равнялась 30 тысячам шагов. Тогда уже в городе был воздвигнут ряд художественных построек, среди которых первое место занимала сохранившаяся и доныне мечеть с гробницей Ольджайту-хана Худабендэ, один из лучших памятников иранского зодчества. Мечеть эта описана Дьелафуа, Зарре и др. В 1385 г. Султания была занята войсками Тимура. В 1404 г. через город проезжал Клавихо, по словам которого купцы из „Малой Индии“ (Кермана и юго-восточных областей Ирана) привозили сюда гвоздику, мускатный орех, корицу и лучшие пряности, которые не привозились ни в Сирию, ни в Александрию. Шелк из Гиляна и Шемахи через Султанию вывозили в Сирию и Турцию. Из Шираза в Султанию привозили шелковые и бумажные ткани, тафту и другие товары, из Хормуза — жемчуг, из Хорасана — бумагу и крашеные бумажные ткани. Значение Султании в этот период характеризуется тем, что Тимур, назвав четыре селения под Самаркандом

именами четырех величайших городов Передней Азии, дабы подчеркнуть первенствующую роль Самарканда во всем мусульманском мире, одно из этих селений назвал Султанией. От Султании до Хормуза в XV в. считалось 60 дней пути, от Султании до Баку — всего 6 дней, считая и плаванье по морю. В XV в. Султания находилась последовательно под властью Тимуридов (до 1452 г.), туркмен Кара-Койюнлу (1452—1469 гг.) и туркмен Ак-Койюнлу (1469—1502 гг.). При взятии Султании туркменами Кара-Койюнлу город был разорен до тла, и в последней четверти XV в. в Султании оставалось всего 7—8 тысяч жителей (Барбаро). Город уступил свое хозяйственное значение Казвину и пришел в полный упадок. В наши дни в Султании не более 400—500 домов, т. е. менее 2500 жителей.

341 Теръвиз — Тебриз, Тавриз, у армян Давриж, город в южном (ныне иранском) Азербайджане под 38° с. ш. и 46°15′ в. д., на абсолютной высоте 1500 м. В VIII—IX вв. Тебриз был незначительным местечком. В конце X — начале XIII в. был городом средней величины. Расцвет его относится к периоду со второй половины XIII в. до начала XVIII в. Город последовательно был столицей монархов из династий: монгольских ханов — Хулагуидов (с 1265 г. до 1305 г.), Джелаиридов (между 1360 и 1386 гг.), Кара-Койюнлу (с 1410 г. до 1468 г.), Ак-Койюнлу (с 1468 г. до 1501 г.) и первых Сефевидов (с 1502 г. до 1548 г.). Клавихо (1404 г.) определяет численность населения Тебриза, с преувеличением, в 200 тысяч домов (т. е. семейств); персидский анонимный автор хроники шаха Исмаила I (начало XVI в.) — в 300 тысяч человек. Хондемир (начало XVI в.) считал Тебриз „населеннейшим из городов обитаемой четвертой части мира". Тебриз лежал на большой „западной" царской караванной дороге; в XV в. здесь был узел ряда других караванных путей, складочное место и перегрузочный пункт торговли товарами стран Переднего Востока: шелком-сырцом грузинским, ширванским, гилянским, шелковыми тканями из Йезда, шерстяными и другими тканями из Алеппо, сукнами из Бруссы и из стран Западной Европы, жемчугом из Ормуза, мускусом, кошенилью, индиго и другими красками. В XIII—XV вв. здесь было много генуэзских и венецианских купцов, имевших с начала XIV в. своих консулов. Тебризские ремесленные мастера (в частности „златошвецы" — „зердузан") пользовались славой во всей Передней Азии. Здесь изготовлялись шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани (особенно славились шелковые четырехцветные ткани „кассаб-дарьяйи"), парча, шали, ковры, лучший сафьян, ювелирные, серебряные и железные изделия, оружие и т. д. Город был перестроен и расширен при Газан-хане монгольском (1295—1304 гг.), при котором были выстроены новые стены окружностью в 25 тысяч шагов или в 4½ фарсанга (25—27 км). Город был опоясан кольцом садов, орошавшихся 900 каналами и каризами; плоды тебризских садов, особенно виноград и абрикосы, славились во всей Передней Азии. Сады близлежащего района

Бавильруд, по словам Хамдаллаха Казвини, считались лучше садов Самарканда, Шираза и Дамаска. Высокохудожественные архитектурные памятники Тебриза XIII—XV вв., по свидетельству источников, не имели себе равных в Иране. Лучшими памятниками считались: мечеть Тадж-ад-дина Алишаха (конец XIII в.), мавзолей Газан-хана и другие постройки (среди них обсерватория и школа „светских наук") этого хана в пригороде Шанб-и Газан (начало XIV в.), мечеть Устад-Шагирда (около 1340 г.), великолепная Синяя мечеть, построенная Джеханшахом Кара-Койюнлу в половине XV в., медресэ Насрийэ и крытый рынок Кайсарийэ, построенные Узун-Хасаном Ак-Койюнлу (между 1468—1478 гг.). Большая часть этих памятников была разрушена в конце XVI — первой половине XVII в. Во время посещения Афанасия Никитина Тебриз был столицей туркменского государя Узун-Хасана Ак-Койюнлу, который овладел им, разрушив державу Кара-Койюнлу, в 1468 г. Сношения Узун-Хасана с Венецией вызвали ряд венецианских посольств, побывавших в Тебризе: Катерино Зено (1471 г.), Джозафа Барбаро (1471 — 1479 гг.), Амброджио Контарини (1474 г.); описание Тебриза оставили двое последних, а также анонимный венецианский купец (1507 и следующие годы).

342 Асанбег, Узуосанбег — Узун-Хасан или Хасан-бек, сын Али, внук Османа Кара-Юлука, из династии Байяндури, стоял во главе объединения туркменских племен Ак-Койюнлу („белобаранных"), царствовал в 1453—1478 гг. В начале своего правления владел Дийярбекром (верхняя Месопотамия), в 50-х годах XV в. завоевал Армению и Курдистан, в 1467 г. разгромил войско враждебного ему объединения туркменских племен Кара-Койюнлу (чернобаранного, см. прим. 284), в 1468 г. завладел южным Азербайджаном и другими областями державы Кара-Койюнлу. К концу правления Узун-Хасана в составе державы Ак-Койюнлу находились: Дийярбекр, Ирак арабский (Месопотамия), Курдистан, Армения, большая часть Азербайджана до р. Куры на севере и весь Иран, кроме Гиляна, Мазандарана и Хорасана; последний оставался в руках Тимуридов. Узун-Хасан был выдающимся полководцем и правителем. При дипломатических сношениях пользовался услугами своей матери Сарай-хатун, дипломатический талант которой заслуживал общее признание в странах Передней и Средней Азии. Узун-Хасан был зятем и союзником последнего трапезунтского императора Давида (см. прим. 350). Вел упорную борьбу с османской Турцией (султан Мухаммед II, 1451—1481 гг.); заключил против Турции союз с Венецией и пытался заключить такие же союзы с рядом других европейских государств (Венгрией, Польшей, а также с римским папой). Сношения с Венецией велись через туркменское государство Караман на юго-востоке Азии (см. прим. 347) и королевство Кипр (основано крестоносцами в 1191 г., в 1489 г. присоединено к владениям Венеции); от Венеции Узун-Хасан получал и оружие. Узун-Хасан опустошил часть принадлежавшей Турции Малой Азии, был

разбит турками при Терджане (1473 г.). В результате этой победы Турция удержала за собой Малую Азию. Об отношениях Узун-Хасана с Тимуридами см. прим. 286. Узун-Хасан умер во время похода в Грузию в январе 1478 г. Узун-Хасан не покидал кочевого образа жизни, и его „орда“ (ставка) часто меняла местопребывание.

343 Турьский — турецкий султан Мухаммед II (1451—1481 гг.) из династии Османов, завоеватель Константинополя, Сербии, Албании, Афин, Мореи, Трапезунта, Карамана и Крыма.

344 Севасть, Севастея — тюркск. Сивас, Севастия греков, город в восточной части Малой Азии, нар. Кызыл-ирмак (греч. Галис), на большей „западной“ караванной дороге Султания — Тебриз — Конья. Был известен выработкой шерсти.

345 Тохан — Токат, город в Малой Азии на р. Тозанлы-су (древний Ирис) под 40°20′ с. ш. и 36°30′ в. д. И при византийском, и при сельджукском владычестве стратегическое значение Токата было велико, благодаря его сильной цитадели Дазимон, расположенной на скале. К османской Турции присоединен в 1392 г. Был опустошен туркменами Узун-Хасана в 1471 г.

346 Амасия — Амасья, значительный город в Малой Азии под 40°35 с. ш. и 35°55′ в. д., на р. Йешиль-ирмяк. Известен мощной цитаделью на скале и рядом архитектурных памятников — античных и мусульманских. Под властью османской Турции находился с конца XIV в. В 1471 г. Амасья была опустошена Узун-Хасаном.

347 Караман — туркменское государство в юго-восточной части Малой Азии, названное по имени правившей династии Караман-оглу (около 1223—1487 гг.), обнимало территорию древней Ликаонии и Памфилии а также части Каппадокии и Киликии. Столицей одно время была Конья (Иконий). В XV в. эмиры Карамана чаще всего вели борьбу с османскими султанами Турции, стремясь не допустить расширения владений последних в Малой Азии. В целях борьбы с Турцией караманский эмир Тадж-ад-дин Ибрахим (1425—1463 гг.) вступил в союз с германским императором Сигизмундом (1400—1437 гг.). После отречения Ибрахима от престола династические споры в Карамане дали повод для вмешательства Мухаммеду II османскому и Узун-Хасану Ак-Койюнлу. Первый поддержал сына Ибрахима, Пир-Ахмеда, а второй — другого сына Ибрахима, Исхака. С помощью Мухаммеда II Пир-Ахмед утвердился в Карамане (1465 г.), разбив брата, но затем сам вступил в сношения с Венецией, кипрским королем и Узун-Хасаном. Османы заняли Конью (1467 г.) и большую часть караманских владений. После смерти Пир-Ахмеда (1474 г.) его преемники держались еще в горных ущельях Киликийского Тавра при помощи туркмен Ак-

Койюнлу и Венеции, оказывавшей Караману поддержку со стороны Кипра, однако в конце концов были вытеснены из своих владений османами.

348 Арцицин — Арзинджан, Эрзинджан (арм. Ерзинка) — город на Армянском нагорье, восточнее Сиваса, на большой „западной" караванной дороге, под 39°45′ с. ш. и 39°38′ в. д.

349 Рьцан — повидимому, Арцицин, т. е. Эрзинджан.

350 Трепизон — Трапезунт, у турков Трабзон, Тарабузун, город на южном побережье Черного моря, под 41° с. ш. и 39°50′ в. д. В XIII—XV вв. город играл роль большого морского порта. После взятия Константинополя крестоносцами и распада Византийской империи (1204 г.) Трапезунт стал центром так называемой Трапезунтской империи, полугреческой, полугрузинской по составу населения и господствующего класса, просуществовавшей с 1204 до 1461 г. (династия Комненов). Население состояло из греков и картвельских народов — лазов и грузин, православных по вере. Союз трапезунтских императоров с туркменскими белобаранными (Ак-Койюнлу) государями в XV в. поддерживался брачными связями: дед Узун-Хасана Осман Кара-Юлук был женат на дочери трапезунтского императора Алексея, сам Узун-Хасан был женат на дочери императора Калоиоанна Катерине, по прозванию Деспина-хатун. Распространенное прежде мнение о том, что и мать Узун-Хасана, известная женщина-дипломат Сарай-хатун, также была из семьи трапезунтских Комненов, не разделяется новейшими исследователями. Последний трапезунтский император Давид (1458—1461 гг.), стесненный османскими турками с суши и с моря, сдал свою столицу Мухаммеду II Османскому. Попытка посредничества со стороны Узун-Хасана Ак-Койюнлу, пославшего свою мать Сарай-хатун к Мухаммеду II с миссией отклонить последнего от похода на Трапезунт, не имела успеха. Узун-Хасан, занятый в то время борьбой с туркменами Кара-Койюнлу, не мог оказать военной помощи Трапезунту. Афанасий Никитин прибыл в Трапезунт через 11 лет после перехода города под власть Турции (1461 г). Турецкое завоевание подорвало благосостояние Трапезунта: только $^1/_3$ прежнего христианского населения города, и то исключительно из числа ремесленников и городской бедноты, получила разрешение остаться в городе. Остальные жители были частью переселены турками в Константинополь (особенно знать и крупное купечество), частью (юноши и девушки) розданы в качестве рабов турецким воинам. Поэтому около 1472 г. большая часть города находилась в запустении и была необитаема.

351 Налон — см. прим. 327.

352 Харчь — ар. хардж — „расход", „издержка", „трата", также „пошлина", „налог". Выражение Афанасия Никитина: „а золотой есми взял на харчь, а дати в Кафе" заставляет предполагать значение „пошлина".

353 Кафа — ныне Феодосия, город и порт на юго-восточном берегу Крыма, под 45° с. ш. и 35° в. д. Город был основан милетскими греками как колония Милета и в Античную эпоху был известен (как и потом снова в наши дни) под именем Феодосии. Под именем же Кафы (Καφᾶ) город впервые упоминается в X в. у Константина Багрянородного (De administrando imperii, гл. 53). В дальнейшем вплоть до XIX в. город и у европейских и у мусульманских авторов постоянно именуется Кафа, Каффа, ал-Кафа До первой трети XIII в. город принадлежал Византии, затем перешел под власть монголов. Золотоордынским ханом Кафа была отдана в удел Уранг-Тимуру, сыну Туга-Тимура, младшего сына Бату (Батыя), сына Чингисхана. Однако вскоре Кафа была приобретена покупкой у Уранг-Тимура Генуэзской республикой (в 60-х годах XIII в.). Генуэзская колония в Кафе, известная под именем gazaria, gazzaria, главное управление которой находилось в Генуе, в XIV—XV вв. процветала. Ибн Батута говорит о Кафе как о порте мирового значения. С 1318 г. в Кафе существовало католическое епископство. Помимо итальянцев-генуэзцев, в Кафе было много армян (в XV в. отмечается сильная эмиграция в Кафу и Крым из Армении, разоренной вконец туркменскими кочевниками Кара-Койюнлу), греков и татар; последние жили в особом предместье. В XV в. Кафа постоянно посещалась русскими купцами, приобретавшими здесь товары, привозившиеся сюда с Востока. Около 1470 г. в Кафе было до 80 тысяч жителей. С 1434 г. генуэзская колония в Кафе вынуждена была платить дань крымскому хану. Во время посещения Кафы Афанасием Никитиным (1472 г.) город находился еще в руках генуэзцев, но в 1475 г. Кафа была захвачена турками и, вместе с некоторыми районами южного берега Крыма, вошла непосредственно в состав владений османской Турции и управлялась особым бейлербеем (пашой).

354 Шубашь — т. „су-башы“. В древнейшем значении в некоторых тюркских языках — военачальник, от „су“ — войско (в восточных тюркских языках) и „баш“ — голова, глава. В османской Турции в XIV—XV вв. различались столичные и провинциальные су-башы. Последние были местными феодалами, наделенными ленными владениями (тимар), ведавшими феодальными ополчениями (сипахи) определенных небольших районов и полицейской властью над гражданским населением. Су-башы были подчинены санджакбеям и бейлербеям.

355 Паша — осм., этимология термина исследователями предлагалась различная: от т. „баш“ — голова, от т. „баш-ага“ — старший брат, господин, от татарск. „баскак“ (титул монгольских наместников в XIII—XIV вв.), от перс. „пай-и шах“ — подножие царя (шаха). Наиболее принята предложенная Будаговым этимология от перс. „падишах“. В Иране этот титул давался независимому государю, в Малой Азии же в XIII—XIV вв. и неболь-

ших местных владетельных феодалов именовали „падишахами“ или „пашами“. В Турецком (Османском) государстве XV в. уже была известна только форма „паша“ как самый почетный из официальных титулов. Значение термина „паша“ изменялось. В XV—XVI вв. этот титул присваивался, в частности, наместникам больших областей — бейлербеям, которые нередко были крупнейшими местными феодалами. В данном контексте паша — бейлербей.

356 Много зла ми учиниша и т. д. — Подозрительное и враждебное отношение турецких властей в Трапезунте к Афанасию Никитину объясняется тем, что он прибыл из воевавшей тогда с Турцией туркменской державы Ак-Койюнлу. Турецкие власти заподозрили в Афанасии шпиона Узун-Хасана Ак-Койюнлу. Этим и объясняется строгий обыск и розыски „грамот“.

357 Хлам мой весь взнесли в город на гору. — Город Трапезунт разделялся на 3 главных района: 1) нижний город у моря, где было сосредоточено торговое население и приставали иностранные купцы; 2) средний город с главной церковью „Богородицы Златоглавой“, обращенной турками в мечеть; 3) верхний город на горе, окруженной оврагами и скалистыми обрывами, с цитаделью, которая в эпоху Трапезунтской империи называлась акрополем или μεγάλη κόρτη, а при турецком владычестве — Орта-хисар. Афанасий Никитин без сомнения говорит об этом акрополе на горе, внутри которого помещались бывший императорский дворец и государственные учреждения.

358 Чермное море — в данном контексте Черное море.

359 Дория Стимъбельская — см. прим. 3.

360 Вонада — мыс на южном берегу Черного моря, к западу от Трапезунта.

361 Платана — городок и гавань на южном берегу Черного моря к западу от Трапезунта, упоминаемая у Клавихо.

362 Олло ак, олло, худо перводегерь — „аллаху хакк (ар.), аллах, худа пердигер (ар.-перс.)“ — „бог истина, бог, бог покровитель“.

363 Балыкая — Балаклава, порт у юго-западного берега Крыма. Греческая колония, известная еще в Античную эпоху под именем παλάκιον, позднее была известна под именем Σύμβολον, у итальянцев (генуэзцев) — Cembalo или Cembaro, у татар и турок — Балыклава, Балыкая. Город оставался в руках местных греков и после монгольского нашествия, но в XIV в. был захвачен генуэзцами. В 1433 г. восставшее греческое население Балаклавы изгнало генуэзцев и передало Балаклаву соседнему греческому князю города Теодоро. В 1434 г. генуэзцы снова взяли было Балаклаву, но не смогли удержать ее в своих руках, понеся в том же году страшное пораже

ние от крымского татарского хана Хаджжи Гирея. Балаклава оставалась под властью местного греческого князя до 1475 г., когда она была взята турками и передана ими во владение крымскому хану.

364 Тъкъръзоф — Гурзуф на южном берегу Крыма.

365 Дигырь худо дано, олло перводигирь доно аминь — искаженное перс. „дигер худа данед, аллах первердигер дана, амин" — „Остальное бог ведает, бог покровитель (букв. „воспитатель") всеведающий, аминь".

366 Смилна рахмам рагым, олло акберь... — искаженное ар. „бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим, аллаху ак ар..." — „Во имя бога милостивого милосердного, бог величайший..."; дальше см. перевод, стр. 73.

367 Иса рухолло — ар. „Иса рух аллах" — „Иисус дух божий", эпитет Иисуса Христа („Иисус — слово и дух бога") в Коране, в котором отразилось здесь христианское учение о логосе — „боге-слове"; однако, тем не менее, в исламе Иисус признается не воплощением бога, а только одним из шести величайших пророков (Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед). — Дальше см. перевод стр. 73—74.

368 Тюркские фразы и выражения в тексте „Хожения" трудно отнести к какому-либо одному из тюркских языков. Это своего рода волапюк или макаронический язык, в котором смешаны лексические и грамматические формы различных тюркских языков, с примесью арабских и персидских слов и целых фраз; выражений, заимствованных из индо-арийских или дравидийских языков, у Афанасия Никитина почти не встречается. Однако, по компетентному мнению советского тюрколога члена-корреспондента Академии Наук Узб. ССР проф. А. К. Боровкова, в тюркском языке Афанасия Никитина преобладает среднеазиатский, именно старо-узбекский („чагатайский") элемент, с некоторыми хорезмийскими диалектическими формами. Этому обстоятельству можно дать двоякое объяснение: 1) либо Афанасий Никитин еще до своего путешествия 1466—1472 гг. бывал по торговым делам в татарских городах Поволжья где в XIII—XV вв. всегда было много хорезмийских купцов и где упомянутый тюркский жаргон служил разговорным языком в купеческой среде; там именно и мог изучить его Афанасий Никитин; а в Азербайджане и Иране был в ходу, наряду с персидским, также язык тюркской системы — азербайджанский; 2) либо Афанасий Никитин усвоил упомянутый тюркский волапюк уже во время пребывания в Индии, где было в то время много купцов и военных людей из Средней Азии („Чагатайской земли"), хотя преобладающим у индийских мусульман (в придворной, военной и городский среде) разговорным языком был персидский; у Ибн Батуты приведено много персидских фраз, слышан ных им в Индии. Литературным языком индийских мусульман в то время был также персидский.

И. П. Петрушевский

Список сокращений

аз. — азербайджанское слово.
ар. — арабское слово.
ар.-перс. — арабо-персидское (сложное) слово или выражение.
ар.-т. — арабо-тюркское (сложное) слово или выражение.
г. н. э. — год нашей эры.
г. х. — год хиджры.
монг. — монгольское слово.
осм. — османское слово.
п., перс. — персидское слово.
перс.-ар. — персидско-арабское (сложное) слово или выражение.
т. — тюркское слово, встречающееся в разных тюркских языках.

Абд-ар-реззак Самарканди — Матла ас-садайн. Notices et extraits de la Bibliotheque roi, t. XIV, part 1 (перс. текст и франц. перев.). Paris, 1941.

Айин-и Акбари изд. Gladwin, London, 1800.

Анонимный венецианский купец — A narrative of Italian travels in Persia, in the XV and XVI centuries, Hakluyt series, vol. 49 (дальше — Hakluyt series). London, 1873.

Анонимный персидский географ — Худуд-ал-алем, изд. перс. текста В. В. Бартольда. Л., 1930.

Анджолелло — Hakluyt series, vol. 49.

Барбаро — Hakluyt series, vol. 49.

Барбоса Дуарте — The Book of Duarte Barbosa, vol. I—II. Hakluyt series, ser. II, vol. 24, 29, London, 1918.

Вартема — Hakluyt series, vol. 49.

Вассаф — Бомбейское литограф. изд. перс. текста, 1269 г. х.

Джафари — В. В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов (перс. текст, Записки института Востоковедения АН СССР, т. V, 1935.

Димашки — Космография, изд. арабск. текста А. Ф. Мерена, СПб., 1866.

Закария Казвини — Аджаиб ал-махлукат, изд. арабск. текста Вюстенфельда.

Истахри — Bibliotheca geographorum arabicorum (дальше — BGA.), т. I (арабск. текст). Лейден, 1877.

Ибн Батута — Изд. Дефремери и Сангвинетти, тт. I—IV (арабск. текст и французский перевод). Париж, 1851—1854.

Идриси	— Изд. Дози и де-Гуйе (арабск. текст).
Контарини	— Hakluyt series, vol. 49.
Конти Николо	— India in XV century. Hakluyt series, vol. 22. 1870.
Макдиси (Мукабдаси)	— BGA, т. III (арабск. текст). Лейден, 1877.
Марко Поло	— Русск. перев. И. Минаева, 1902.
Мас'уди	— Мурудж аз — захаб. Collection d'ouvrages orientaux, t. I (арабский текст).
Рашид-ад-дин	— Стамбульская рукопись (Фотокопия ИВ АН).
Тавернье	— Les six voyages, Paris, 1692.
Фериштэ	— Бомбейск. литогр. изд. перс. текста.
Хамдаллах Казвини	— Нузхатал — кулуб, изд. Gibb. memorial series (дальше — GMS), т. XXIII (перс. текст). Он же. Тарих-и гозидэ, изд. GMS, т. XIV (Факсимиле перс. текста).
Хафиз-и Абру	— Рукопись Института восточных рукописей Академии Наук УзССР (Ташкент), № 5361.
Цезарь Фредерик	— Hakluyt collection, II, London, 1810.
Шемс-и Сирадж Афиф	— Elliot. History of India by its own historians, vol. III, 1871.
Якут	— Му'джам ал-бульдан, изд. Вюстенфельда (арабск. текст), Лейпциг, 1870 и след. гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания текста

П. М. Строев. Софийский временник, ч. II. СПб., 1821, стр. 145—164.

И. П. Сахаров. Сказания русского народа, т. II, кн. 8. СПб., 1849, стр. 170—182.

Софийские летописи. Полное собрание русских летописей, т. VI. СПб., 1853, стр. 330—358.

Львовская летопись. Полное собрание русских летописей, т. XX, первая половина, Львовская летопись, часть первая. СПб., 1910, стр. 302—313.

Исследования

И. И. Срезневский. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. Ученые записки второго отделения АН, т. II, СПб., 1866, вып. 2, стр. 225—307.

И. Минаев. Старая Индия. Заметки на Хожение Афанасия Никитина. СПб., 1882 (оттиск из „Журнала Минист. народн. просвещ." за 1882 г.).

А. Е. Любимов. Загадочная страна Шабот в путевых записках А. Никитина (1466—1472 г.). „Восточный сборник" Общества русских ориенталистов. СПб., 1916, кн. 2.

И. Ю. Маркон. Страна „Шабат" в Хожении за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. Труды Белорусского Государственного университета в Минске, 1922, № 2—3, стр. 304—325.

Н. И. Воробьев. „Хожение за три моря". Ученые записки Казанского Государственного педагогического института, вып. I, Казань, 1939.

В. В. Богданов. „Накануне 475-летия путешествия Афанасия Никитина в Персию и Индию. „Землеведение", Сборник Московского общества испытателей природы, М., 1940.

Р. Терегулова. Хождение Афанасия Никитина как памятник русского литературного языка XV века. Ученые записки Тамбовского Государственного педагогического института, вып. I., Тамбов, 1941.

В. Д. **Иванов.** Система суффиксных словообразований в „Хожении" Афанасия Никитина. Русский язык в школе, 1946, № 5—6, стр. 91 (сообщение о докладе).

К. И. **Кунин.** Путешествие Афанасия Никитина. ОГИЗ, Издательство географической литературы, М., 1947.

М. А. **Ильин.** Тверская литература XV в., как исторический источник. Труды Историко-архивного института, т. III, кафедра истории СССР, М., 1947, стр. 43—51.

Литературная обработка

К. **Кунин.** За три моря. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина. Историческая повесть. Гос. Изд. детск. литер. Минист. просвещ. РСФСР, М.—Л., 1947, 116 стр.

Переводы

Д. И. **Языков.** Reise nach Indien unternomen von einem Russischen Kaufmann im 15 Jarhundert. Dorpater Jahrbücher fur Literatur, B. IV, Leipzig, 1835, XLYIII, стр. 481—502. (Пересказ текста, изданного П. М. Строевым).

K. **Mejer.** Die Fahrt des Athanasius Nikitin über die drei Meere. (Reise eines russischen Kaufmannes nach Ostindien 1466—1472). Leipzig-1920. (В серии „Quellen zur russischen Geschichte").

R. H. **Maior.** India in the Fiftechth Century being a collection of Narrativ ves of voyages to India. Printed tor the Hakluyt Society, London, 1857. (Перевод Троицкого списка, сделанный Виельгорским).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ (1466—1472 гг.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

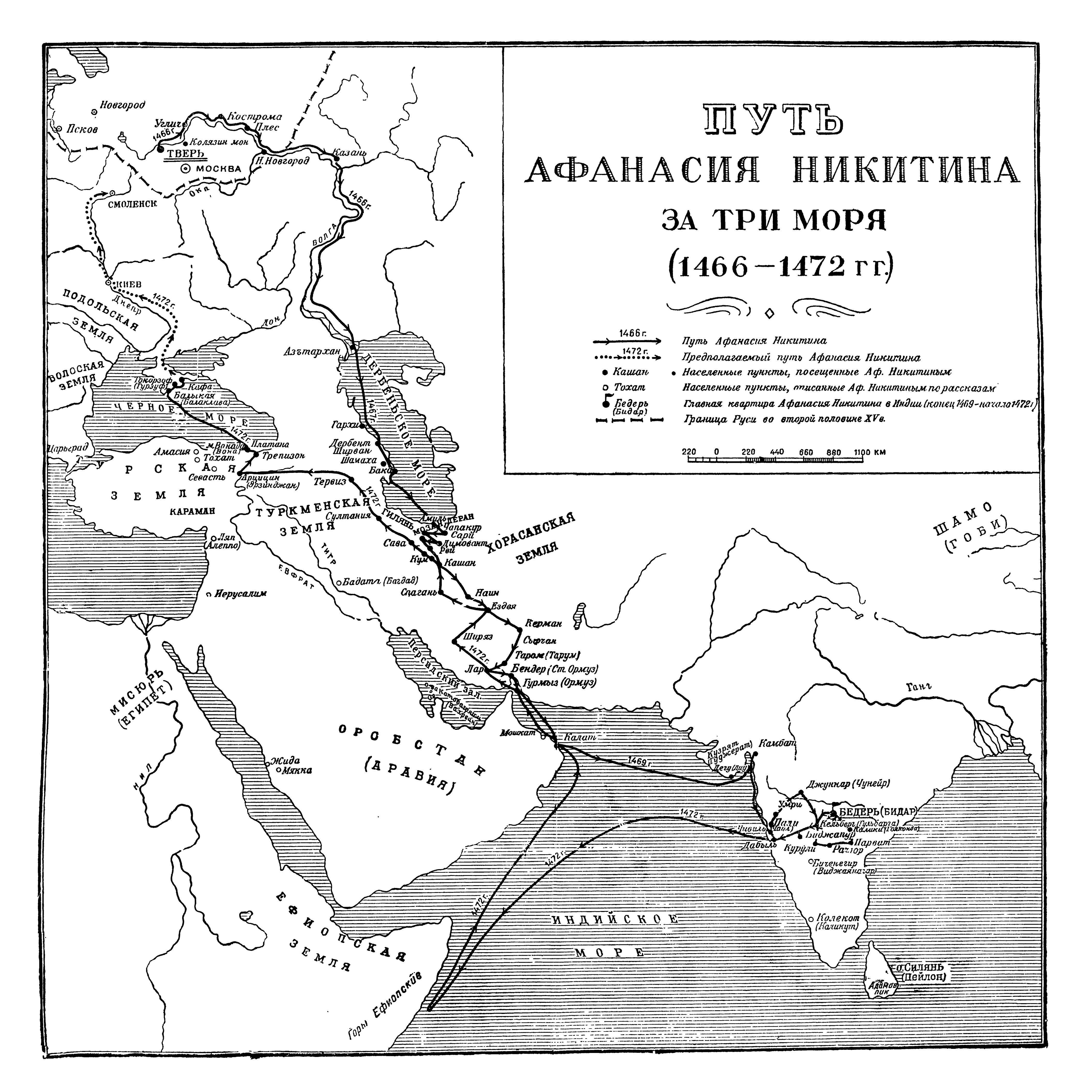
*

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Корректор *Л. А. Ратнер*
Оформление художника *И. Ф. Рерберга*

*

РИСО АН СССР № 3135. М-21008
Подписано к печати 12/VIII 1948 г.
Печ. л. $14^{1}/_{2}$ + 7 вклеек. Уч.-изд. л. 18.
Тираж 8000. Заказ № 1221.

1-я Типография Издательства
Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, 12


ПУТЬ
АФАНАСИЯ НИКИТИНА
ЗА ТРИ МОРЯ
(1466—1472 гг.)
1466 г. Путь Афанасия Никитина
1472 г. Предполагаемый путь Афанасия Никитина
Кашан Населенные пункты, посещенные Аф. Никитиным
Тохат Населенные пункты, описанные Аф. Никитиным по рассказам
Бедерь (Бидар) Главная квартира Афанасия Никитина в Индии (конец 1469-начало 1472 г.)
Граница Руси во второй половине XV в.
220 0 220 440 660 880 1100 км
Новгород
Псков
Углич
Кострома
Плес
Колязин мон
ТВЕРЬ
МОСКВА
Н. Новгород
Казань
СМОЛЕНСК
Ока
Волга
КИЕВ
Днепр
Дон
ПОДОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
ВОЛОСКАЯ ЗЕМЛЯ
Азътархан
ДЕРБЕНЬСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Кафа
Гурзуф
Балаклава
Гархи
Дербент
Ширван
Шамаха
Бака
Царьград
Амасия
Тохат
Платана
Трепизон
Севасть
Арцицин (Эрзинджан)
Тервиз
Султания
ТУРКМЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
ГИЛЯНЬ
КАРАМАН
ХОРАСАНСКАЯ ЗЕМЛЯ
Сари
Рей
Сава
Кум
Кашан
Наин
Спагань
Ездея
Керман
Ширяз
Сырфан
Таром (Тарум)
Лар
Бендер (Ст. Ормуз)
Гурмыз (Ормуз)
Ляп (Алеппо)
Бадат (Багдад)
Тигр
Евфрат
Иерусалим
МИСЮРЬ (ЕГИПЕТ)
Нил
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛ.
ОРОБСТАН (АРАВИЯ)
Жида
Мякка
Мошкат
Калат
Кузрят (Гуджерат)
Камбат
Джуннар (Чунейр)
Умри
Пали
Чивиль (Чаул)
Дабыль
Кулури
БЕДЕРЬ (БИДАР)
Кельберг (Гульбарга)
Бидждапур
Парвит
Рачюр
Биченегир (Виджаянагар)
Колекот (Каликут)
о. Силянь (Цейлон)
Адамов пик
Ганг
ШАМО (ГОБИ)
ИНДИЙСКОЕ МОРЕ
ЕФИОПСКАЯ ЗЕМЛЯ
Горы Ефиопские
1466 г.
1467 г.
1469 г.
1472 г.